

Елена Гуйда

Царя

Annotation

Игра человеческими жизнями излюбленная забава благородных. Одни играют слабыми. Другие сильными. Она всего лишь пешка, судьба которой в руках того, кто играет судьбами и жизнями людей. Что он уготовил ей? Как повернется ее жизнь? И готова ли она к тому, что ее ждет?

Звонкий перестук каблучков отбивался от стен темного коридора и, эхом возвращаясь обратно, раздражал слух. Настенные факелы опасно плевались огнем. Мастер никогда не любил магические светильники. Я не спрашивала почему. Я вообще никогда и ни о чем его не спрашивала, если это не нужно было для дела. Таков негласный закон этого дома.

Я до сих пор помню ту смесь восхищения и ужаса, которую испытала в день, когда стала собственностью своего господина. Нет, мастера. Он приходит в ярость едва кто-то из нас смеет называть его иначе. Нет, он не кричит, не наказывает, но одного холодного взгляда порой хватает для того, чтобы душа ушла в пятки. Потому — мастер. И только мастер. И даже в мыслях мы не смеем называть его иначе.

В тот жаркий день второго месяца лета, меня впервые выставили на Гекширском рынке рабов. И этот же раз стал последним. Мне едва сровнялось пять лет. Обычно детей не продают такими малышами, но накануне моя мать заболела какой-то лихорадкой и рассвет я уже встречала сиротой.

Осознавая, что теперь заботиться обо мне некому, а обучать просто никому нет нужды, хозяин не увидел особой ценности в ребенке и поспешил избавиться от меня как можно скорее. Не знаю, улыбались ли мне в тот день боги, или решили жестоко пошутить, но я осталась жива. А для начала это не так уж и мало.

В тот день я на такую щедрость не смела и надеяться. По крайней мере, мне дали понять, что если на меня не позарятся ни один покупатель, то бордель будет самым большим, на что я могу надеяться. А еще в красках расписали, для чего там держат таких маленьких девочек. На мне даже не ставили клейма и не одевали ошейник, оставив эти заботы новому хозяину или же владельцу дома терпимости. Не сказать, что это меня расстроило. Но в сочувствующих взглядах остальных рабов в бараке, не сложно было прочесть свою дальнейшую судьбу.

Сказать правду, после того, что я услышала, впервые молилась богине-матери всю ночь, не поднимаясь с колен. Но до сих пор не пойму услышала она мои вопли о помощи или же Эвараар, бог коварства и обмана, но жизнь моя изменилась так, что казалось я проснулась от страшного сна. Или наоборот крепко уснула и до ужаса боялась проснуться.

Я свернула в темный коридор и вытащила из настенного кольца факел. Нужно было спешить. Мастер не любил ждать, а его неудовольствие поистине непозволительная роскошь. От нехорошего предчувствия внутри все похолодело. Демоны, что понадобилось наставнику в это время?

Факел вырывал из кромешного мрака зловещие тени, но мне было все равно. В это крыло не допускались даже слуги. Потому самое страшное, что могло здесь поджидать, это полчища пауков, плетущих свои сети в провалах боковых ниш. Мастер всегда питал некую слабость к этим существам.

Я передернула плечами. Эту любовь хозяина разделить не получалось, как не старалась ему угодить.

Наконец коридор закончился тупиком.

Настенное кольцо жалобно скрипнуло, принимая мой источник света.

Я быстро нащупала в складках платья маленький ножик и полоснула по ладони. На

тонкой линии пореза тут же набухли большие капли, при таком освещении казавшиеся черными. Пришлось немного подождать, пока крови наберется достаточно.

Я нетерпеливо притопывала ногой. В голове было привычно пусто. За годы проведенные в этом доме пришлось научиться тому, что перед встречей с хозяином, не следует гадать. Он всегда знал о мыслях, что роились в наших головах. И безопасней было для нас же, чтобы ничего лишнего там не водилось совсем. Были у него способности к ментальной магии или просто слишком хорошо нас знал. Конечно я задавалась этим вопросом, но слишком любила жизнь, чтобы озвучить его хотя бы раз.

И все же сегодня меня снедало любопытство. Что могло случиться такого, что мастер велел разбудить меня среди ночи и явиться немедленно в лабораторию.

Наконец ладонь заполнилась вязкой жидкостью настолько, что можно было приступить к нанесению символов ключа. Я привычно макнула палец и начала рисовать на стене, стараясь чтобы каждый знак, каждая черточка были идеально прорисованы, но и не было потеков. Кровавый рисунок на серой стене напоминал любимого мастером паука. И глядя на него, внутри все привычно сжималось и затягивалось тугими узлами.

Когда он впервые привел меня сюда, я была в таком восторге, будто ребенок, которому показали живого дракона. Тогда он и объяснил, что малейшая неточность и меня просто размажет по полу охранное заклинание.

Меня это не очень испугало, пока однажды не нашла здесь труп Льешеды, одной из наших девочек. Мне было десять. И воспоминания о том дне навсегда останутся со мной. Как напоминание, назидание и предупреждение. Льешеда была так же самоуверенна и необычно красива. Одна ошибка исправила и то и другое. Ее изуродованное до неузнаваемости лицо потом еще долго приходило мне в ночных кошмарах. Изломанное тело валялось на холодном камне коридора в неестественной позе, а я не могла оторвать от нее глаз, сдвинуться с места. Неимоверным усилием воли, все же смогла дотронуться до окрашенной в багровый шеи. Самое страшное, что умерла она далеко не сразу и думаю, что мучилась перед уходом страшно. Когда я склонилась над тем, что некогда было моей подругой, могла поклясться, что чувствовала, как под пальцами еще слабо трепыхался пульс.

Я, кажется, плакала и просила мастера ей помочь, но он лишь укоризненно покачал головой и словно камнем бросил в меня одно слово «Убрать». При том таким спокойным и равнодушным тоном, что язык прирос к небу, а слезы моментально высохли. Не могу сказать, как мне удалось справиться с задачей. Наверное, сказался шок от увиденного. Но скорее такое действие имел тот тон, которым был отдан приказ.

Я вывела последний символ и, проверив еще раз правильность нанесенных знаков, сплела заклинание открывающее дверь.

Миг. Долгий миг, в который каждый раз душа уходила в пятки, а ужас проползал холодными мурашками вдоль позвоночника, и рисунок напитался синеватым свечением. Каждый раз в этот момент, я не могла сдержать облегченного вздоха. Закрыла глаза и ступила сквозь стену, отменяя видение изуродованного девичьего тела. Легкое покалывание и резкий свет резанул по глазам, заставляя зажмуриться. Сырой, холодный воздух подземелья лизнул обнаженный плечи. Я поежилась, но тут же взяла себя в руки и чуть не помчалась вниз.

Наконец ступени закончились. Подвал, в котором была расположена лаборатория,

утопал в привычном полумраке и я на мгновение ослепла после яркого освещения коридора. Долгих два года назад, когда впервые мне была оказана великая честь оказаться в святой святых этого дома, я испытывала такой трепет и гордость, что даже на время забывала дышать. Мастер долго показывал, что где стоит, что для чего предназначено, и к чему ни в коем случае прикасаться нельзя. Я жадно ловила каждое его слово и старалась запомнить не только то, что он говорил, но и его движения, интонации, малейшие изменения в голосе. Нет, не потому, что мне это было важно. Просто так нас учили. Подмечать малейшие детали и запоминать. А после делать выводы и использовать для своих целей. Увы, угадать мысли мастера по жестам или мимике было невозможно. Маска отстраненного безразличия. Вот, что мы видели каждый раз встречаясь с этим человеком.

А тогда я жадно скользила взглядом по корешкам древних фолиантов, не решаясь к ним прикоснуться. По множеству, разбросанных в, казалось, хаотичном порядке, колб с неизвестными субстанциями. По камням, блестящим в дрожащем свете свечей. И впитывала, как губка, стараясь запомнить как можно больше. Как можно точнее. И до сих пор помню довольную усмешку мастера, перехватывающего мой восторженный взгляд. С того дня дважды в неделю я спускалась в подземелье, чтобы встретиться с наставником и обучаться у него искусству зельеварения.

Я присела в идеальном реверансе:

— Мастер.

Голос не дрогнул, но в груди противно замерло в ожидании ответа.

— Миели, дорогая, — раздался из противоположного угла голос, от которого похолодело все внутри.

Не смея подняться, я из-под опущенных ресниц следила за тем, как шаг за шагом приближался он. Тот, которого каждая из нас боялась до дрожи во всех конечностях. Тот, тихий голос которого, ужасал больше, чем все крики наших наставниц и учителей. Да, за эти четырнадцать лет, что я провела в этом доме, он ни капли не изменился. Все так же высок, худощав и властен. Все те же черные, немного посеребренные сединой коротко стриженные волосы. И все тот же взгляд черных, как сама тьма, глаз с язычками красного пламени на дне зрачков, от которого обрывалось все внутри и хотелось бежать, не разбирая дороги.

Именно таким он был эти долгие четырнадцать лет назад. Годы не были властны над этим человеком.

Тогда, маленькая испуганная рабыня Шианна, смотрела через решетку на высокого мужчину, перед которым словно волны расходилась толпа и восторгалась им. Она до сих пор в мельчайших подробностях помнила ту первую встречу. Она и не смела надеяться, что он купит именно ее. Но в какой-то миг холодные черные глаза остановились именно на ней, и Шианна дернулась, будто этот взгляд мог убить ее на месте. То его тонким губам скользнула неприятная усмешка и мир смазался. Она еще помнила, как звякнула медь у ног ее хозяина. Как ее грубо выгнали из клетки и велели ступать за новым господином. И она послушно поплелась по мощенной дороге, следя за широкой спиной, затянутой в черный камзол.

В тот день маленькая рабыня умерла и родилась я. Девушка по имени Миелисандра.

Я сглотнула и постаралась не выдать голосом тот страх, который сжал внутренности железными тисками.

— Мне передали, что вы хотели меня видеть, — и снова голос меня не подвел и едва удалось сдержать вздох облегчения.

Мастер удовлетворенно хмыкнул и кивнул на кресло.

Я разогнула спину и, стараясь ничем не выдавать себя, последовал его приказу.

Он протянул мне бокал с багрово-красным напитком. Едва мои пальцы сомкнулись на тонкой ножке бокала, я вдохнула терпкий винный запах. Он снова хмыкнул.

Да, я проверяла нет ли в напитке яда. Есть, конечно мгновенные, без запаха и вкуса, но от них я принимала противоядие каждое утро, потому не опасалась. Остальные, мы заучивали на запах и даже вкус. И если не справлялись с заданием, то либо готовили противоядие, либо умирали. В первый раз, конечно, мастер смилостивился и раздал нам нейтрализатор, но в последующие... Так нас стало меньше еще на три девушки. Милая, смугленькая Дейна, захлебнувшаяся собственной кровью. Блондинка Стессия, разорвавшая собственное горло, задыхаясь. И дерганная Лериния... ее смерть была долгой. Можно сказать, она сгнила живьем, а нас приводили ее проведать по четыре раза на дню, перед трапезой. Стоит ли говорить, что после такого кусок в горло не лез ни одной из нас. Но мы упорно давились едой, так как наставница следила за каждым нашим движением, выдать хоть жестом, хоть взглядом собственные чувства, было непозволительно. И мы улыбались и вели светские беседы, не забывая принохиваться и пробовать еду маленькими кусочками. Нужно ли говорить, что застав однажды бездыханное тело Леринии, мы вздохнули с облегчением. Да. Каждая из нас ждала дня, когда наконец закончится эта пытка и для несчастной и для собственно нас самих. Это был всего лишь очередной, очень жестокий урок. Но нам пришлось усвоить и его.

Не уловив ни одного постороннего запаха, я сделала маленький глоточек. Что ж сегодня травить меня никто, видимо, не собирается. Значит ли это что можно немного расслабиться? О, нет. Я напряглась еще больше, невероятным усилием воли сохраняя улыбку на лице.

Мастер следил же за мной своими черными глазами и я уже начинала нервничать под его взглядом. Наконец, он кивнул каким-то своим мыслям.

— Что ж, Миели, хочу тебя поздравить, отныне ты единственная наследница герцогини Нейтории де Рoad.

В этот раз я все же не смогла скрыть удивления и поспешила спрятать его за глотком вина.

Мастер поджал губы, показывая, что не доволен и пришлось натянуть все ту же улыбку на лицо.

— Благодарю за поздравления, мастер, — кивнула я.

На мои колени легла папка, видимо досье на герцогиню и моя личная легенда.

— Понимаешь, Миелисандра, — ровным сухим голосом продолжил мастер, — герцогиня уже не молода и давно вдова, а ее единственный и горячо любимый сын давно уже предстал перед богами.

«Интересно, не без вашей ли помощи?» — мелькнуло в голове, но уловив опасный огонек в глазах мастера, я поспешила отмахнуться от этой мысли.

— Безутешная леди Рoad долгое время топила горе в вине. Но видимо боги смилостивились над старой женщиной. Представляешь, дорогая, совсем недавно, к ней приехала погостить дальняя родственница. Милое создание, в котором она обрела дочь, которую всегда хотела иметь...

Мужчина замолчал, видимо, позволяя мне обдумать услышанное. Что ж. Похоже, мой господин умудрился надавить на старуху каким-то способом. Могу поспорить, что не обошлось без шантажа некой нелюбезной историей, которую герцогиня не хотела бы

вывесить на всеобщее обозрение. Не думаю, что имела угроза жизни или разорения. Если после нескольких лет беспробудного пьянства там еще есть, что разорять. Вряд ли женщину, которая пережила смерть мужа и ребенка, можно запугать таким способом. Или может, ей что-то пообещали? Нет. Не думаю, что у мастера есть, что предложить бедняжке в обмен на герцогство. Хотя...

Я выжидательно уставилась на мастера, ожидая продолжения. Он кивнул и продолжил:

— Так вот, Миели, герцогиня очень хочет представить свою будущую наследницу ко двору. Ее счастье так велико, что она просто мечтает им поделиться со всей знатью королевства.

Я едва сдержалась, чтобы не поморщиться и снова сделала глоток вина, чтобы не выказать своих мыслей выражением лица.

— Принцесса, заинтригованная рассказами о воспитанной и очаровательной юной леди, уже готова предоставить ей место своей фрейлины при дворе.

Демоны! Я подавилась вздохом и не смогла так совладать с эмоциями.

— Ну, Миели, не заставляй меня в тебе разочаровываться, — окатил меня холодом голос мастера и я постаралась взять себя в руки.

— Насколько я помню, Ее Высочество Сельвинда в скором времени должна сочетаться браком с владыкой Сменледера, его Величеством Тегдардом. Значит ли это...

— Да значит. — оборвал меня резкий женский голосок. — Мои фрейлины отправятся со мной.

Из темной ниши выступила высокая женская фигура. Я быстро перевела взгляд на еще одну присутствующую при нашем разговоре особу.

Высокая светловолосая девушка не спускала с меня изучающего взгляда. Встреть я ее где-нибудь на улице, в жизни бы не подумала, что это принцесса крови. Волосы убраны в пучок на затылке, просторная рубашка и штаны скрывают фигуру, изменяя ее очертания до неузнаваемости. Конечно, она была невероятно хороша собой. Огромные голубые глаза, в обрамлении пушистых ресниц, пухлые губы, маленький слегка вздернутый нос и кожа наводящая на мысль о дорогом шейхерском фарфоре. В ней легко было угадать представительницу высшей аристократии, если присмотреться. Но на первый взгляд, девица, как девица.

Я поспешно поднялась, не забыв при этом поставить бокал на столик и придержать папку, развернулась и присела в глубоком реверансе.

— Ваше Высочество.

Мою склоненную фигурку окинули еще одним изучающим взглядом и тут же потеряли всякий интерес.

— Редхард, я так понимаю это она.

— Да.

Редхард. Надо же. Я теперь знаю, как зовут нашего господина. Что мне это дает? Понятия не имею. Но поймав изучающий взгляд мастера, вся обратилась в слух.

— Если ты уверен...

— Сельми, я лично занимался ее воспитанием. Можешь быть уверена в ней, как во мне самом.

Принцесса снова окинула меня взглядом и сделала знак подняться. Едва я выровнялась ее маленькие сильные пальчики впились в мой подбородок. Железная хватка у нашей принцессы крови нужно сказать. Она пристально осмотрела мое лицо, на котором

приклеилась вежливая улыбка.

— Что ж. может и так. Но учти, за неудачу ты заплатишь головой. — резанул ее голос тишину, на долгое мгновение воцарившуюся в лаборатории.

Мастер привычно хмыкнул. Впрочем, угадать сейчас его мысли могла бы и я. Глупо было угрожать столь опасному человеку, даже будучи членом королевской семьи. Боюсь, что такое неуважение он вряд ли позволит себе забыть. Знает ли об этом Сельминда. Хотелось бы верить, что да. Иначе его месть станет для нее не самой приятной неожиданностью.

— Свободна, — холодно обронил мастер Редхард, слегка повернув голову в мою сторону, чтобы не возникло сомнений по поводу того, кому адресовался приказ.

Я присела в прощальном реверансе и поспешила к лестнице. И уже когда занесла ногу над первой ступенькой, в спину прилетело:

— Завтра герцогиня познакомится наконец, со своей горячо любимой племянницей. Не разочаруй старуху, Миели.

Я кивнула, давая понять, что услышала его и поспешила удалиться.

Только когда хлопнула за спиной дверь моей комнаты, я позволила себе расслабиться. Папка с моим досье полетела на кровать. Быстро намазала заживляющей мазью руку и перемотала бинтом. До утра не останется и следа от раны, но сейчас ее неприятно жгло и щипало. Распустила корсет, сбросила туфли и налила вина в бокал. Привычно понюхала, лизнула и уверенно отпила половину в несколько глотков. Покосилась на кровать и махом допила остальное.

Что ж, неизбежное оттягивать не стоит, иначе оно ударит неожиданно и будешь к нему не готов. Что бы ни задумал, мой наставник мне следует подготовиться. Боюсь, что годы проведенные в этих стенах я еще буду вспоминать, как самые спокойные. Было такое предчувствие.

Змеиное гнездо, называемое королевским двором, меня не пугало. Скорее наоборот. На сердце бальзамом разливалась гордость, а крови играл азарт и предвкушение. Мгновение ликования и я снова собрана.

«Ни в коем случае, Миели, не давай эмоциям застить тебе разум» — прозвучал голос наставника в голове.

Я подавила вздох и пересела на кровать. Ну и кто же я такая?

Впрочем, ничего особенного я там не увидела. Типичная провинциалка, недавно лишившаяся отца, единственного кормильца в семье. Впрочем, обнищавшее дворянство. Очень удобно. В таком случае мало кто будет задаваться вопросом того, что обо мне ни разу никто не слышал. И не удивлюсь если в храмовых записях уже готово свидетельство, о том, что моя матушка, баронесса Лессия ле Сайкон, жена почтенного барона Тинера де Роад, счастливо разрешилась от бремени девятнадцать лет назад. И привела в сей жестокий мир милую девочку названную Миелисандрой. Не удивлюсь если даже в честь какой-либо родственницы. И уверена, что уже готова старушка нянюшка, которая качала мою колыбельку и утирала разбитые коленки. Так и есть. Зовут эту, между прочим, горячо любимую мной особу, Нейта.

Мать возлагает все надежды на мое удачное замужество, а потому решила просить свою добрую одинокую и, несомненно несчастную, кузину о помощи. Точнее кузиной она ей не была. Мужья сих почтенных дам были дальними родственниками. Правда не настолько дальними, если считать, что имя рода все же носили одно.

Еще одной причиной стало то обстоятельство, что семья моя достаточно большая четыре брата и две младших сестры. Но, увы, еще в том нежном возрасте, когда добросовестно сидят на шее родителей и растрат на их содержание довольно для того, чтобы задуматься... Стоп. А не решил ли мастер подложить меня в постель королю? Я поджала губы и задумалась. Но ведь принцессе не больше месяца оставаться в родных пенатах. Ох, как хотелось бы узнать, что хочет от меня наставник. Но, конечно же, я не осмелюсь интересоваться у него сама. Остается гадать.

Королевство Вернария давно заинтересована в союзе с Сменледером. Старый король Ледмарт добивался его не первый год. Еще бы. Молодой Тегдард заслужил за те несколько лет правление репутацию весьма жестокого, амбициозного и сильного правителя. А с такими, как говорится, лучше дружить, чем враждовать.

Хотя были и другие сведения. Их можно было назвать сплетнями или слухами. Но шептались о том, что на деле правит королевством старший брат Тегдарда. А сам король подвержен пагубным привычкам и пристрастиям. Помешан на охоте и женщинах. В то время, как непонятно каким образом подвинутый подальше от трона старший королевский отпрыск правит железной рукой. Жаль, что я не вникала в это раньше. Стоило больше внимания уделить сплетням и слухам ползущим из соседнего государства. Время познакомиться с ними поближе еще будет.

К тому же война между Вернарией и Сменледером не приведет ни к чему хорошему, если так вообще можно говорить о войне. И кто знает, как поведет себя Иллария, если конфликт все же будет иметь место. Скорее всего, выждет время, когда более слабая Вернария ослабнет настолько, что можно будет брать ее голыми руками. Семенледеру здесь бояться нечего. Слишком уж не равны силы.

Я устало потерла лоб. Что же тогда сподвигло молодого правителя сочетаться браком с вернарской принцессой?

Пальцы сами забарабанили по плотной бумаге.

Возможно, я предназначена не тому королю. В этом что-то есть. Хотя снова нет. Наставник не решится подложить кого-то Тегдарду, пока Семенледер не обзаведется законным наследником. А еще лучше сразу несколькими. Или в этом и есть его задумка? Врядли. За эти годы я твердо уверилась в том, что нет более преданного королю человека, чем мой господин. А значит цель другая.

От размышлений заломило в висках.

Пришлось заставить себя вернуться к изучению своей родословной. Так. Братья, сестры, тетушки, дядюшки, бабушки, дедушки, подруги, соседи, домоправительницы, конюхи... от множества имен зарябило в глазах и пришлось сделать глубокий вдох. Я просто не имею права на малейшую ошибку. Не хотелось бы разочаровывать мастера. К тому же это просто несовместимо с жизнью.

Дверь с тихим скрипом открылась. На пороге стоял тот, мысли о ком только что занимали мою голову.

Тонкие губы на аристократичном лице изогнулись в брезгливой гримасе. Осознание того в каком виде меня застал мастер Редхард, на миг заставило дыхание сбиться, но я тут же взяла себя в руки, торопливо привела в порядок платье и присела в полагающемся реверансе.

Он кивнул, сделав вид, что не заметил моих манипуляций и сделал знак подняться. Я послушно выпрямилась.

Мастер Рейхард медленно подошел к столу и налил себе вина из той же бутылки, что и недавно пила я. Могу поспорить, что он так же проверял все на яд, но ни разу не заметила, как и когда он это делал. Он присел в кресло и неторопливо сделал несколько глотков, не сводя с меня немигающего взгляда.

— Что ж, Миели, ты уже поняла, что вскоре отправишься в Сменледер? — наконец спросил наставник, когда пауза затянулась настолько, что можно было ощутить, как сгустились черные тучи над моей головой.

— Да, мастер. Ее Высочество весьма недвусмысленно об этом поведала, — ответила я и снова выжидательно посмотрела в черные, как сам мрак, глаза.

Меня снедало любопытство настолько, что на мгновение отступил даже извечный страх перед наставником. Думаю, именно сейчас он скажет, что от меня ожидает. И я не ошиблась.

— Ты самая способная из моих учениц, дорогая Миели.

Холодный тон, которым он это сказал отнюдь не вязался со словами похвалы. И все же...

— Благодарю Вас, мастер. Это полностью заслуга моих учителей.

Он хмыкнул.

— Не скажи, Миелисандра. Сколько бы осла не обкатывали, ему никогда не стать скакуном. Я сделал в твоём лице поистине ценное приобретение. Но мы сейчас не об этом.

Он сделал еще глоток и продолжил, уверившись, что я внимаю каждому его слову.

— Твоей задачей будет оберегать Ее Высочество от некоторых непредвиденных ситуаций. Выполнять ее мелкие и не очень поручения. Я думаю, для тебя это не составит большого труда.

Я чуть не поморщилась, но кивнула и жарко заверила:

— Это большая честь для меня.

Мастер улыбнулся и продолжил.

— А так же я хочу знать о каждом ее поступке, слове, мысли. Я знать все о планах нашей маленькой принцессы. О каждом ее вдохе и выдохе, моя Миели.

О, мастер не преминул напомнить, чьей собственностью я являюсь на самом деле. Что ж, не стоило. Сложно забыть о том в чьих руках твоя жизнь. Кому принадлежит право казнить и миловать.

Я позволила легкой усмешке скользнуть по губам, кивнула, давая понять, что поняла правильно, то, что он хотел сказать.

— Ты станешь моими глазами, ушами и руками, моя драгоценная, при дворе Смелендера, — между тем продолжал Редхард. — И все указания будешь получать от меня лично.

Он побарабанил пальцами по подлокотнику и сделал еще глоток.

— Каким способом мы будем поддерживать связь? — решила воспользоваться повисшей паузой я.

Мастер окинул меня задумчивым взглядом и достал два листа бумаги. Откуда он их взял, осталось для меня загадкой. Казалось, что просто соткал из воздуха.

Но больше меня поразило то, что было на них нарисовано. Одного взгляда хватило, для того, чтобы понять, что это символы ключа. Они, конечно, отличались, от заученных мной, для прохода в лабораторию, но нечто общее все же просматривалось. У меня мигом вспотели ладони.

Значит ли это, что это ключи от дальних переходов? Да, наставник никогда не доверял бумаге и другим, пусть даже самым надежным, языкам. Теперь я понимала, что он имел в виду, когда говорил, что все указания буду получать от него лично.

Мастер кивнул, отмечая, что я осознала для чего предназначены письма и продолжил:

— Это, — ткнул он пальцем в один из листов, — вход в мой личный кабинет.

— Как я буду знать, что вы находитесь именно там? — не удержалась я от вопроса.

По лицу наставника проползла хищная улыбочка, означающая, что это не моего ума дело.

— Поверь, я буду знать, когда мне там следует быть.

От его тона внутри все похолодело. Сохранять спокойствие на лице становилось все труднее и труднее. Я покосилась на бутылку с вином, но подойти к столику не решилась.

— Это, — между тем продолжил мастер. — вход в лабораторию. Думаю, тебе она может понадобиться. Переход не простой. Требуется гораздо больших затрат магического резерва. К тому же ты должна будешь четко представлять место в которое переносишься. Будь аккуратна, Миели. Не хотелось бы потерять тебя по столь глупой случайности.

— Как часто мне следует к Вам являться? — пропустила я мимо ушей последнюю фразу.

— Не думаю, что будет потребность в твоих частых визитах. Но хотя бы раз в два-три месяца, я предпочитал бы видеть твое очаровательное личико.

— Да, мастер.

— Вот и славно. Схемы заучи и уничтожь. Отдохни, моя девочка. Завтра у тебя будет сложный день, полный новых впечатлений.

Можно было бы принять это за проявление заботы, если бы не повелительные нотки звенящие в его голосе.

— Да, мастер.

— Доброй ночи, моя Миели.

— Доброй ночи. — склонилась я в реверансе, перед уже закрывающейся дверью.

Сандра, ты не могла бы сидеть спокойно? — рывкнула Адеш прямо мне в ухо.

— Угу, — буркнула я в ответ, в который раз мысленно повторяя свою биографию.

Адеш недовольно сморщила свой маленький носик и с удвоенной силой взялась, за мои многострадальные локоны. Да, к преображению у нее всегда был особый талант.

Я мимолетом бросила взгляд на отражение в зеркале и довольно ухмыльнулась. На меня смотрела молодая девушка, с невинными, даже наивными глазами цвета молодой листвы. Длинные черные ресницы, тонкие брови. Идеальный ровный носик и чувственные алые губы. Осталось только сделать по наивней и восторженней лицо и образ провинциалки, впервые представленной ко двору, готов.

— Адеш, оставь мне, пожалуйста, хоть немного волос, — прошипела я, когда девушка особо сильно дернула расческой.

— Помолчи. Отвлекаешь.

Я бросила недовольный взгляд на ее отражение, мелькающее в зеркале, и умолкла.

Адеширу я знала столько же, сколько помню себя в этом доме. Она была красива. Не той утонченной аристократической красотой. Смуглая, с томными темно-кариими глазами и тугими кольцами волос, она вызывала у мужчин не восхищение и трепет, а желание и страсть. Боюсь даже представить, для чего мастер готовил ее. Но именно ее чаще всего водили в дом терпимости и обучали искусству соблазнения и ублажения мужчин. У нас тоже были подобные уроки, но всего несколько и в самых общих чертах.

Нет, мы не были подругами. Скорее соперницами, готовыми на многое, чтобы завоевать благосклонность мастера. Но стойко терпели друг друга. Для своего же блага можно сказать.

— Даже не знаю, что делать с твоими красными глазами, — посетовала Адешира. — Чем ты думала, когда не спала всю ночь.

Да, всю ночь я вертелась, не находя себе места. Азарт и возбуждение не покидали мою кровь и не давали провалиться в спокойные объятья сна.

— Это простительно для юной леди, которая несомненно была очень взволнована известием о скором представлении королю, не находишь? — подала голос с кровати Лайна.

Адеш хмыкнула, но согласилась.

— По-моему получилось идеально. Тебе очень идет это платье, — сказала она наконец.

Я бросила еще один взгляд на свое отражение и согласно кивнула. Платье действительно удивительно мне шло. Корсет подчеркивал высокую грудь, а целомудренный вырез открывал только ключицы. От тонкой талии свободно падала длинная, в пол, юбка из тонкого шелка, что при каждом шаге обрисовывала контур бедер и ног. Тонкая вышивка, серебряными нитями, делала платье нарядным.

— Жаль, что не ты будешь моей служанкой. Лайна врят ли способна на такое.

— Зато я способна на нечто больше.

О, да. Неприметная на вид служанка, в сером платье и пучком светлых волос сколотых множеством шпилек, на самом деле была способна на гораздо больше. Я то знала.

По негласному соглашению, мы никогда не расспрашивали о прошлом друг друга. Увы, приятного там было не много и мало кто мог похвастаться счастливым детством. Точнее

никто. Оно и неудивительно. Врядли мастер захотел бы иметь дело с семьями девочек, которых взял под свое крыло. Но все же у каждой уже был какой-никакой жизненный опыт. Адеш, к примеру однажды обмолвилась, что в свое время могла выпросить даже у нищего последний сухарь. А Тилайна не раз демонстрировала поразительные умения в открывании замков разной сложности. Нужно ли говорить, что навыки и остальных девочек были далеки от вышивания или пения. У меня, увы, не было даже таких сомнительных талантов, как у других. Хотя, училась я быстро и скоро стала лучшей в приготовлении ядов и прочих зелий.

Сложнее было другое. Требовательная и суровая леди Эдвинга де Ноат, больше похожа на одну из сестер Храма Матери, изводила нас днями и ночами, стараясь обучить этикету и, что еще хуже вытравить привитые с детства привычки. Ох, сколько нервов мы испортили милой старушке, не желая отказываться от привычек. Я, на пример, не могла привыкнуть сидеть за столом и есть с помощью ножа и вилки. В карманах Лайны оседали мелкие безделушки и драгоценности. Все это продолжалось до тех пор, пока за наше перевоспитание не взялся лично мастер. Нет, он не рассказывал, какой вилкой нужно кушать салат, а какой рыбу. Просто в один прекрасный день, он объяснил, на примере одной из нас, что будет с теми, кто не желает или же не может учиться и совершенствоваться. Иногда, когда мне кажется, что этот человек способен испытывать какие-либо добрые чувства, то вспоминаю девочку, которую посадили в клетку во дворе. Кажется, звали ее Дариса, или может как-то иначе. Помню только, что разговаривала она исключительно на воровском жаргоне, хамила и дерзила. Леди Эдвинга не долго терпела ее выходки и обидные слова и, вконец разозлившись, пожаловалась наставнику.

Дарису в тот же день посадили в железную клетку, а саму конструкцию подвесили на старой раскидистой яблоне на заднем дворе. Ей не давали ни еды, ни воды. Мы гуляли с леди Ноат в парке, под ее озверевшим взглядом, от которого по позвоночнику мороз пробегал и всячески старались побыстрее сбежать в дом. Адешира даже несколько раз падала в обморок. Весьма правдоподобно. Но наставница всегда имела при себе нюхательные соли, потому это не спасало нас от общества оголодавшей, грязной, и злой девочки. Кстати, сама старушка, которая была похожа на добрую служительницы богини-матери, на нее не реагировала никак.

И вот в один прекрасный, без сомнения, день девочка умерла. Ее вой, в ночь на кануне этого события, не давал спать всем обитателям поместья. Я тогда еще думала, как мастер объяснит это соседям. Все же его особняк стоял хоть и не в самом центре Гекшира, но и не на отшибе. А вой стоял такой, что даже подушка, которую я с силой прижимала к голове, едва мола его приглушить.

Утром мастер, как всегда в безукоризненно чистом и отглаженном, черном костюме для верховой езды, повел всю нашу немалую еще тогда девичью стайку на прогулку в парк лично. Впервые наша компания вела себя настолько тихо, что становилось жутко.

У самой клетки мастер остановился и несколько мгновений разглядывал окровавленное нечто внутри. Мы тоже смотрели. Кажется, кого-то вывернуло. Кто-то упал в обморок. А я не могла поверить, что это было некогда человеком. Нет, то что лежало на дне клетки меньше всего напоминало человека. Потому я просто представила, что этот ночью дерзкая рыжеволосая Дариса сбежала.

Мастер повернулся к нам лицом, дождался, когда наше внимание будет полностью принадлежать ему, и заговорил:

— Я скорблю о маленькой Дарисе, вместе с вами, мои девочки, — странно, но вот скорби в его голосе я не слышала. Скорее лед и сталь. И полнейшее равнодушие. — Но, увы, мои хорошие, у меня нет права тратить время, деньги и усилия впустую. Каждую из вас я принял в свой дом, как любимую дочь. И единственное, что требую от вас, мои милые, послушания и усердия. Это ведь не так много, учитывая, сколько я для вас сделал.

Минуту над нами висела, просто таки оглушающая тишина. Мастер проверял, все ли вняли его словам. Я же отчаянно думала о чем угодно, только не о том, как страшно было сейчас. Именно в этот момент каждой из нас стало понятно, что за любой проступок мы обязаны будем заплатить. Заплатить непомерно высокую для человека цену.

— Кто-то еще хочет, что-то у меня спросить?

Не знаю, кто в тот момент вложил эти слова в мои уста, но я ни дня о них не жалела.

— Мастер, а что вы скажете соседям? — и поймав недоуменный взгляд наставника, поспешила пояснить. — Дариса так выла этой ночью, что у них наверняка возникли не совсем уместные вопросы.

Как я в тот момент надеялась, что голос не дрожит.

Мастер несколько мгновений не сводил с меня глаз, а потом тепло улыбнулся и ответил:

— Моя маленькая Миели, это не должно тебя было волновать, — он сделал паузу и я беспокойно покосилась на клетку, — Но я отвечу, дитя. Думаю, что наши достопочтимые соседи, отнесутся с пониманием. Ведь моя любимая породистая сука этой ночью скончалась в страшных муках. Видят боги, если бы я знал, кто подмешал яд, моей любимице, убил бы собственными руками.

Да, в тот день я поняла, что мастер не только в любой момент может избавиться от нас, но к тому же никто никогда не узнает, что мы вообще существовали. О чем то таком думали все девочки, что этим утром пришли в сад на встречу со своим наставником.

Следующей же ночью Тахена и Гердана решили бежать. Я помню, как они тихо крались из комнаты. Что говорить, в моей голове тоже мелькнула такая мысль, но, наверное, мне было слишком страшно.

И, как оказалось, не зря. Уже утром в освободившейся клетке сидело две девочки.

— Ты уснула, Сандра? — рявкнула Лайна возле моего уха и я чуть не подскочила, чудом сохранив хладнокровие.

— Нет, просто задумалась. И на будущее помни, за такое можно выпить слезы химеры вместе с утренним чаем. — спокойно ответила я.

Да, иногда мы подливали яд друг другу. Чтобы не расслабляться. Мастер такие забавы поощрял. К тому же мы были менее жестоки и всегда держали при себе противоядие, буде кто не распознает отраву.

Слезы химеры были моим любимым ядом. С нежным, почти цветочным запахом, придававшим напитку или блюду пикантных ноток. Единственное что, его легко было распознать на вкус. На языке после «слез» оставался металлический привкус пополам с горечью.

— Зануда, — буркнула моя служанка в ответ.

Я только ухмыльнулась. Так, как обычно ухмылялся мастер. Я долго тренировалась перед зеркалом, пока получилось в точности скопировать эту кривоватую улыбочку, от

которой начинали дрожать поджилки.

Не удивительно, что после этого с лица девушки слетела вся веселость, а вместе с ней и краски.

— Мне иногда кажется, что ты на самом деле его родная дочь.

— Ты знаешь, что это не так. Ты ведь помнишь, как он привел меня в этот дом. Я тебя помню Лайна.

— Я тоже помню тот, поистине проклятый, день.

— Не скажи, дорогая. Кто знает, чтобы было с нами. — мурлыкнула Адеш.

— Я точно знаю, чего бы не было. Точно знаю.

На лице Лайны проступило такое обреченное выражение, что у меня дыхание перехватило. Всего на мгновение. Мы не зря были лучшими ученицами нашего наставника. Кто бы посмотрел на нас со стороны, сказал бы, что две милые девушки обсуждают вечерний наряд. Мастер был бы нами доволен.

Скрипнула дверь и в комнату вошел он. Наш благодетель, повелитель, наставник и наш ночной кошмар.

Три девичьи фигурки склонились в глубоких идеальных реверансах.

— Миели, милая моя девочка, надеюсь мне не придется ждать еще дольше, чем того могло потребоваться.

От этих слов все внутри предательски задрожало.

— Я готова, мастер.

— Хорошо. Леди Роат уже заждалась, дорогая.

Я кивнула. Бросила прощальный взгляд на Адеширу. Хотелось ее обнять, но единственное, что могла себе позволить, легкую улыбку.

Что ж. Может судьба еще сведет нас.

Мы шли по слабо освещенным коридорам поместья, которое долгие годы называли домом. Да, несмотря на страх и даже ужас, который сковывал меня от одного звука чеканного шага наставника, этот дом я называла родным. Увы, другого боги не дали. Возможно, где-то есть мое настоящее родовое гнездо. Огромный дом, утопающий в дурманящем запахе цветущих яблонь и абрикос. С мраморными скамейками в саду, магическими фонарями, розариями и фонтанами. Вокруг носятся дети, играя в салки с молодым пометом породистой охотничьей суки. И отовсюду доносятся голоса и смех...

Противный скрежет вырвал меня из раздумий и я мгновенно стерла с лица мечтательную улыбку. Почему-то каждый раз, стоило представить мой собственный дом, на душе становилось легко и хотелось улыбаться. Почему-то я всегда представляла его одинаково и так живо. Что говорить, иногда мне казалось, будто обоняния касается сладковатый запах цветущих абрикос. Мда, не лучшее время я выбрала для того чтобы предаваться фантазиям и мечтам.

Старая дверь открылась со скрипом и стенанием. Я всегда представляла, что это ворчит потревоженная старуха. Больно походил этот скрип на чей-то живой голос. В этой стороне поместья мы бывали не часто. И не сильно рвались, если честно. Что-то было здесь такое, от чего хотелось сжаться и скулить, как маленький перепуганный ребенок. Лишь однажды наставник сказал мне, что так я реагирую на магию, которой здесь был напитан каждый камень. Ничего страшного. Просто нужно привыкнуть.

Я на мгновение зажмурилась. Свет, который отбрасывал стационарный портал, больно резанул по глазам. За спиной по-кошачьи зашипела Лайна. Только невозмутимый мастер, не сбавляя шага, подошел прямо к окутанному серебристым свечением провалу.

Его тихий шепот в тишине, которой мы боялись даже дышать, слышался сотнями шипящих змей. Он возносился под своды и возвращался усиленный во много раз. Хотелось поморщиться, а лучше вообще сбежать. По коже в такт его словам, прокатывались волны холода, вытягивая тепло, и, как ни удивительно, магию. Нет, я не была сколько-нибудь сильной в магии. Хуже того, для того чтобы пользоваться тем, что имею, мне просто не хватало знаний. Но в такие моменты, когда мастер, как он потом объяснял, задействовал мой резерв, я чувствовала это настолько, что, казалось, вижу тонкие нити, похожие на предрассветный туман, по которым из меня уходила сила.

Наконец, голос наставника оборвался и арка портала полыхнула сиреневым.

Мастер без слов отошел в сторону и мы поспешили в открывшуюся дверь.

Лишь один короткий взгляд я позволила бросить в его сторону. Мужчина стоял ровно и провожал нас безразличным взглядом. Его, и без того бледное, лицо стало словно свежеотбеленное полотно, с темно-синими росчерками под глазами. Обескровленные губы сжались в узкую полоску. Порой это можно было бы воспринять, как признак недовольства, но я знала, что сейчас это не так. И можно было только догадываться сколько сил вытянула из моего наставника перенастройка портала. А еще нужно будет его деактивировать и установить защиту... Да, мастеру еще многое предстоит. Но ни одна эмоция не отразилась на моем лице. Этот человек не оценит жалости. Тем более к себе.

Я кивнула ему на прощанье, краем глаза заметила, как Лайна повторила мой жест, и

ступила под арку портала.

Резкий свет множества светильников ударил по глазам, стоило только выйти из портала.

Несколько долгих мгновений я привыкала к новой обстановке, не открывая глаз. Запах жженого воска и лежалой пыли щекотал ноздри. Приходилось часто дышать ртом, чтобы не чихнуть.

Я открыла глаза. Большой холл, в котором расположен стационарный портал, как и ожидалось, сверкал и блистал. Не сложно было догадаться, что герцогиня готовилась к этой встрече. Скорее всего, стремилась показать величие древнего замка де Роад. Или напомнить о моей никчемности? В таком случае старалась зря.

Великое множество светильников, начищенных до блеска и оправленных в резные хрустальные колбы, которые преломляли свет и рассыпались бликами по полу и стенам, выстроились в ряды под стенами. С потолка свисали огромные кованые люстры. Именно от них исходил запах восковых свечей.

Видимо раньше этот дом знавал великое множество гостей, так как сам зал впечатлял размерами.

Не удивлюсь, если его посещали как высокородные герцоги, так и особы королевской крови.

Я довольно улыбнулась. Со временем, если все получится, как задумал мастер, мне предстоит стать здесь хозяйкой. Прекрасное вознаграждение за мои труды. Вознестись от безродной оборванки-рабыни, до герцогини де Роад. Видят боги, за такое я готова, если не на все, то на многое.

Я бросила высокомерный взгляд на согнувшегося в полупоклоне привратника. Старик выглядел ровесником этому замку. Настолько старым, дряхлым и худым, что казалось, дунь и рассыплется. Старый, выцветший, но прекрасно отстиранный и отглаженный камзол, подчеркивал общее впечатление. Легко было догадаться, что внешнее величие начищенных до блеска залов, на самом деле лишь пыль в глаза.

— Добро пожаловать, леди... де Роад. Герцогиня Вас уже ожидает.

Я сделала вид, что не заметила его заминки. Но мысленную пометку сделала. Никто не должен сомневаться в том, что я действительно из рода Роад. А хуже излишне осведомленных слуг, только излишне болтливые. Видимо, старуха герцогиня либо потеряла бдительность с годами, либо слишком доверяет этому человеку. Что ж, в таком случае можем убить двух зайцев сразу.

Лайна поймала мой многозначительный взгляд и едва заметно кивнула. Судя по нервно дернувшемуся кадыку и мелко подрагивающим рукам, для старика наши взгляды незамеченными не остались. Потому он подобострастно согнулся еще ниже. На долю секунды, мне показалось, что он переломается под тяжестью нависшей над ним угрозы скорой расправы. Ох, как же Ваша репутация, дорогой мастер, действует на людей. А ведь если герцогиня действительно доверяет этому человеку, то он прекрасно осведомлен кто перед ним.

Да, этот человек не должен встретить следующий рассвет. Хотя...

Я сделала знак рукой, позволяющий ему подняться.

— Господин...

— Бедмонд ле Ларьен, — подсказал мне привратник, разгибая спину.

Ах, видимо, верный слуга раньше имел честь служить в армии Его Величества. Такая выправка в его то года, могла быть только у военного. Я постаралась улыбнуться, как можно доброжелательней.

— Господин ле Ларьен, мне бы хотелось с Вами переговорить. Перед тем, как я покину столь щедро завещанные тетушкой владения. — сказала я. — Наедине.

— Да, моя леди.

Так то лучше. Уже моя леди.

— А сейчас, проводите меня наконец к дорогой герцогине. Я ужасно за ней соскучилась. Да и не гоже заставлять ждать женщину ее возраста.

— Еще налакается до бессознательности и от радости прохрапит весь королевский прием, — тихо, чтобы слышала только я, буркнула Лайна.

Я сдавленно хмыкнула и снова надела на лицо маску равнодушной любезности.

Кстати, с ее пристрастием к алкоголю, нужно что-то делать. Не хорошо будет, если вместо замка и владений, мне достанется куча задолжностей и долгов. Она же как-никак герцогиня. Предпочитает напиваться дорогим илларийским, а не дешевым самогоном. Хотя в ее случае второе было бы эффективней. И дозы поменьше бы были. А то, ей боги, судя по предоставленным мне отчетам, графиня этим самым вином всех лошадей в замке поит.

— Да, господин ле Ларьен, — привратник застыл в полушаге от меня и резко по-военному обернулся. Я еле удержалась, чтобы не отшатнуться от неожиданности. — Я бы еще хотела увидеть управляющего.

Бедмонд ле Ларьен расплылся в злорадной улыбке и заверил, что уже через четверть часа тот будет ожидать меня в кабинете герцогини.

Между тем длинный и ярко освещенный коридор вывел нас прямо в большой обеденный зал.

Нда. Герцогиня таки решила поразить меня. Здесь тоже было много света, но уже не от искусственного освещения, а из огромных, в полтора человеческих роста, окон. Добавляло величия и цветные витражи на них, изображавшие, видимо, великие деяния богов или героев древности. Зал был идеально прибран. На стенах красовались не новые, но вполне приличного вида, гобелены. Пол из деккарского белого мрамора, вылизан на столько, что можно было смотреться в него, как в зеркало. Длинный стол, покрытый белой с золотой вышивкой скатертью, сервирован на две персоны, но по всем правилам этикета. Включая шейхерский фарфор и хрусталь, серебряные приборы и тонкой работы салфетки, что входили, видимо, в комплект со скатертью.

И среди этого всего меня ожидала вдовья герцогиня Нейтория де Роад, урожденная де Саантон. Южанка шестидесяти двух лет от роду.

Герцогиня была на удивление трезва, вопреки слухам о том, что каждое утро у нее начинается с бокала вина. Хотя это как раз не удивительно. Мастер все же умеет убеждать. Его доводы всегда достаточно вески, чтобы к его словам прислушались. И не удивительно, что герцогиня прониклась. Даже решила блеснуть былой красотой.

Ну, скажем так, ей удалось меня удивить. Не смотря, на старческие морщины и некую одутловатость на лице, ей еще удалось сохранить красоту, присущую, уже не молоденьким девочкам и даже не зрелым женщинам, а именно дамам в почтенном возрасте. Таким похвастаться могут далеко не многие. Годы не тронули длинные ресницы, что обрамляли огромные темно-карие глаза. На миг мне вспомнилась Адеши. А ведь и она, скорее всего,

сможет сохранить свою красоту до самых преклонных лет. Губы, на удивление, почти не были сморщенными. Только нос немного загнулся вниз, став похожим на клюв хищной птицы. Черные волосы, с едва заметными нитями седины, оставались все такими же блестящими. Да и фигура у старухи была скорее присущей женщине лет тридцати пяти. Правда грудь уже скорее угадывалась под расшитым серебряной нитью корсетом, но спорить могу, что под ворохом нижних юбок, скрываются вполне аппетитные и широкие бедра. Как и у всех южанок.

И наряд герцогиня подобрала достойный. Никаких, даже самых скромных декольте. Наоборот, высокий воротник, в котором была спрятана старческая шея. Никаких коротких рукавов, а длинные до самых пальцев украшенных тонкой работы перстнями. И цвет платья, глубокий фиолетовый, удивительно ей шел.

Нейтория де Роад, видимо, поспешила списать себя со счетов десять лет тому. С такими внешними данными и таким наследством, она могла бы еще рассчитывать на вполне благополучный и выгодный союз с каким-нибудь, пусть и не особо знатным, дворянином. Что же послужило причиной, дорогая герцогиня, вашего затворнического образа жизни. Ведь после смерти Вашего достопочтенного, но уже далеко не молодого мужа, Вы по собственному желанию удалились от двора. И буквально закрылись в родовом замке. Неужели уже тогда мастер начал плести свои сети. Не удивлюсь, что так оно было. И Вы, дорогая герцогиня, в них успешно угодили, если я правильно поняла Ваш полный ненависти взгляд, направленный сейчас на меня.

Все же я присела в реверансе, а герцогиня попыталась изобразить радость от нашей встречи. Не удивлюсь, если она перед этим тренировалась и не единожды перед зеркалом.

— Добро пожаловать, дорогая племянница, — все же вспомнила об учтивости леди Нейтория.

Когда эта женщина заговорила, я едва смогла удержать лицо. Ее глубокий низкий голос, с легкой хрипотцой... Демоны! Да этого быть не может. Я по-новому посмотрела на мою благодетельницу поневоле. Да сходство, которое едва улавливалось поначалу, теперь стало просто невозможно отрицать. Лайна, кажется, даже выругалась за моей спиной. И я поспешила отослать ее жестом. Не стоит тратить время. Пусть займется чем-то полезным, не так уж много у нас для этого времени. Мне не нужно было проверять последовала ли она моему молчаливому приказу, но все же к тихому удаляющемуся стуку ее каблуков, прислушалась.

— Герцогиня. Рада видеть Вас в добром здравии.

— Странно. А я думала, Вы спите и видите, как займете мое место, — все же не удержалась от шпильки хозяйка замка.

— Что Вы! — искреннее возмутилась я. — У меня еще уйма требующих моего участия, дел. Боюсь, на управление таким огромным наследством просто может не хватить времени и сил.

Меня одарили таким взглядом, что будь на моем месте действительно провинциальная дворяночка, сбежала бы в слезах. Увы, я имела сомнительное удовольствие выдерживать и не такое, потому мило улыбнулась в ответ.

— Ах, тетушка, не могу передать свою радость, от новости, которая стала огромной неожиданностью для всей нашей семьи. — что ж тон милой наивной девочки, чтобы не

сказать иначе, мне удалось.

Герцогиню отчетливо перекосило, и я едва смогла сдержать победную улыбку.

— Не думаю, что Вам, дорогая Миелисандра, стоит так называть меня при дворе, — холодным тоном ответила леди Нейтория. — Конечно, Ваше воспитание оставляет желать лучшего. Где ему, в принципе, взяться?

Вопрос был, конечно, риторический и я успешно пропустила его мимо ушей.

— Вы же не думаете, что любимой наследнице стоит называть Вас полным именем, поминая каждый раз все титулы? — искренне возмутилась я.

Судя по выражению лица собеседницы, она волела бы чтобы я не называла ее никак, а лучше бы провалилась на месте, дабы глаза ее меня не выдели больше никогда.

— Думаю, леди де Роад, будет в самый раз, — наконец выдавила герцогиня и жестом мне предложила присесть.

Я воспользовалась ее предложением и заняла одно из стоящих в стороне кресел. Она расположилась напротив.

— Как Вам будет угодно. — и тут же отбросив маску глупенькой провинциалки добавила. — Думаю, мне не стоит напоминать, сиятельной леди Роад, чтобы она была аккуратна в высказываниях нынче на приеме. Не хотелось бы, чтобы из-за Вашей несдержанности, у нас возникли некоторые непредвиденные ситуации.

Мой голос прозвучал, как сталь по камню, и вернулся назад эхом. Я даже сама удивилась, что получилось столь холодно и угрожающе.

Несколько мгновений женщина не сводила с меня испытующего взгляда. Но все же кивнула.

— В таком случае, милая племянница, смею предупредить, если ты посмеешь вывалить в грязи доброе имя...

Договорить я ей не позволила. Просто самым наглым образом расхохоталась. Увы, далеко не как юная леди.

— Послушайте себя, герцогиня. Насколько мне известно, с задачей валяния в грязи, и не только имени, вы уже несколько лет прекрасно справляетесь самостоятельно. Слухами о Ваших успехах уже даже не удивишь никого. К тому же, и в прошлом, особым благочестием Вы не страдали.

Есть! Попала точно в цель.

Герцогиня тут же сменила, и так не самый образцовый, румянец на мертвенную бледность. Я даже на миг задумалась, не хватит ли старуху удар. Ан-нет. Уже взяла себя в руки. Почти. Вон какой ненавистью полыхнули глаза. Как вытянулись в ниточку губы. Я позволила себе кривую усмешку, позаимствованную у мастера. Герцогиня дернулась от меня, как от больной серой лихорадкой.

— Ты! — прошипела бледная де Роад. — Если эта тварь де Наахар, хоть подумает открыть рот, я тоже молчать не стану. Ты будешь болтаться на виселице, за то что обманула благородную. А твой господин, отвечать перед королем.

— Леди Нейтория, Вы действительно думаете, что в том положении, чтобы угрожать лорду де Наахару? Или, может, думаете, что он не имеет запасных вариантов, буде Вам наскучит Ваше доброе имя. Хотя о чем это я? Что для Вас особо изменит появление при дворе незаконнорожденной дочери? К тому же в роли любовницы, какого-то мелкого чиновника. Или, к примеру, выясниться, что ей приходится зарабатывать на жизнь торгуя,

единственным, что получила от матери, своим телом? — я сделала паузу и добила. — К тому же, неужели Вы думаете, что Его Величество не знает, что задумал его самый верный слуга?

Я внимательно следила за реакцией герцогини. И, о чудо, этот блеф мне тоже сошел с рук. По крайней мере, сероватый оттенок, который приобрело ее лицо, мог свидетельствовать только о том, что я попала точно в цель. Она со свистом втянула воздух и опустила голову.

Я могла ликовать.

— Этот ублюдок действительно воспитал себе подобную тварь. — она сверкнула ровными, не по старчески здоровыми, зубами. — Еаатхар, для Вас приготовит самое жаркое место в Тэхе.

Ох, расстроила я несчастную если она даже стала поминать южного бога смерти и его владения, забыв, что лет эдак сорок пять, вместе с брачным кольцом, приняла веру и богов, которых почитали в Вернарии. Ладно. Пусть остынет. Нас еще сегодня ждет дворец. Но от шпильки все же не удержалась.

— Думаю, соседство с Вами, скрасит даже столь не приятное место.

Низко. Мелко. Но я не могла отказать себе в удовольствии наблюдать за тем, как багровеет лицо леди Нейтории.

— Ладно, хорошего понемногу. Я еще хотела бы переговорить с Вашим управляющим. Меня несколько смущают некоторые графы расходов.

— Кто бы сомневался, что ты и туда сунула свой нос.

— Не хотелось бы получить от Вас в наследство, несколько сотен пустых бутылок и старые развалины. — сказала я поднимаясь с кресла.

— Пошла вон, тварь.

— Как прикажете, милая тетушка. — бросила я через плечо, уже удаляясь из гостиной.

Увы, в этот момент ее лицо мне уже было недоступно.

— Дрянь, — рывкнула под дверь Лайна, на которую я успешно натолкнулась.

— Полностью с тобой согласна, дорогая. — не стала спорить я.

— Думаешь, что именно это стало причиной ее покладистости?

— Конечно. Хотя не удивлюсь, если есть еще что-то. Моли богов, чтобы Адеш не узнала об этом. Иначе, мне придется вступить в права наследия раньше, чем собиралась.

— Мда, Адеш всегда была слегка не сдержана.

— Вся в мать. Слышала? Леди. Более того, Герцогиня. А поливала меня бранью, как базарная торговка.

— Странно, только что для этой работы мастер не выбрал Адеширу. Герцогиня была бы не против узаконить плод своей не совсем богоугодной любви.

— А вот это как раз ни капельки не странно. — бросила я и направилась за появившимся наконец привратников.

Выглядел он еще хуже, чем еще час назад. Что могло означать наличие потайных ходов, существование которых для столь старого и преданного слуги секретом не было. Или же уникального слуха. В первое, честное слово, верилось больше.

Лайна шепотом подтвердила мою догадку. Я поджала губы. Не хорошо. Нужно с этим господином что-то делать. И я уже знала что.

Я стояла у окна и смотрела на бушующее море. Неистовый рев волн, разбивающихся о скалы, глушили толстые стены и заклятия, наложенные на стекло. Но все равно мне казалось, что я его слышу. Как и испуганные крики чаек, сбиваемые разбушевавшимся штормовым ветром.

Как замороженная, я не могла оторвать взгляда от раскинувшегося пейзажа. Не знаю, кто придумал сделать герцогский кабинет именно в этом месте и именно таким образом, но для себя я уже выбрала это место любимым в этом замке. Стоило только взглянуть вниз, и по телу проходила дрожь от хлынувшего в кровь адреналина. По бокам, полукругом поднимались отвесные скалы, уходя куда-то высоко в небо. А под ногами, как дикие животные жаждущие достать свою добычу, бесновались волны. Казалось еще чуть-чуть и им это непременно удастся. И если бы не тепло кабинета, легко было забыть о том, что стоишь не на краю обрыва, ловя холодные соленые порывы ветра лицом.

Однажды и это станет моим. И мое сердце трепетало от восхищения от одной мысли об этом.

Деликатное покашливание за спиной оторвало меня созерцания пейзажа. Я бросила еще один тоскливый взгляд туда, где море смешивалось с тяжелыми свинцовыми тучами и, нацепив на лицо самую доброжелательную маску, повернулась.

Краем глаза я следила, как у двери топтался с ноги на ногу мужчина лет сорока. Хотя это скорее угадывалось. Необъятные телеса и множество свисающих подбородков, не позволяли сказать об этом более точно. Маленькие глазки метались по кабинету, а испарина на лбу и бледноватое лицо говорили больше, чем я могла надеяться узнать.

Я жестом предложила ему присесть и мужчина, несколько расслабившись, плюхнулся на диванчик.

Задумчиво обводя взглядом пыльные корешки старых фолиантов и стопки бумаг,

сложенных в идеальном порядке, я медленно прошла к столу, и только присев на хозяйское место, соизволила перевести взгляд на управляющего. Мужчина тут же снова побледнел и затрясся, став похожим на потревоженный студень.

Нужно сказать спасибо Лайне. За тот короткий промежуток времени, что находилась в замке, она успела уже расписать наследницу, как весьма неприятную и жестокую особу. Потому, страх, который плескался сейчас в глазах господина управляющего, был закономерен.

— Вы бледны, господин ле Ланеш, — сказала я ровным, ничего не выражающим, тоном, от чего тот пошел красными пятнами. — Выпейте. Не хотелось бы, чтобы Вас тут же хватил удар.

Я протянула ему бокал, который заблаговременно был приготовлен для господина ле Ланеша.

Мужчина с сомнением покосился на предложенное угощение, но все же принял. И, к моему удовольствию, недолго думая, осушил его одним махом до дна.

— Вот и хорошо. — кивнула я, отметив, что тот заметно расслабился. — Теперь я буду говорить, а Вы слушать. В вине, которое Вы только что так неосмотрительно выпили, был яд под названием «Долгий поцелуй смерти».

Мужчина снова побледнел, затрясся еще сильнее, и я уже испугалась, что его вырвет просто на ковер.

— Можете не стараться, — поспешила я пресечь столь неприятное действие. — Он всасывается в кровь мгновенно. Будет Вам известно, что это поистине чудесное изобретение алхимиков, убивает медленно и человек, принявший его, испытывает неопишуемые муки перед смертью. Говорят, что многие готовы на все лишь бы прекратить это.

Я выдержала паузу, наблюдая как серое лицо управляющего покрывается синюшными пятнами, а в его глазах ужас сменяется обреченностью. И продолжила:

— Увы, противоядие уважаемые алхимики изобрести так и не смогли. — и ле Ланеш закатил глаза, явно собираясь терять сознание. — Но-но. Не думайте, что у меня есть время на то, чтобы приводить Вас в чувство. Так о чем это я? Ах, да! Противоядие.

Лайна услужливо подала мне бутылочку с зеленоватой жидкостью и управляющий неверяще переводил взгляд с нее на меня. Я швырнула ее в мужчину и тот, с удивительной для его комплекции ловкостью, поймал ее на лету.

— Это нейтрализует яд на три месяца. Затем нужна новая порция, за ней еще одна и так далее... Думаю, трех месяцев Вам будет достаточно, чтобы вернуть все, что было позаимствовано то, что по праву принадлежит этому дому? Если справитесь с этой задачей, получите вторую порцию. И думаю, за Вами останется место управляющего. Нет... Уж не обессудьте.

Я развела руками, показывая, что это не от меня зависит. Ле Ланеш согласно закачал своими подбородками и уже открыл рот чтобы, что-то сказать...

— Свободен! — тоном, который я переняла у мастера, рывкнула я и мужчина буквально испарился на глазах.

Я устало откинулась на спинку кресла и потерла переносицу. Лайна подала мне бокал с вином и заняла кресло для посетителей.

— Жестоко! — сказала она, сделав глоток из второго бокала.

— Думаешь? — поморщилась я. — Было бы милосердней его четвертовать, за его то

заслуги? Здесь же и слепому ясно, что он, не стесняясь, обворовывал герцогиню.

Лайна кивнула.

— Что дальше? У нас не так много времени.

— Думаю, четверть часа я еще могу потратить на привратника.

Она улыбнулась и поднялась с места.

Бедмонд ле Ларьен ждал под дверью.

Старик гордо поднял глаза, явно не ожидая ничего хорошего от этого разговора. Но все же выдержка его подвела едва он увидел два бокала на столе. Ах, как же хорошо, что я в Вас не ошиблась господин привратник.

— Господин ле Ларьен, как долго Вы служите леди де Роад.

Старик поморщился, явно недовольный такой постановкой вопроса.

— Я служил покойному лорду. А его жене...

— Да?

— Я младший из восьми сыновей барона ле Ларьен. И мне несказанно повезло, что смог получить покровительство покойного герцога и, пусть и не самую достойную для человека моего происхождения, но все же должность. Иначе судьба мне была скитаться в поисках удачи по трактам.

Старик говорил устало, будто это жгло его изнутри, потому я не перебивала.

— Но, видят боги, — продолжил он после секундной паузы. — Если бы я мог, то уже давно покинул этот дом.

— Почему же?

— Вы сами все видите. При покойном лорде, здесь не царствовал дух запустения. Он был хорошим хозяином и всякие... управители, не растаскивали его имущество, без стеснения. Но я дал слово, что буду приглядывать за его замком. И, похоже, сдержать его у меня не получилось.

Я внимательно следила за его лицом и пришла к выводу, что старик действительно искренен. Это было приятно. Такая верность, даже тому, кто уже давно покинул этот мир. Такое просто не может не восхищать.

— Что ж, тогда я думаю Вам придется по душе мое предложение. Я бы хотела, чтобы Вы стали моими глазами и ушами в этом доме.

— Шпионил? — пошатнулся старик.

— Ну, вы и так не брезгуете подслушиванием, правда?

Привратник покраснел, но промолчал.

— А так будет польза с Вашей любопытности. К тому же, вступив в права наследия, я буду располагать достаточными средствами, чтобы помнить людей, которые этого заслуживают. Кстати у Вас есть дети?

Старик побледнел.

— Я не собираюсь причинять им вред. Но думаю, им приятно будет, если отец на старости лет несколько улучшит их материальное состояние.

Он кивнул.

— Так как?

На миг, привратник задумался.

— Я согласен.

— Вот и чудненько. Тогда Лайна расскажет Вам, что от Вас требуется и как со мной держать связь. А мне уже пора собираться. У меня сегодня самый важный для юной

дворянки день.

Королевский дворец сиял, сверкал, блистал и слепил своим великолепием до рези в глазах. Под ногами стелился белый с черными прожилками мрамор, цену которого я даже боялась вообразить. Стены украшало множество позолоченных с хрустальными шарами магических светильников. А стены задрапированные тканями цвета слоновой кости с вышитымизолотом замысловатыми узорами. В общем, если бы не яркий свет, здесь было вполне красиво. А так. Наверное, я была слишком привычна к извечному полумраку поместья в котором провела большую часть своей жизни, потому и не оценила блеска королевских пенат. Отчаянно хотелось зажмуриться, а не восхищенно пялиться по сторонам и мило улыбаться. Но мне, как благородной провинциалке, чрезвычайно удачливой, но не очень богатой, а тем более не привыкшей к роскоши, такое было просто не присуще. Потому я старательно изображала восторг, ступая след в след за герцогиней.

Кстати, либо эта старая перечница, что-то задумала, либо все же вспомнила о своем титуле и воспитании, а так же смирилась с безысходностью, но вела она себя вполне подобающе. Легкая улыбка, на ничего не выражающем лице. Слишком прямая напряженная спина. Ей даже удалось справиться с разгоравшимся в глазах гневом, едва я появлялась в поле зрения. Нужно отдать ей должное, держать лицо леди Роад, за годы, отданные во власть хмельного дурмана и в отдалении от двора, не разучилась.

За спиной тихо, как кошка, ступала Лайна, рука об руку с моложавой женщиной, которая прислуживала моей тетушке. Мне было спокойней от того, что она была рядом. Все же в случае чего, хоть и с немалой долей недоверия, я могла бы на нее положиться. Во многом, если это касалось интересов человека, которого мы обе упоминали как можно реже и с содроганием. Об остальном же я не думала. Да и не было этого остального.

Распорядитель гостевого крыла, как он нам представился, остановился у одной из дверей, с поклоном пропуская нас вперед.

— Благодарю. Можете быть свободны, — равнодушно обронила леди Нейтория и прошла первой в отведенные нам покои.

Мы засемили следом.

Мужчина в бежевом камзоле, видимо для того, чтобы успешно сливаться со стенами, кивнул и сообщил, что на отдых у нас не более часа и бал начнется за два часа до полуночи. И удалился.

Комнаты, предоставленные нам, были не то чтобы очень уж роскошными и, отнюдь не просторными, но на удивление уютными. Выкрашенные в мятный цвет стены украшали гобелены с изображением драконов с всадниками на могучих спинах и картины с изображением моря. Тяжелые изумрудного цвета портьеры обрамляли большое окно, за которым уже сгустились сумерки. Диван и пара кресел со столиком из темного дерева, на котором стояли бутылки с вином. Приглушенный свет восковых свечей в высоких канделябрах. И живой огонь в камине, танцующий на сухих поленьях. Кажется, я начинаю понимать мастера, который отдавал предпочтение именно такому виду освещения.

Впрочем, я только скользнула взглядом по обстановке. Сейчас меня больше заботила герцогиня.

Леди топталась возле столика с напитками, с такой мукой на лице, что на какой-то миг

мне даже стало ее немного жаль. Всего на миг. Потому я сделала знак Лайне и та, понятиливо усмехнувшись, подхватила бутылки и отнесла в соседнюю комнату.

Герцогиня изобразила на лице выражение, которое можно было одинаково принять и за отвращение и за высокомерие. Я лишь усмехнулась одним уголком губ в ответ и отправилась вслед за Тилайной.

Спальня, а именно ею была эта комната, тоже не отличалась впечатляющими размерами. Выдержанна в тех же тонах, что и предыдущая. Отличало ее от гостиной только отсутствие дивана и кресел и наличие большой кровати под балдахинном.

На ней было разложено роскошное платье зеленовато-желтого цвета, расшитое мелкими камешками янтаря. Красиво. И главное в самый раз к празднику, в честь которого сегодня давался бал.

Я провела рукой по, удивительно мягкой, почти невесомой, ткани. Подняла записку и на несколько мгновений застыла.

«Ты должна сегодня блистать, моя Миели!» — гласила короткая надпись. Что ж, должна так должна, мастер.

— Ты великолепна! — оценила мой вид Лайна, заправляя выбившиеся локоны в прическу.

— Завидуешь?

— Нисколько.

— Лайна, а какую награду получишь ты за свои труды?

Она немного помолчала, затем блеснула лукавым взглядом и наконец ответила:

— Королевство!

— Шутишь?

— Не совсем.

— И какое?

— Узнаешь. Если справимся, узнаешь первой. Ты же знаешь, я суеверна, как деревенская старушка. — усмехнулась она.

Я прыснула. Что-что, а суеверий у нас не водилось никогда. Неприятно, конечно, что придется остаться в неведении. Возможно, даже такое знание пригодилось бы. Впрочем, у нас еще много времени и, надеюсь, мне все же удастся выведать у соратницы столь важную тайну.

— Герцогиня Нейтория де Роад и леди Миелисандра де Роад! — прогремел голос глашатого и по залу прошел шепот напоминающий шелестение сухой листвы от дуновения ветра.

Нейтория высоко вздернула подбородок и уверенным шагом направилась к королевскому трону. Казалось, сейчас она даже сбросила лет десять, а то и пятнадцать.

Для бала она выбрала бордовое платье, подчеркивающее все ее достоинства, и выглядела сейчас просто восхитительно. Даже не взирая на всю неприязнь, которую я к ней испытывала, придтаться ни к чему не смогла. И совсем неудивительно было то, как провожали ее придворные дамы. Фаворитка короля графиня Самитена ле Дайкор если бы могла вообще испепелила ее на месте взглядом. Увы, моя дорогая тетушка воспламениться не желала. И ее гордый профиль продолжал портить настроение присутствующим.

Мы синхронно склонились в низких реверансах.

Король сделал жест, позволяющий нам подняться и я, наконец, смогла оценить человека, который правил нашей славной Вернарией.

Его Величество Ледмарт Вернарский сидел на своем троне уже двадцать второй год. И сказать честно, я понимаю теперь почему.

С виду ему было около пятидесяти, хоть я и знала, что гораздо больше. Сухощавый мужчина с зачесанными назад седыми волосами схваченными королевским венцом. Тонкие аристократичные черты лица немного поплыли, в силу возраста. Но не это к нему приковывало взгляд. Та аура силы, властности и жестокости, не почувствовать которую было просто невозможно, а черные глаза прожигали насквозь. Казалось, что стоит сделать один неверный шаг и его сила раздавит тебя на месте. Что-то такое я всегда чувствовала в присутствии мастера. Неудивительно, что за последние двадцать лет придворные не посмели даже думать о перевороте, хоть правитель и устраивал далеко не всех.

Пришлось приложить немалые усилия, чтобы не выдать эмоции, которые сейчас меня одолевали.

И потому я поспешила перевести взгляд на принца, занявшего место по правую руку от отца. Перепутать наследника Вернарского трона с кем-либо мог только слепец. Я как воочию увидела нынешнего короля лет на сорок моложе. Правда, ему не хватало чего-то неуловимого. Точнее вполне ощутимого. Того ореола, что окружил старика-короля. Той жесткости во взгляде. Только скука. Принцу Лериниану было здесь скучно. И он даже не пытался это скрыть. Хотя зачем? Принц крови это не мелкий дворянчик, который целиком и полностью зависит от милости короля. Да к тому же единственный сын. Что может угрожать его положению?

По левую же руку восседала принцесса. Она едва заметно мне улыбнулась и тут же отвела глаза, снова скользя по залу равнодушным взглядом.

— Рад тебя видеть Нейтория в добром здравии. — проскрипел король и моей выдержки едва хватило чтобы не вздрогнуть.

Как же хотелось сейчас плюнуть на гнев мастера и все ужасы, связанные с ним, и сбежать отсюда подальше. Но мое герцогство. Оно манило, как родник усталого путника. И ради него я готова была вытерпеть и стальной взгляд короля и многое, что приготовил для нас мастер.

— Благодарю, Ваше Величество. — спокойным уверенным голосом ответила герцогиня и я поразилась ее выдержке.

Король смерил ее испытующим взглядом, будто пытался увидеть что-то важное. Ни один мускул на лице герцогини Нейтории де Роад не дрогнул. Даже взгляд не изменился. Такой же спокойный и полный достоинства. Поразительно. Нужно сказать, я недооценила эту женщину. Это с низшей, вроде меня она могла себе позволить уподобиться простолюдинке. А здесь перед всем двором, перед лицом короля, эта женщина была благородной дворянкой до самых кончиков ногтей. Вопрос, действительно ли смирилась со своим положением, навязанным мастером де Наахар, та, которая выше всего на свете ценит свое происхождение.

— А это очаровательное создание, я так понимаю, племянница, слухи о которой достигли ушей каждого, кто способен слушать.

Голос короля заставил меня снова сосредоточиться на происходящем, и я расплылась в самой невинной и подобострастной улыбке, на которую только была способна.

— Да Ваше Величество, это Миелисандра де Роад, племянница моего покойного

супруга, — сказала Нейтория с такой добротой в голосе, что я в который раз за сегодня поразила актерским талантам герцогини. — Видят боги, что ее появление в моей жизни стало истинным подарком одинокой старухе, лишенной всех, кого она когда-либо любила.

— Да? Что ж, я безумно рад за тебя. И рад приветствовать Вас, юная леди, при нашем дворе.

— Благодарю Ваше Величество. Это большая честь для меня.

— Развлекайтесь. Надеюсь, Вы получите удовольствие от этого вечера.

Мы снова согнулись в низких реверансах и попятились назад, чтобы затеряться в толпе придворных.

Еще несколько молодых дворян были представлены королю после меня. И вот Его Величество, нарочито медленно, поднялся со своего трона. И так одинокие голоса стихли, погрузив огромный зал в такую тишину, что слышен был шум, запутавшегося в осенней листве, ветра за окнами. Принц и принцесса синхронно встали следом. Все застыли. И от того голос короля Вернарии взлетевший под потолок и прокатившийся по залу, показался оглушительным.

— Я рад приветствовать вас, мои подданные, на ежегодном балу в честь Праздника Осенних Ночей. Искренне надеюсь, что он станет для вас незабываемым. — он, не оборачиваясь, поднял левую руку ладонью вверх и тонкие пальчики Сельминды легли на сухощавые пальцы короля.

В тот же миг грянула музыка, а с потолка закружили иллюзорные листья, всех известных осенних оттенков. Притворные волнами растеклись в стороны, пропуская их в центр зала.

Несмотря на возраст, Ледмарт Вернарский двигался легко и грациозно. И зрелище, скользящей по залу величественной пары, в окружении падающих листьев, заставляла затаить дыхание. Принцесса улыбалась своему отцу, ведущему ее в танце не хуже молодого щеголя. Полные достоинства и грации движения. Это было прекрасно.

Я даже была разочарована, когда музыка стихла и тут же сменилась другой мелодией. Король вместе с дочерью удалился к своему месту, присутствующие разбились на пары и закружили по мраморному полу в такт мелодии. Появились слуги с высокими бокалами, в которых искрилось игристое вино, на подносах.

Старый герцог де Вайтен пригласил меня на танец и я, с милой улыбкой на лице, присоединилась к остальным. Он был не стар, но волосы его уже посеребрила седина, а на лице пролегли морщины, присущие усталому и несчастному человеку. Его темные, как спелые каштаны, глаза смотрели на меня с таким выражением муки, что даже у меня, той, которая научена была не принимать близко к сердцу чужие страдания, внутри что-то дрогнуло. Хотелось спросить, что такого увидел герцог во мне. И прикрываясь образом, навязанным мне, я бы могла это сделать. Но почему-то промолчала. Сама не знаю почему. Может потому, что не привыкла задавать вопросы, которые небыли важны для дела.

Когда музыка стихла, де Вайтен склонился в поклоне и едва тронул губами мое запястье, поблагодарил за танец и, не проронив больше ни слова, развернулся и исчез в толпе придворных, бросив на меня всего один пристальный взгляд.

И я тут же выбросила его из головы, увлеченная новым танцем с молодым лордом, как и

я впервые представленным ко двору.

— Леди Миелисадра?

О, боги! Началось. Что ж, Сандра, тебя этому обучали ни один год. Будь добра, сделай все как следует.

О герцоге де Фарени я знала только то, что во время войны с Илларией мой «отец» служил под его началом. Говорят, что Тинер де Роад был чуть не правой рукой своего командующего. Видимо, я должна была бы знать множество баек из их военной жизни, но, увы, располагала только фактами. Хорошо было то, что де Фарени и де Роад со времен войны не поддерживали связей. Что между ними случилось, осталось загадкой и в множестве данных, которые было необходимо знать мне, ничего конкретного о их размолвке не было.

— Да. — я несколько замялась и немного покраснела. — Прошу прощения, но мне раньше не приходилось общаться с таким количеством благородных леди и лордов. Вы простите мне мою неосведомленность?

Герцог улыбнулся.

— Дертам де Фарени. — представился он и слегка склонил голову. — Я старый товарищ Вашего отца.

— Ах! Как я рада встретить, наконец, человека, который смог бы пролить свет, на те ужасные события.

Лорд Детрам удивленно вскинул брови и я поспешила продолжить:

— Понимаете, мой отец не очень любит вспоминать о войне. И уж поверьте, не спешит удовлетворять любопытство юной леди, считая, что война это не женское дело.

— Вы с ним не согласны?

— Отчасти. — я немного помолчала, делая вид, что подбираю нужные слова. — Да, конечно, юной леди не пристало, размахивая мечом, идти впереди войска. Или уж точно поступать на постоянную службу и спать в одной казарме с... мужчинами. Я не отрицаю, что репутация ее будет растоптана. Хотя и были случаи, когда именно женщины поворачивали ход войны своим неординарным подходом.

Герцог сдавленно кашлянул. О да, ты прекрасно понял, о ком я говорю. Твоя ненаглядная жена в свое время стала любовницей принца Илларии и выкрала секретные данные, от которых и зависел в будущем исход всей войны. Да, она не гнушалась самых грязных и опасных игр.

Увы, Вы, герцог, не оценили самоотверженность собственной супруги. Не смогли пережить позор? Или забыть о том, что ей доводилось делать, на благо собственной страны? А ведь говорят, что принц, то есть уже король, Илларии, весьма изобретателен в постели. Чтобы Вами не руководило, но было не справедливо то, что уже спустя год, герцогиня де Фарени скончалась от скоротечной и неизлечимой болезни, причиной которой, спорить могу, стали именно Вы. Не потому ли, дорогой герцог, даже не дождались окончания траура, Вы уже вели молоденькую леди де Маленир в Храм за благословением богов. А ведь Вап первенец родился уже спустя шесть месяцев.

Я мило улыбнулась и продолжила:

— Мне интересны книги по истории, но они слишком сухие. Только факты. А мне бы хотелось историй из уст очевидцев и участников. — я с надеждой посмотрела на герцога.

Ну же, давай. Расскажи мне что-нибудь, что пригодилось бы в будущем.

Герцог некоторое время помолчал. Но, видимо, я все же была достаточно убедительна.

— Может, я бы мог утолить Вашу жажду знаний?

— Я была бы так благодарна Вам.

И понеслась. Я узнала много о той войне. О отношениях, что связывали «моего отца» и герцога. Об осаде замков Латерин и Солентер, что стали переломными в войне Иллирии и Вернарии. О том, как он рука об руку с моим так называемым отцом, сражался в битве под Суэсаром. И многое многое другое. Весьма интересное, но совсем бесполезное. Рассказывал он со вкусом и подробностями. Его вдохновению и огню в глазах могли бы завидовать самые знаменитые менестрели. И я слушала иногда восхищенно, иногда восторженно, иногда испуганно восклицая.

Ноги, от многих танцевальных па, уже устали и хотелось присесть, но сидеть здесь разрешалось только королевской семье.

Я стояла в стороне от танцующих пар с бокалом игристого вина в руке и разглядывала уже порядком надоевших придворных. Как же жалко сейчас они выглядели со стороны. Их притворные улыбки и фальшивый смех наводили на меня тоску.

Хмель и усталость заставляли царившие в их сердцах чувства проступить наружу. Или это было видно только мне?

Леди Кариса де Санторин, уже во всю стреляя глазками в сторону молоденького графа ле Нарена, навскидку годящегося ей в сыновья. А молодой граф смотрел влюбленными глазами на принцессу. Увы, маленькому графу не улыбнется судьба, ни сегодня, ни когда-либо еще. И он это понимал, потому и выглядел так, будто не сегодня-завтра его отведут на эшафот. Принц и принцесса, в свою очередь, скучающим взглядом скользили по головам придворных. Старик де Ридмарт уже во всю спорил со своим старым недругом герцогом де Шарном...

И все это я воспринимала так, будто уже тысячи раз была на подобных праздниках. Но неизменно улыбалась и изображала самое искреннее счастье.

Но мыслями я была на той войне. А ведь Сменледер тогда отказал в военной помощи Вернарии. А ведь, получи наше королевство оружие, которым славится соседнее королевство, это могло бы существенно сократить срок военных действий, сохранить кучу денег и множество человеческих жизней. По словам де Фарени, Ледмарт был в ярости и клялся, что, когда наступит время, сотрет с лица земли даже упоминание о смежном государстве. Такие слова не бросают на ветер. Тем более если ты король. И после этого он столько лет добивался брачного союза. Может ли быть так, что выдать дочь замуж за личного врага, это часть какого-нибудь плана? Еще как может.

— Добрый вечер леди Роад?

Демоны! Сколько лет я знаю этот голос, а все никак не могу унять бешеный стук сердца, едва он касается слуха.

— Лорд...

По тонким губам скользнула скупая усмешка.

— Редхард де Наахар.

Я подняла бровь и улыбнулась.

— Это честь для меня, разговаривать с правой рукой короля.

Мастер рассмеялся.

— Вы прекрасны, Миелисандра, в своей простоте. Можно я буду Вас называть так? У Вас очень красивое имя.

— Как Вам будет угодно, лорд Наахар.

Он кивнул, толи подбадривая меня, толи одобряя мою манеру поведения.

Музыка в который раз сменилась и заиграла нежная и немного грустная мелодия вальса.

— Окажите мне честь Миелисандра. — протянул он мне руку, приглашая на танец.

Я присела в реверансе и вложила пальчики в его ладонь. И едва мы закружили по залу, музыка стала приглушенной, едва слышной только для того, чтобы не сбиться с шага.

То что мастер хотел со мной поговорить, было понятно сразу. Правда, я была удивления тем, что здесь и таким образом.

— Нет лучше места для разговора или встречи, чем толпа, занятая своими заботами, Миели. — сказал он, угадав мои мысли. — Как тебе праздник?

Я улыбнулась самой светлой и восторженной улыбкой и ответила:

— Не скажу, что я это лучший день моей жизни.

— Привыкай. Теперь это твоя постоянная жизнь. — сказал мастер. — А как впечатление от придворных?

Я окинула взглядом кружащиеся пары.

— Свора трусливых псов, мастер. Каждый из них скрывает свои пороки, за улыбками и красивыми словами. Но стоит присмотреться...

— А разве ты не такова?

— Надеюсь что нет. Иначе мне будет не по зубам сделать то, что Вы мне поручили и еще поручите.

Мастер довольно улыбнулся.

— А что ты думаешь о короле?

Я бросила опасливый взгляд из-под ресниц, проворачиваясь под рукой партнера.

— Этот человек властен, силен и жесток. Я бы не хотела, стать предметом его интереса.

— Это амулет, дорогая. Мой, кстати, подарок. На самом деле, кроме как жестокость, ни одно качество не присуще Его Величеству.

— Для чего Вы мне это говорите?

— Чтобы ты не обольщалась, встретившись с Тегдардом. Он гораздо лучший король, чем Ледмарт. Более хитер, изворотлив, молод. И обрати внимание на его брата.

Я хмыкнула.

— Мастер, приглядывать за принцессой — это ведь не основное мое задание, не так ли?

Лицо герцога стало каменным, а в глазах разгорелось так всегда пугающее меня пламя и я пожалела о том, что задала этот вопрос. Забылась? Устала? Это не оправдание. Мне не следует забывать, кто я на самом деле и что меня ждет, если мастер решит... Демоны!

Я очаровательно улыбнулась и опустила глаза.

— Простите, мастер. Я не должна была...

— Лезть не в свое дело? Миели, я буду откровенен, — очень смешно. Вы не можете быть откровенным. — У меня действительно будет для тебя поручения. Но об этом ты узнаешь со временем.

Я кивнула. Не доверяете мне? Не удивлена. Разве такой человек, как Вы можете себе позволить такую роскошь, как доверие? Нет. Ведь даже я не могу ее себе позволить. В

особенности я. Слишком уж незначительна фигура, в столь масштабной игре. Знать бы еще правила и суть этой игры.

— Всего хорошего, моя Миели. Я буду ждать от тебя вестей.

И раскланявшись, мы разошлись в разные стороны, мило улыбаясь, будто и не было этого разговора.

Осень. Я никогда не любила осень. Она наводила на меня уныние и чувство обреченности. Такое, которое бывает, когда что-то теряешь. Или кого-то.

Я теряла в этой жизни многих. Маму, которую почти не помню. Да простят меня боги, но все эти годы я только то и делала, что гнала от себя те немногие воспоминание о женщине, которая меня родила. Иногда казалось, будто все то, что иногда приходило ко мне во снах, было с другой девочкой. Ту другую обнимали заботливые руки и шептали на ухо слова утешения. Та другая стирала с мокрых щек женщины, черты лица которой стерло время, слезы. Та другая держала за холодную руку посиневший труп своей матери, умоляя ее подняться...

И только осень всегда напоминает мне, что та другая и есть я.

Все эти годы я старалась избавиться от этих воспоминаний. Затолкать их поглубже. Заглушить насущными делами. Но перед образами, которые преследовали меня из года в год, осталась незащищена. Они всегда приходят в одно и то же время. Будто караулят. Напоминают, как больно может быть.

Я провела пальцем по стеклу, очертив дорожку проложенную капелькой дождя. В детстве мне казалось, что это плачут боги. Я верила, что они смотрят на нас, видят наши беды, боль, страдания. Сочувствуют и оплакивают нашу участь. И обязательно помогут. Стоит только попросить от всего сердца. Как же я была наивна. Нет. Жизнь научила меня, что если боги и существуют, и даже слышат кого-то, то точно не тех, кому это действительно нужно. Они слышат сильных, хитрых, изворотливых, жестоких и самоуверенных. Не стоит падать на колени в Храме, если ты не готов сделать все, чтобы получить желаемое.

— О чем задумалась?

Я отвернулась от унылого пейзажа и подхватила протянутый Лайной бокал с вином.

Вот уже неделю мы жили в королевском дворце. Рассаднике интриг, подлости и предательства. Кто сказал, что если на короля никто не покушается, то этого нет? Очень даже наоборот. Каждый стремится оказаться поближе к венценосной особе любыми доступными и зачастую нечистыми методами.

— Принесла новости?

— Ничего необычного.

Лайна намазала паштетом кусок хлеба и принялась интенсивно жевать. За эти дни привычный для нас обеих образ жизни был немилосердно истоптан. Мне пригодилось трижды в день спускаться с принцессой к общему столу и делить его с фальшиво улыбающимися лордами и леди. Спорить могу, спрашивая о том, нравиться ли мне во дворце, или о том, подобрала ли я уже платье для представления королю Смелендера, каждая из них готова была разорвать мне горло голыми руками. Лайна же трапезничала на кухне со слугами. Часто тем, что оставалось от королевского стола или и того хуже, похлебкой, которую готовили специально для слуг. И даже не знаю, кто из нас страдал больше.

Несомненно, ко всему прочему в том, что теперь мы были в разных сословиях, плюсов было гораздо больше. К примеру, все новости и сплетни Тилайна узнавала первой. А я второй. Мало кто из тех, в жилах кого текла благородная кровь, обращал внимания на тех,

кто находился столь близко. А ведь истинно зря. От поваров, горничных, служанок, пажей, зависит не только удобство высокородных, но и безопасность. Мне ли не знать, как просто с помощью одного пузырька и мешочка золота отправить к, любимому Нейторией, Еаатхару любого в этом дворце. Нет ничего проще. А тайны. Конечно заклинания-ключа от королевской сокровищницы они не знали. Но вот кто в чьей постели ночевал, кто где был, что говорил, что любит пить и как отдыхать. А ведь это для меня важнее того, метко ли тот или другой мужчина стреляет из лука, или как хорошо орудует мечом... А вот то, что маленькая рабыня-южанка, всем сердцем ненавидит некоего герцога Левиэнтара... и кстати я ее понимаю. Этот старый урод, уже не первый год пользует малышку. И если у меня будет время, а старый урод еще останется жив, то уж я постараюсь сделать так, чтобы он даже смотреть перехотел на женщин.

Уф, что-то я раскисла. Наверное, все же мое рабское прошлое дает о себе знать. Это плохо. Это слабость. А слабости, как любит говорить мастер, нас убивают. Как-то не возникло у меня за мою не слишком долгую жизнь повода усомниться в этом утверждении. А если я и пыталась, то одно упоминание о тех, кто уже перешел за черту, тех, кто рос со мной рядом и уходил одна за другой, отрезвляет достаточно. Всегда нужно быть настороже. Всегда.

Подруга запила вином свой поздний ужин. И начала рассказ. Сначала все обо мне. Я должна была знать, что думают обо мне те, кто уже завтра станут единственными соратницами. Что говорят те, чьи слова заслужено или нет, но достигают королевских ушей. И имеют немалый вес. Глупо думать, что только благодаря поручительству лорда де Наахара, я стану одной из самых уважаемых и близких к принцессе, а уже скоро и королеве, фрейлин. К тому же Сельминда все эти дни держалась холодно-вежливо. И даже насторожено. И с этим однозначно нужно что-то делать. Ведь вряд ли кто-то поверит, что она взяла меня с собой исключительно по собственной воле. Итак. Как там моя слава?

Что ж, ничего нового. Сплетни при дворе носились с невероятной скоростью, обрастая при этом невероятными фактами, как снежный ком, который толкнули с вершины Нихальвах. Говорят, что на эту гору поднимаются один раз, потому что чтобы вернуться назад, нужно прожить еще одну жизнь. Похоже, что чтобы переслушать все слухи о своей, без сомнения коварной и, о боги, корыстной особе, и этого времени не хватит. Мое феерическое появление при дворе в компании самой стервозной и самолюбивой леди, произвело фурор. Еще бы, старуха уже давно заработала себе репутацию затворника. А то, что помнили старожилы этого, без сомнения, прекрасного места никак не вязалось с образом любящей и заботливой тетушки. Странно, но поначалу я этого не заметила. Но стоило поползти первому слуху о том, что герцогиня околдована, как тут же за моей спиной начали звучать обвинения в самых ужасных преступлениях, на которые не все люди то способны.

— А самое, по моему мнению впечатляющее, это то что тебе приписали темную магию. Будто ты призвала призрак покойного графа де Роад и теперь угрожаешь старухе, что натравишь его на нее, едва та откажется от своего завещания, — торжественно закончила подруга и я поморщилась.

— Если бы этим можно было пронять эту клячу, то, поверь, я бы и секунды не сомневалась. Но мастер знает методы, которые действуют безотказно.

Лайна рассмеялась и снова отпила вино.

— Ты права.

Это все конечно ужасно смешно, могло бы быть, если бы не было столь печально. Нужно что-то, что всколыхнуло бы весь двор, выставив меня чуть не посланницей матери в белом балахоне. Демоны, а ведь на ум ничего не приходит, а времени все меньше. Завтра. Уже завтра, невеста отправиться к своему жениху.

Это в Вернарии принято, чтобы жених забирал будущую жену из отцовского дома и вел по венец. В Смелендере все наоборот. Неудивительно, что Сельминда чуть не сорвала горло, ругаясь с родственниками. И уж нужно было слышать, что только не обещал старый король. Да мастер не обманул меня. Ледмарт действительно не был силен. Более того, даже с собственными детьми справиться не мог. Возникал закономерный вопрос, кто же тогда правит? И кажется ответ на него я знала. И я слышала. Нет, не потому, что меня пригласили на семейный скандал. Лайна, как не благородная, напоила привратника и выпытала местонахождение тайных ходов. Правда, не так уж много. Всего три. Но один, о везение, вел в прослушивающую комнатку, прямо к королевскому кабинету. Вот мы туда по очереди и мотались, когда вероятность подслушать что-то стоящее была хоть какая. Впрочем, не знаю о чем говорилось обычно в этих стенах, но сейчас у всех от короля до последней рабыни на языке был только Смелендер.

— Как думаешь, что нам предстоит в Смелендере?

Тилайна тут же посерьезнела и несколько минут молча вертела в руках полупустой бокал.

— Не знаю, Сандра. Но когда я была маленькой, нас отправляли на улицу. Я и еще пятеро мальчишек постарше выходили на рыночную площадь. На меня надевали удивительно красивое платье. Знаешь, мне казалось, что в нем я похожа на куклу. Я так гордилась собой, чувствовала себя необычайно красивой. Так вот. Мы выходили на площадь в самый разгар торговли. И я начинала громко плакать, звать маму или падать в обморок, изображать приступ. Каждый раз я придумывала что-то новое и место всегда было другим, чтобы не нарваться, как говорится. И пока сердобольные прохожие пытались меня успокоить, дозваться стражу или помочь найти родителей, пять мальчуганов ловко срезали их кошельки. Не моя роль была основной, хоть и была на виду, а их.

Я внимательно слушала ее рассказ. Не часто кто-то из нас вспоминал, что с ними было до того, как мы попали в дом мастера, а тем более не рассказывали. И то, что Лайна сейчас мне это говорила, было для меня больше чем важно. Это как прикоснуться к тому, что человек прячет, хранит и чем ни за что не поделится.

— Так вот, знаешь, что самое печальное в нашем представлении?

— Что?

— То, что мы даже не подозреваем, кто будет срезать кошельки.

— Сандра, дорогая, ты уже готова? Мы просто не имеем права опаздывать на прощальный ужин в честь Ее Высочества.

— Да одну минуту.

За эти дни я успела свести дружбу с молоденькой дочерью семейства де Санторин. Веселая блондиночка, хохотушка и сплетница, легко заводила друзей. И, демоны, я даже глазом не успела моргнуть, как оказалась в ее не маленькой компании. Бенериса мне даже нравилась, хотя ее трескотня немного действовала на нервы, зато никто не мог вставить и слова, а потому меня меньше спрашивали. А меньше вопросов, меньше причин выдумывать что-то о доме, в котором никогда не была, семье, которую знаю только по описанию или местам, что для меня лишь отметки на карте. А потому, да, я была рада тому, что эта девушка старалась столько времени проводить со мной рядом. С ее стороны конечно тоже была причина. Я была посвящена в тайну ее несчастной любви к графу ле Нарен.

Я привычно окинула взглядом свои покои, убеждаясь, что ничего не предназначенного для чужих глаз здесь найти не могут и вышла к нервно притопывающей Бенерисе.

— Ты рискуешь навлечь на себя королевский гнев, своим опозданием.

— Тогда нужно спешить. — очаровательно улыбнулась я.

Она лишь сердито пожала губы и быстро зашагала по коридору. Что-то она сегодня не в духе. Неужели слухи о развлечениях ее матери достигли ее невинных ушей? Что ж, жаль. И даже не потому, что я лишилась маленькой тайны, а потому, что мне не хотелось, чтобы миленькой болтушке было больно. Или же уже принесли весть о том, что и она удостоилась милости сопровождать будущую королеву смежного государства? Да врядли. В таком случае просто расстроенной она бы не выглядела. Все было бы куда интересней. Как там юной девушке полагается страдать? Рыдать, заламывать руки, падать в обморок... Хотя оставалась надежда, что моя маленькая подружка не такая глупая, как может показаться, и показательные выступления устраивать не будет. Что ж, тогда нужно быть осторожней с ней. Да нужно быть осторожней в любом случае.

Все это пролетело в голове за считанные минуты. У самых дверей в трапезный зал мы чуть не налетели на принцессу в окружении ее верных (по крайней мере, мне бы хотелось в это верить) фрейлин. Те тут же окинули нас презрительными и даже злорадными взглядами.

— Миели, ты опаздываешь, — Сельминда даже не повернула головы в нашу сторону.

Как же я ненавидела это Миели. Все мы не любили именно то ласковое сокращение, которым нас называл мастер де Наахар. Но не скажешь же об этом Ее Высочеству. К тому же она при всех назвала меня доверительно на ты. Хотя, может это и хорошо. Напоминание о мастере, не позволить раскиснуть и заставит держать себя в руках. Что может быть лучше? Так хотелось горько усмехнуться своим мыслям. Но не здесь же. Не под взглядами этих лощенных змей, готовых в любой момент пустить яд тебе в кровь, буде ты хоть на миг расслабишься. Однозначно этот серпентарий, нужно будет перепроверить и переполовинить. Уж лучше при новом дворе поискать кого-то, кто будет верен своей королеве.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, мне нездоровилось.

— Надеюсь с тобой уже все хорошо? — все так же не оборачиваясь спросила принцесса.

— Благодарю, Ваше высочество, мне уже гораздо лучше.

— Прекрасно. Я бы хотела, чтобы завтра все прошло так как и запланировано.

А вот как запланировано, мне нужно было узнать и чем быстрее тем лучше. И предпочтительнее всего было бы услышать это из уст самой Сельминды. Вот только как? Не понимаю я ее поведения. вроде как сама оказала мне такую честь... что изменилось? Что за это время могло измениться? Может напакостила Нейтория? Врядли. Она еще в ту ночь отправилась порталом домой, сославшись на то, что уже стара для таких развлечений. Конечно же основной причиной было то, что кое-кто распорядился проконтролировать состояние герцогини. И уже к трем ночи Нейтория была настолько зла и нервна, что готова была броситься на нас с кулаками. А и была все время на виду.

Тогда кто. А много кто. Сама ведь слышала, как де Рестал втолковывал королю, что о Миелисандре де Роад, до недавнего времени вообще никто не слышал. И особа прибывшая ко двору, не иначе как ведьма, опоившая старуху герцогиню.

Знали бы они как она опаивается сама...

Но то король. Его так просто не проймешь. К тому же власть мастера над разумом владыки непоколебима. По крайней мере очень хотелось бы в это верить. Но вот его дочь...

Я окинула пристальным взглядом толпу фрейлин, которые ожидали сейчас, что объявят появление принцессы.

Еще утром каждой из тех, кому оказана честь сопровождать принцессу к мужу, разрешили встретиться с родственниками. Это не удивительно. Ведь когда мы сможем снова ступить на родную землю, неизвестно. Сейчас не составляло особого труда угадать, кто именно входит в свиту будущей королевы Смелендера. Семь молоденьких фрейлин с распухшими носами и покрасневшими глазами, сейчас напоминали больше смертников, которым уже затянули на шеях петли. Такие несчастные, потерянные, с печатью обреченности на лице. Оно и понятно. Ни у одной из них не спросили, хочет ли она покинуть, родной дом, дорогих и близких людей, все привычное и знакомое с детства... бьюсь об заклад, что ни одна из них не догадывалась, что в один прекрасный день ее облагодетельствуют королевским вниманием. Печально конечно. Но такова жизнь. Таковы законы этого мира.

Восьмая я. Со мной все и так понятно. Плакать я конечно не собиралась, но мину постную изобразить все же стоит. При том, мое опоздание как нельзя кстати. Ведь в моем доме нет стационарного портала, а значит и попрощаться с родными возможности не имела. А еще две... кто? Неужели все же Бенериса? Жаль. Что она там будет без своего Тимила ле Нарена делать? А может и хорошо. Найдет другого. Есть, конечно, подозрение, что и тот будет не лучше. Ну то есть, благородный молодой и красивый. Не без этого. Но, кажется мне, что все же безнадежно влюблен в кого-то другого.

Ужин в честь отъезда принцессы.

Да простят меня боги, но напоминал он поминки. Даже обычно ничего не выражающее лицо принца было хмурым. Что уж говорить об остальных. Благо большого приема, бала и прочего пафоса и помпезности не предвиделось. Радостным не выглядел и король. Учитывая его натянутые отношения с Смелендером, это как раз не удивительно. Кажется мне, что не только дабы обезопасить свою страну, Ледмарт отдает дочь сыну чуть не злейшего врага. И гордость. Как жестоко истоптана была его гордость, когда он несколько лет подряд, чуть не

упрашивал Тегварда взять в жены Вернарскую принцессу.

Наверное, он все же не ждал, что Сельминда будет счастлива в этом браке. Хотя о чем это я? Договорные браки редко когда строятся на чем-то большем, чем взаимовыгодные отношения. Что говорить, о любви, если даже уважение не всегда бывает между супругами. Видимо, единственное на что мог надеяться король, это то, что по крайней мере молодой король Смелендера будет достаточно воспитан и благороден, чтобы относиться к своей жене с должным почтением.

Хотя устроит ли это Сельминду. Говорят, что принцесса пошла в покойную королеву. Та тоже была самолюбива и властна. Ренеая Вернарская была незаурядной женщиной. Во первых, она смогла выйти замуж за короля, будучи просто герцогиней. Говорят, что молодой Ледмарт потерял голову настолько, что пообещал своему отцу, что если тот и дальше будет настаивать на браке с дочерью короля Иллирии, то сделает все, чтобы та долго не прожила. А вот объясняться за это придется тогдашнему королю. По правде сказать, именно расторжение этой помолвки стало точкой невозврата в отношениях между государствами. Именно тогда стало понятно, что войны между Иллирией и Вернарией не миновать. Тревожило ли это влюбленного юного Ледмарта? Наверное, все же, как будущего правителя — да. И не знаю, каким образом таки удалось Ренеае добиться того, что он повел ее в Храм. Но все же это случилось. И уже спустя год она родила двойню. Два прекрасных мальчика. А спустя еще два года — девочку. Жаль, но именно эти дети стали жертвами интриг и предательства.

Война и Иллирией не стала новостью или неожиданностью. Ледмарт едва успел сесть на трон, когда в подарок от правителя Иллирии к своей коронации получил головы послов Вернарии.

Долгие годы выматывающей войны, обескровили оба государства. Она унесла и жизни маленьких принцев и принцессы. Ренеая была безутешна. И едва был подписан мирный договор, она на целый год отправилась в монастырь богини Технадес, богини мести. Поговаривают, что в один из дней, что королева простаивала на коленях перед статуей, к ней явилась сама Технадес. Возможно это только слухи, но из своего добровольного заточения она вернулась другой. Почти сразу Ренея переняла бразды правления в свои руки. И довольно неплохо справлялась. Единственное, что мне, как предвзятой, было не по душе, это то, что она снова узаконила рабство. Правда, живым товаром стали исключительно военнопленные, которых было с избытком. Хотя со временем, работоторговля стала процветать и

В остальном она была прекрасным управленцем. И Ледмарт понимал это. Королева не отошла от руля власти тогда, когда боги снова подарили ей радость материнства. Тогда и родилась Сельминда. Удивительно похожая на мать. Ей уже тогда называли маленькой королевой. А спустя пять лет королева ушла за грань, решившись в столь не молодом возрасте подарить Вернарии наследника. Лериниан родился недоношенным и слабым. И лекари и маги разводили руками, а король был так безутешен в своем горе, что мальчику помогло не иначе как провиденье. И то что наследник остался жив, называли не иначе как чудом.

Вот только удался он в отца. И лицом и характером. Не удивлюсь, если из-за его упрямства в Вернарию снова придет война.

А вот Сельминда. Да, если в Смелендере оценят ее ум и таланты, видят боги, получают непревзойденную правительницу. Немного позже. Уж больно молода и неопытна будущая

королева. А если нет — страшного врага.

Эти мысли роились в моей голове, пока я истязала вилкой и ножом кусок мяса с кровью. Благо, что сегодня Его Величество решил отойти от привычных паштетов, пюре и прочей неаппетитно выглядящей ерунды, и предпочел угодить вкусу дочери.

Мясо, рыба, птица, много зелени, фруктов и овощей. Теплый хрустящий хлеб и пироги с невообразимо вкусными начинками. И вино. и это еще не подавали десерты. Традиционные пирожные с масляным и заварным кремом, которые готовили исключительно поздней осенью, начиная с праздников Осенних ночей и заканчивая первым весенним днем.

Разделавшись со своей порцией, я лениво отпивала из бокала темно-красный хмельной напиток и наблюдала за присутствующими.

Осторожно наблюдала.

Бенериса уже полчаса вздыхала над своей порцией, чем нагоняла на меня тоску и уныние. Ох, наверное, боги были особо не в духе, даровав людям такое чувство как любовь. Хотя... Некоторые предположения о том, что любовь может быть как и наивысшим счастьем, так и наибольшим несчастьем, меня несколько смущали. Пока ничего хорошегомноу замечено не было. А те несколько романов преподнесенные мне той же Бенерисой, и недалёковидно начатые мной, особого доверия не вызывали. На то они и романы. Плод воображения. На деле же зачастую любовь — это душевные терзания, плотские желания и нежелательные последствия последних. А так же один из способов, при том весьма действенный, для выуживания информации, манипуляции, шантажа. Потому приворотное зелье считается одним из самых опасных, закономерно — запрещенных и за их изготовление и применение можно было не только угодить в подземелье следственного участка, а и, в зависимости от результатов допроса, на виселицу.

Хотя для моей миленькой подруги это был бы весьма не дурственный выход. А может быть и единственный, учитывая, что предмет ее душевных терзаний для нее так же не доступен, как для меня покой и уют в тихом местечке.

Жаль ее все же.

Вон Нарен тоже не весел. И хоть причина его печали та же, что и у блондинки Бенерисы, оплакиваемая особа далеко не та, которая должна быть и, увы, не та которую хотела бы видеть на ее месте моя подруга. Увы, молодой придворный в девушке видел исключительно доброго друга, а она была рада даже такой малости.

Да, здесь в принципе весельем не пахло. Робкие попытки завести разговор за столом захлебывались почти сразу. Еуна де Франкор вообще давилась слезами не в силах совладать с эмоциями и не потерять лицо. Возможно, если бы не столь напряженные, уже не первый год, отношения между правителями Смелендера и Вернарии, этот отъезд имел бы более яркий и веселый окрас. А так... Сельминда прятала ярость, злость и отчаянье под маской равнодушия. Довольно искусно прятала, нужно сказать. Мне, например, далеко не сразу удалось увидеть ее истинные чувства. Грелор де Фленар, королевский казначей, вытирал пот с блестящего чела и что-то через чур часто прикладывался к бокалу с крепким деккарским вином (продуктом перегонки, притом двойной, сока растения с одноименным названием). О, он не будет страдать за юной принцессой Вернарской. Просто только вчера король вызвал его к себе и посвятил, наконец, во все нюансы брачного договора. И судя по всему, казначей уже с большим удовольствием придушил бы особу королевской крови, которую так долго

старались сговорить за короля соседнего государства, отчаявшись свести доходы и расходы в следующем году хоть к какому общему знаменателю.

Жаль в этот раз я была слишком занята, выслушивая очередные сплетни о похождениях наследного принца, чтобы присутствовать при этом разговоре. Но уверена, Лайна не упустила ничего важного, описывая, как краснел, бледнел и порывался хлопнуться в обморок, точно дама самого благородного происхождения и не малого опыта нахождения при дворе, лорд де Фленар. Оказывается, было отчего. Я даже прониклась неким подобием сочувствия к этому не старому, но весьма потрепанному жизнью, мужчине. Мало ему было попорченного урожая на юге и новой разбойничьей шайки на западе в окрестностях своей же вотчины, так теперь еще и это. Беспощинный ввоз оружия из поющей стали из Смелендера, для торговцев, состоящих в Гильдии и снижения платы за провоз данной продукции по территории Вернарии на целых пятьдесят процентов. Нда, а ведь еще зима на носу. траты на зимнее обмундирование для весьма увеличившейся количеством, за последнее время, армии...

Здесь нужно, наверное, некое отступление и пояснение. Вернария — страна аграрная и если и производит нечто выходящее за рамки привычного земледелия, то в весьма ограниченных, более того, ничтожно малых количествах. Потому основным ее источником дохода являются именно пошрины, за провоз продукции других государств. Ввиду своего географического положения, это были немалые доходы и лорд Фленар трясся над каждой повозкой, чуть не сам лично. И вот Смелендер наоборот. Ввиду своего расположения и практически отсутствию пахотных земель, но невероятно огромных количествах залежей металлов, в расположенных на его территории горах, основным источником дохода страны стала именно торговля особой Поющей сталью. Кстати, особенности ее закалки и изготовление оружия закономерно держались в строжайшем секрете. Мастера пожизненно находились в кузнях без права их когда-либо покинуть. Нужно ли говорить, что желающих посвятить всего себя работе, а особенно талантливых, кузнецов было весьма ничтожное количество. Что, как не трудно догадаться, возносило цену на их продукцию до небывалых высот. И о самой стали. Так вот, благодаря той секретной методике ее изготовления, сталь и изделия из нее была прочной, не ржавела, практически не требовала заточки... вобщем, вполне оправдывала свою цену. При этом на ней не было заговоров и магических следов, что делало ее практически не уязвимой, для некоторых заклятий применяемых в условиях боевых действий, направленных на порчу именно боевого снаряжения противника.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Учитывая не большие количества производимой продукции, высоченную цену и прочие трудности с ее транспортировкой, потому как порталы через горы постоянно сбоят и пользоваться ими перестали уже давно, позволить себе изделия Смелендерского кузнечного искусства, могут далеко не все. А точнее, только весьма зажиточные. Для торговцев, состоящих в Гильдии, это весьма прибыльное дело. Если бы еще не неоправданно высокие пошрины на ее ввоз или транспортировку через Вернарию, что неизменно добавляло к и так не малой цене продукции некоторый процент. Вот он и делал Поющую сталь, провезенную по территории Вернарии, недостижимой даже для весьма не бедных слоев населения. А сама торговля в той же Иллирии не рентабельной.

И вот Тегдарт добился весьма ощутимых уступок со стороны Вернарской короны. Что

ж, как правителя я его зауважала. Для такого расширения рынка, а соответственно увеличения дохода казны, можно и на болотной гидре жениться. А принцесса была весьма не дурна собой, умна, родовита... Остается открытым вопрос о том, чем поступился сам Смелендер? Этого, к сожалению король с казначеем не обсуждал, а потому для меня осталось тайной. Не смотря на старания моей прекрасной подруги, не жалеющей ушей своих во благо государства.

Представляю, как в этот момент, хватал воздух почтенный казначей, подсчитывая, чем обернется для казны столь расточительные условия договора. И сейчас вытирая обильную испарину на лысой макушке белым платочком, выглядел он столь несчастным, что можно было подумать, будто он действительно искренне радеет за счастье любимой принцессы. Принцесса же никак не реагировала на печальные взгляды окружающих и стойко держала маску высокомерия и безразличия.

Как не удивительно, присутствовал здесь и мастер. Вот на него я старалась не смотреть. Из чувства самосохранения. После разговора на балу, неделю тому назад, мы больше не пересекались. Наутро второго дня празднеств, я получила от него букет желтых цветов олинарии. Получи такой подарок от кого другого, можно смело называть его объявлением войны. Но это ведь мастер... дело в том, что необычайно красивые с виду невинные цветы, с сладким ароматом, навевающим мысли о сахарном сиропе с пряными травами, были на редкость ядовиты. Например, я знала пять разновидностей быстродействующего и три — отстроченного действия, яда, в который добавлялись только лепестки этого прекрасного цветка. Впрочем подарок в духе моего непревзойденного наставника.

Конечно, это немного нервировало, но я старалась успокоить себя тем, что уже завтра окажусь далеко от этого человека. От черных глаз, полыхающих красным пламенем. От его намеков... и от набившего оскомину, «Моя Миели»

А ведь я должна быть этому рада. Почему же тогда так беспокойно на душе?

Наверное потому, что она, душа то есть, прекрасно понимает, что так называемая мнимая свобода, на самом деле чистой воды иллюзия. Не удивлюсь, если во дворце Смелендера шпионов больше, чем крыс в подземелье замка Роад. И я не столь наивна, чтобы полагать, будто они следят исключительно за смелендерцами и, ни в коем разе, не друг за другом. А вот право знать их имена мне и Лайне надлежит еще заслужить.

К моему огорчению, внимание уделенное мастеру не осталось незамеченным. Предмет моих переживаний едва заметно поморщился, что можно было расценить и как недовольство моим поведением, и оценку вкуса вина. Я же решила не испытывать его терпения и не проверять что же стало предметом его недовольства. Потому отвернулась и наткнулась взглядом на бледного, но решительного Нарена. О, Еаатхар! Только бы это не значило...

Видимо только что в преисподней дико рассмеялись над моими несбывшимися надеждами. Так как молодой будущий граф ле Нарен, резко встал, и с видом раскаявшегося преступника, направился в сторону правящей семьи. Вот в этот момент я уже засомневалась в его статусе «будущий граф». И как оказалось не зря.

Тимил ле Нарен, переполненный благородства решимости и присущим молодости и влюбленности, идиотизмом, опустился перед королем на одно колено, склонил голову и заговорил. Судя по синюшным пятнам на бледном лице Бенерисы, суть разговора ей была известна и грозил молодому приду...дворному, отделением того сосуда, где должен был бы находиться мозг, от остальной части его тела.

Я подала вперед, разумеется дабы не пропустить ничего важного.

— Ваше Величество. — пробормотал несколько растерявший по дороге свою решительность ле Нарен.

Король нахмурился, явно вспоминая, кто таков и чего от его Величества может хотеть.

— Виконт ле Нарен? — сказал он скорее сам себе. И, прищурившись, спросил у просителя, — И чем я обязан?

Сказано это было с такими интонациями, что от обязательств короля хотелось сбежать куда подальше и до конца дней молить мать-богиню, чтобы ему как минимум отшибло память.

И последовать бы молодому человеку, зову своих же инстинктов, заставивших его дернуться, но толи упрямство, толи воспитание все же вернули его на место и они же, хотелось бы надеяться, вложили в его уста следующие слова:

— Ваше Величество, — голос его от волнения видимо сел потому лорд Тимил прочистил горло и выпал на одном дыхании. — Я хотел бы просить Вас о назначении меня на место личного охранника при Ее Высочестве Сельминде Вернарской.

В обеденном зале королевского дворца Вернарии повисла такая тишина, что мне малодушно захотелось чихнуть, кашлянуть, щелкнуть пальцами... сделать что-нибудь, чтобы удостовериться в том, что я не оглохла. По понятным причинам я этого не сделала. И, спасибо Бенерисе, которая отмела мои опасения судорожно всхлипнув. Этот истеричный звук стал своего рода разрешением говорить и еще миг назад могильную тишину разорвали нарастающей силы шипящие звуки. Ну, точно змеиное гнездо.

Предмет разговора между королем и недографом, сидела бледная, застывшая и, кажется, не дышала.

Еще бы.

Только что молодой рьяный придворный практически растоптал ее репутацию, поставив под сомнение ее чистоту и невинность. К тому же, столь неприкрытое желание будущего графа служить именно наследной принцессе, навевало мысли о том, что в скором будущем его примеру могут последовать и другие лорды правители. А это уже чревато гражданской войной. И дабы пресечь сие поползновение, я бы на мессе короле отправила молодого приду...дворного на плаху. Ну и что, что влюблен и потому не совсем адекватен. Целости и миру в королевстве не должно ничего угрожать. И так несостоятельность будущего короля в глаза бросается. Потому принцессу сейчас вполне можно лишить права на наследование. Совсем. И вытолкать замуж подальше и отнюдь не за короля. К тому же своим желанием защитить предмет своего воздыхания Тимил скомпрометировал ее, а потому один единственный слух...

А вот тут я задумалась. Переступит ли короли Смелендера через свою гордость, чтобы не лишать себя всего того, чего добился переговорами и предстоящим браком? Ведь не факт, что его послам удастся выторговать и половину выгод прилагающихся к Сельминде, как компенсацию за поруганную честь. Вот не факт... А вероятность того, что королева Смелендера не переживет родовой горячки или еще чего страшного, после рождения наследника, становится просто несоизмеримо большой.

Спасибо, Эвараар! С меня пожертвование в ближайшее посещение храма всех богов.

С этой мыслью я стремительно бросилась к королевским ногам, по пути размазав по лицу слезы и изобразив вполне жизнеспособный всхлип, означающий последнюю стадию

отчаянья и предобморочное состояния. Мои манипуляции ввергли в повторный шок присутствующих, и разрываемая моими рыданиями тишина обескуражила и его Величество, и ее Высочество, и спасаемого мной ле Нарена и, помогите мне все боги, мастера. Стоит подумать над тем, как объяснить ему свое поведение. Боюсь, что они будут несколько путанными. Даже, Бенериса вытирая красный и распухший нос, перестала всхлипывать.

— Простите меня Ваше Величество, — между тем рыдала я в его начищенный до блеска сапог, — это он из-за меня. — и снова залилась слезами.

Лишившийся дара речи, ле Нарен судорожно сглотнул и уставился на меня круглыми от удивления глазами.

— Да-а-а? — протянул его Величество, переводя взгляд с меня на лорда Тимила. Не берусь угадывать, что себе думал сейчас король. Возможно, что это мой какой-то стратегический ход и ле Нарен нужен мне для выполнения поставленных целей. И все же спросил. — И каким же боком Вы, дорогая леди де Роад, причастны к этому вопиющему случаю.

Кажется, именно в этот момент во влюбленном юноше проснулся инстинкт самосохранения. По крайней мере, только так я смогла объяснить задержавшийся кадык и испарину на лбу.

Я же, не выходя из образа несчастной влюбленной, покраснела, как маков цвет и тихо пошептала:

— Мы любим друг друга, — и уже совсем тихо. — И разлука смерти подобна.

Судя по нервно задержавшемуся глазу ле Нарена, смерти подобно для него было даже теоретическое предположение, что он имел некую связь с ведьмой. А меня не иначе как ведьмой не называли в этом пристанище сплетников и интриганов. Эх, вручить бы им грабли и лопаты, дабы занять их слишком свободное время.

— Даже так? — пробормотал король.

Хм, а мне похоже получилось озадачить не только юношу.

— Это так, лорд ле Нарен?

Тимил перевел ошарашенный взгляд на короля и кое-как взяв себя в руки сказал:

— Н-н-нет!

— Ах, не стоит, дорогой, — тут же вмешалась я, дабы ретивый влюбленный не подумал, что его жизнь не так важна если он уронит честь перед предметом своих грез. — Чего стоит моя честь, если... — я отчетливо всхлипнула, уткнувшись в предоставленный королем белый платок.

Нарен повторно впал в ступор. Король задумчиво хмыкнул. К лицу принцессы начали возвращаться краски, а на лице мастера появилось непонятное, но не сулящее ничего хорошего, выражение. Ничего. Я все ему объясню. Потом. Если доживу.

— Мне стоит подумать. — сказал король и поднялся отмечая окончание ужина.

Я бросила недовольный взгляд на ле Нарена припоминая, что осталась без полюбившегося десерта.

Надеюсь представление того стоило.

Благодарности от спасенного конечно же я не ждала. Скорее мое действие было направленно на другую особу. Вот от нее я и ждала признания своих способностей.

Увы, реакцию еще одной особы я не учла.

Еле успела я переступить порог своих покоев, как за мной тут же ворвалась Бенериса, сверкая молниями в светлых глазах.

— И ты молчала? — зашипела она не хуже королевской кобры. — Я изливала тебе душу. Все эти дни. А ты молчала. Как ты могла? Я тебя подружкой называла.

А вот так и могла. Спасибо бы лучше казала, что не оплакивает сейчас труп своего горячо любимого Нарена. Хотя кто поймет этих влюбленных. Иногда они готовы рыдать над хладным трупом любимого, лишь бы не видеть его рядом с кем-то другим.

— Так получилось. Прости. Иногда мы не властны над нашими чувствами. — патетично произнесла я и ужаснулась от того как преобразилась миленькая блондиночка из рода де Санторин.

Такой кровожадности на человеческом лице я не видела с тех пор, как леди Эдвинга де Ноат обнаружила, что мы бесовестно одеваем штаны, дабы удобней было носиться в саду. Помниться тогда был первый раз, когда мы удостоились массовой порки солеными розгами. Благо и единственный. Потому как физическое насилие мастер не приветствовал, предпочитая заменить его наказанием моральным. Ну если недельное сидение в холодном карцере вместе с крысами и его любимыми пауками можно назвать так. Незабываемые ощущения, которые мне к огромному счастью, доводилось испытать лишь единожды. Ввиду, толи моего хорошего поведения, толи расположения наставника.

Так вот. Это хищное выражение на лице Бенерисы де Санторин, должно было бы означать, что пора бы мне уже подумать над тем, чем отбиваться. И будь я девицей благородной, непременно стоило бы испугаться, задуматься, так ли проста моя уже бывшая подруга. А так... только щемящее чувство в груди. Такое, будто лишилась чего-то важного. А вроде и не заметила, как стала мне близка эта девушка. Неужели за неделю привыкла так к ней? Но к моему огромному облегчению, в комнату вошла Тилайна.

— Леди Рoad, к Вам лорд ле Нарен с срочным делом, — тоном вышколенной прислуги доложила подруга и я перевела дыхание.

Уж скандал в обществе предмета своей несчастной любви моя, уже бывшая, подруга устраивать не будет. И ее вмиг побледневшее лицо стало мне тому доказательством. Бенериса, бросив на меня уничижительный взгляд, развернулась на каблуках и, оставив за собой некий шлейф недосказанности и аромата цитрусовых духов, вылетела прочь, едва не сбив с ног второго неблагодарного посетителя.

О том, что и здесь благодарностей мне ждать не стоит, говорило хмурое выражение лица посетителя и характерный зубовой скрежет едва его взгляд таки натыкался на мою незабвенную особу.

Не дожидаясь тирады на тему того, как я могла опозорить его, наследника древнего рода, в глазах правящей семьи, я плеснула в два бокала, хваленый казначеем, вир ровно на два пальца. Один протянула остолбеневшему визитеру, из второго сделала не большой глоток и плюхнулась в кресло. Кажется, я начинаю понимать уважаемого казначея. Напиток действительно примечательный, судя по тому как зашумело в голове. Стоит быть аккуратней с ним. Но приятно обжигает горло. А вкус мягкий. Так и не скажешь, что подобен сей напиток огню расплавленному.

— Как я понимаю, явились Вы сюда отнюдь не выразить свою благодарность за спасение Вашей весьма ценной шкуры? — сказала я, откидывая голову на высокую спинку и закрывая усталые глаза.

Не думала, что встреча с бывшей подружкой окажется столь выматывающей. Наверное, мне все же не стоит так привязываться к людям. Увы, мир несправедлив, а чувства,

подобные даже тем, что я испытывала к этой милой девушке, в некотором роде, выбивают из колеи. А мне этого допускать нельзя. И все же испытывала я некую смесь досады и глухого раздражения. И зря ле Нарен явился. Ведь на него и выплеснется это не совсем ему предназначавшееся чувство. Точнее совсем не ему. Зла я была на себя. По большей части на себя.

Молчаливое сопение стало мне утвердительным ответом.

— Вот скажите мне, пожалуйста, дорогой, — на этом слове сопение усилилось, но глаза я открывать не стала, — где были Ваши, осмелюсь сказать, мозги, когда Вы, самым идиотским способом очернили принцессу в глазах короля и всего двора? То что Вы, весьма нетривиальным способом решили свести счеты с жизнью, меня нисколько не беспокоит. Но вот, что Вам сделала ее Высочество, понять не могу. Это Вы так отомстить решили на то, что она игнорировала Ваши чувства к ней?

Вот теперь глаза я все же открыла, дабы насладиться выражением несчастья и раскаянья на лице ле Нарена. Ага, видимо, его уже просветили до меня о последствиях его не совсем обдуманного поступка. Что ж, тем лучше. Меньше мне надрываться придется.

Хорош молодой наследник графства Нарен. Светловолос и светлоглаз. Молод только очень. Вон даже щетина на щеках и не щетина, а так пух. Через год два, за ним дамы придворные толпами бегать начнут. Да и сейчас... вон и мать и дочь де Санторин... Если конечно не сотворит опять что-то с жизнью плохо совместимое, в силу своей молодости.

И как-то так мне стало тошно. А ведь себя я чувствую не на свои девятнадцать, а так будто эти девятнадцать уже по второму, а то и по третьему кругу пошли. Старой вобщем. Душой старой. И от этого открытия настроение мое еще больше испортилось.

И вот не хотелось мне сейчас слушать, как этот зеленый, как молодой огурец, парень начнет оправдываться, сожалеть. Нет мне дела до его сожалений.

К его чести оправдываться он не стал, просто молча хлопнулся в кресло напротив, и залпом осушил свой бокал. Я поспешила наполнить его снова. Нарен кивнул, сделал глоток и прикрыл глаза.

— И что...

Подразумевалось толи что делать, толи что будет. На оба вопроса у меня было несколько вариантов ответа. И вариант с отсечением головы наследника древнего рода я отметить не спешила. Все же риск слишком велик. Мне врядли что-то угрожает. И это кстати совсем не моя заслуга. Но вот головомойка обеспечена.

— Зачем? — прервал мое задумчивое молчание юноша.

«Зачем я это сделала?». У парня явно шок, если не способен изъясняться более сложными фразами.

Я ухмыльнулась. Весьма добросовестно копируя, кривую ухмылочку мастера Наахара.

Так я тебе и сказала.

— Отца Вашего жаль. Мне он показался весьма благоразумным и добрым стариком. А в его возрасте обзавестись наследником уже не столь легко.

Нарен поморщился. Видимо ожидая чего-то вроде тех стенаний, что я устроила перед королем. Увы, настроения у меня на это не было. А Тимил был передо мной в долгу, ровно на столько, чтобы не чернить мое имя отсутствием надлежащего воспитания у своей спасительницы.

— Вы же понимаете, что несколько опорочили мое имя... — начал он, явно вспомнив

причину своего дурного настроения и присутствия в моей комнате.

Вообще-то равно как свое. И как мужчина честный и благородный, ты просто обязан на мне жениться.

— Зато спасла Вашу жизнь. — это было несколько самоуверенно, так как король решения в отношении нас еще не вынес, но справедливо.

Я сделала большой глоток вина, отсалютировав при этом собеседнику.

— Вы просто невыносимы, — прошипел ле Нарен, — Склоняюсь к тому, чтобы все же поверить слухам о Вас, леди Миелисандра.

Склоняется он.

— А мне казалось, что подобные предрассудки стали плотным основанием для сложного у Вас обо мне мнения, — усмехнулась я, не скрывая, что вполне осведомлена о том, какого толка слухи обо мне ходят в королевском дворце.

Юноша вспыхнул, но промолчал.

— Мне кажется, или все же благодарностей от Вас я сегодня не дождусь? Если так, то мне бы хотелось подготовиться к завтрашнему дню. Все же нам предстоит долгий и весьма утомительный путь.

Молодой человек кивнул, поставил бокал и прошествовал к двери. И уже взявшись за ручку, на миг замялся. Неужели... Нет. Ну нет так нет. Не больно-то ждала я его признательности.

— Неблагодарная скотина, — сообщила Лайна, закрывшейся двери.

— Влюбленный идиот, — поправила я ее.

— Одно другому не мешает.

И как с ней спорить? И стоит ли?

Я промолчала, давая понять, что полностью с ней согласна. И все же благодарностей я буду ждать.

— И что ты задумала? — спросила Лайна, упаковывая мои платья в необъятных размеров сундук.

— Просто сделала первый ход.

— Леди Роад. — низкий мужской голос донесся до меня, как сквозь толщу воды. И все же я мгновенно встрепенулась, встала и сделала вид, что совсем не спала в два то часа ночи.

— Да. — просипела я, севшим со сна голосом.

Едва трепыхающийся огонек на фитиле свечи, больше создавал зловещий полумрак, чем давал света. Но памятного привратника я узнала сразу.

— Вас ожидают. — тем же ровным тоном сообщил мужчина в бежевом и, не дожидаясь моего сколько-нибудь для него важного ответа, развернулся и пошел к двери.

Мне же ничего не оставалось, как была в ночной сорочке, халате, и тапочках прошествовать за провожатым. И едва я ступила в темный проем тайного хода, меня обняло таким холодом, сыростью и запахом тлена, что отчаянно захотелось вернуться, натянуть на себя минимум шерстяное платье. А лучше шубу. Ту, которую мастер подарил, памятуя о том, Смелендер славиться не только сталью, но и жестокими морозами. Из меха горной лисы. Такой же рыжей, как и я. Вот и думай опять, что же имел в виду наставник.

Сейчас я об этом думать отказывалась и спешила за дрожащим светом в руках привратника.

Через несколько долгих минут огонек остановился, дважды мелькнул, явно повторяя жесты руки, открывающей выход из тайного прохода, и в темном коридоре стало на порядок светлее.

Вот теперь я решительно ринулась на свет. Кажется, куда привел меня привратник я знала. Так-как схему тайных ходов с Лайной мы вызубрили еще в первый день. Как говорить на всякий случай. Мало ли что может произойти.

И все же я постаралась выкинуть все лишние мысли из головы и полностью посвятить себя тому, ради кого и затеяла все это представление днем.

В этих покоях еще не ложились и не собирались. Об этом свидетельствовали несколько оплавленных почти до основания свечей, недопитая бутылка вина на столе и несколько только слегка обгоревших поленьев на куче красных углей. Будь кровать в этой комнате, спорить могу, она была бы не расстелена.

— Ваше Высочество! — согнулась я в низком реверансе.

Принцесса мазнула по мне слегка расфокусированным взглядом. Ого! А ее Высочество переживает весьма тяжело свое вынужденное замужество.

Она стояла у камина с бокалом вина. Растрепанная, с красными глазами и распухшим носом. И чего так переживает-то? Не в рабство же продают, королевой сделают. Тем не менее, выглядела она сейчас жалко и напоминала кого угодно, только не наследницу короны и древней, как сам мир, крови. Платье сбилось, смялось. Волосы растрепались. Нужно срочно что-то делать, иначе завтра ее Высочество будет выглядеть не лучшим образом, чего допустить никак нельзя.

— Сядь! — приказала высочество и я, конечно же, послушалась. — Итак, я так понимаю, тебе я обязана тем, что завтра таки отправляюсь в этот демонов Смелендер?

Я нисколько не расстроилась от не совсем позитивной формулировки.

— Именно, Ваше Высочество!

Сельминда приложила к бокалу, сделала большой глоток и сверкнула гневным

взглядом.

— Ты хоть понимаешь, что лишила меня последней надежды на то, чтобы остаться в своем королевстве? — обманчиво спокойно сказала без пяти минут королева.

Я кивнула, подтверждая и ее слова и свои мысли. Эх, Сельми, мастера на тебя нет. И леди Эдвинги. Вот она умела донести до юных умов истину, что женщина, если не обделена умом и красотой, при желании, способна получить все, чего ее душа желает. Как правило. Особенно если в сердце своего мужчины получилось ей пробудить весьма нежные чувства.

— И это весьма недальновидно с Вашей стороны. — благо реакция и тренировки позволили мне легко увернуться от летящего в меня бокала. — Во-первых, лорд Наахар дал мне весьма недвусмысленные указания по поводу того, что именно я должна делать. — сделав вид, что ничего собственно не произошло, продолжила я, — Во-вторых, не стоит так расстраиваться из-за того, что в скором времени Вы займете трон Смелендера, станете женой молодого сильного правителя и матерью наследника. И замете, без урона для Вашей чести и достоинства.

Говорила я спокойно, не вкладывая в свои слова никаких эмоций. Так доносят до собеседника сухие факты.

Теперь в меня полетела бутылка. Благо никто сейчас не видел, как низко пала дочь правителя Вернарии. И никто завтра не будет жевать и сусолить сплетню о том, что наследница одного из могущественных королевств, рыдала пьяная в своих покоях и обществе наследницы герцогства Роад и предположительно ведьмы. А пала она прямо на пол, потеряв равновесие во время броска. О, Великая Мать! Ну, ничего. Ведь не зря меня столько лет муштровали. Я справлюсь с этим.

— Я бы могла стать правительницей и здесь. — простонала Сельминда.

— Увы, но здесь Вы стали бы правительницей только после гражданской войны, доказательства, что способны управлять государством, замужества. Кстати не факт, что Ваш муж, не станет Вами помыкать, едва почувствует вкус власти. Как Вы понимаете, закон будет на его стороне, едва на чело ему ляжет корона. А без мужа корона не светит и Вам. А вот в случае брака с Тегвардом возможность стать правительницей обоих государств гораздо больше и реальной.

— В Смелендере женщин не допускают к праву. — возразила она.

Да вероятность того, что умный молодой и полный сил Тегвард подомнет под себя оба королевства, в случае если вдруг с законным наследником вернарской короны что-то случится, довольно велика.

— Вашу матушку тоже не допускали. Сильно ли ее это смутило? — все же сказала я.

До особы королевский кровей, смысл сказанного доходил медленно и путанными путями. Но когда наконец все же достиг места назначения, принцесса на миг изменилась в лице и даже протрезвела. И даже улыбнулась.

— Нда... Ред, просто не мог воспитать из своих девочек нечто другое. — не совсем понятно заключила Сельминда с чем я поспешила согласиться.

То что мастер готовил нас отнюдь не для вышивания цветочков на королевском подоле я знала давно. Не пойму только почему это стало неожиданностью для ее Высочества.

— Спать. — скомандовала я. — Ваш король должен быть сражен с первого взгляда. Первое впечатление необычайно важно.

С этими словами я помогла принцессе переодеться и уложила в постель.

Жаль, что разговора не получилось. Мне бы очень хотелось оговорить с Ее Высочеством некоторые нюансы, учесть ее пожелания.

Но толи успокоенная моими словами, толи алкоголем, принцесса моментально уснула. И я смотрела на хмурящееся лицо будущей правительницы соседнего королевства, на разметавшиеся светлые волосы, и думала, что как-то не больно справедлив мир.

Мда. Конечно же благодарностей я не дождалась и в этот раз. Но более-менее все же приблизилась к той, за кем должна следить и кому должна помогать всеми силами. И начать стоило немедленно.

Подходящее место для перехода найти удалось не сразу. Меньше всего хотелось мне, чтобы кто-то совсем случайно на него наткнулся. Потому в который раз пришлось исследовать карту тайных ходов. Не то чтобы я ее не знала, но хотелось все перепроверить, дабы не терять времени потом.

А этот раз тайный ход вывел меня в подземелье. А если быть точным в одну из тюремных камер. Не известно почему ход вел именно сюда, но был он весьма кстати.

Я прислушалась к тишине за непробиваемой дубовой дверью. Тихо. Абсолютно тихо. И это замечательно.

Теперь нужно было взять себя в руки. Нужно сказать, что было это весьма сложно в этом месте. и хотя нас годами учили не терять самообладание даже в более неприятных местах, некое дурное предчувствие душевному спокойствию не способствовало. Я глубоко вдохнула и сразу же осознала свою ошибку, закашлявшись от запаха прелой соломы, нечистот и мертвечины.

О, боги!

Пришлось закрыть нос шалью, хранившей запаха духов. Стало немного легче дышать.

В этот раз символ ключа я наносила как никогда тщательно. Не только потому, что охранная система сама по себе была опасна, но и потому, что переход был весьма не близкий, а соответственно при малейшей ошибке смертельный. В рунах координат места назначения рука начала некстати дрожать и пришлось на мгновение прерваться.

Все же когда схема была выведена, дважды перепроверена, покоя в душе не добавилось. Выплетая заклинание активации, ноги, благо не руки, подрагивали.

И когда символ засветился привычным синим светом, я чуть не заплакала от облегчения.

Но вот стоило мне сделать шаг, как радость моя поугасла. Теперь понятно почему мастер не настаивал на частых встречах. Открытие перехода, активация ключа... слишком уж много тянули магических сил из меня. Как проверять резерв мастер меня все же научил. Так вот, сейчас я была близка к тому, чтобы хлопнуться в обморок от истощения.

Не переоценил ли мои способности мастер?

Аккуратно, по стеночке, дабы все же не сломать себе шею, я спустилась по такой родной лестнице в не менее родной подвал-лабораторию.

Все так же шатаясь, словно королевский флагман в шторм, я добрела до стеллажа с готовыми зельями, нашла восстанавливающий настой и не утруждаясь отмериванием оно, хлебнула просто с бутылки.

Постепенно в голове прояснилось. Мир приобрел некую четкость. Слава богам. Но в следующий раз, наверное стоит выпить зелье до того, как заклинание вытянет из меня все силы.

Быстро перемотав раненную руку, я принялась за дело.

Разожгла лапу, повесила котелок, отыскала нужные составляющие...

И закружился пар над поверхностью воды. Прозрачной пока, но так сразу и не скажешь. Казалась она в этом освещении и от сосуда в который ее влили, похожей на черненное серебро. И полетели в котел травки. Свежие и сухие. В точно отмеренных пропорциях. По капельке растворялись нужные ингредиенты в отдельной посудине.

А я вдыхала слегка резкий запах и на сердце становилось спокойно. Наверное, когда все закончится, когда я стану герцогиней, у меня тоже будет своя лаборатория. Правда, герцогине претит заниматься зельеварением...а для себя зачем? И тут же вспомнилось круглое лицо управляющего. Пригодится. Однозначно пригодится. Мастер не раз говорил, что вот в чем-чем, а в искусстве зельеварки я непревзойденна. Талант у меня. А причин сомневаться в словах мастера у меня не было. Слишком уж редки и скудны были его похвалы. Потому каждую я хранила в памяти, как обнищавшая герцогиня свои украшения.

Его можно было обвинить в жестокости. В том, что использовал он окружающих в своих целях. В высокомерии, самолюбии, бездушии... но говорил он исключительно правду. Не всю. Не всегда и только ту, которую считал нужным, но только правду. И то, что выводы из той правды сделать можно какие угодно, не его проблема. Правда, и выводы все делали те, что ему, лорду Наахару, были нужны.

Так, танцуя над зельем, я не заметила как пролетело время до утра, о наступлении которого известили огромные настенные часы. По большому счету здесь ни были скорее для того дабы следить за технологией приготовления отваров, которая требовала точности во всем.

— И что делает, моя прекрасная Миели в столь ранний час в лаборатории?

Я не вздрогнула и не уронила склянку с готовым зельем только потому, что устала и реакция моя притупилась.

Не хорошо это. И не правильно. Были дни когда в целях закалки нашего тела и духа нам не давали спать по трое суток подряд, при том заставляя что-то делать или просто оставляя в покое. Да после такого чувство было, будто в жерновах перемололи. Но сейчас-то что со мной?

Отравили?

Нет. Я бы поняла. Или, на худой конец, Тилайна. И сказала бы. Наверное. А если нет?

Я устало поставила склянку на стол и еле удержалась от того, чтобы не потереть виски.

Вместо того повернулась к мастеру и хотела склониться в реверансе, но пол под ногами качнулся и комната закружилась.

Обморок?

С чего бы?

И все же я смогла удержать сознание. Нельзя. Пришлось закрыть глаза и неимоверным усилием воли подавить подкатившую к горлу тошноту.

Демон! Да что со мной? Если яд, то хотела бы я знать какой. Чисто профессиональный интерес.

Во рту пересохло и зачесалось. Попить бы чего.

— Нда! Просто превосходно. — изрек мастер от чего захотелось плюнуть ему в лицо. Но плевать было нечем.

Странное все же желание. И раздражает он меня. Сильно.

Он пристально смотрел мне в глаза и пламя, которое столько лет пугало меня до дрожи во всех конечностях, разгоралось, заполняя не только зрачок, а и радужку. От того казалось, что его душа горит, и истончившиеся стекла его глаз, больше не способны скрывать это.

— Интересно кто? — между тем продолжил наставник, а мне пришлось сжать зубы, чтобы не сказать чего то за что потом каяться придется. Перед богиней Матерью. И весьма скоро. — Кажется, моя милая Миели, ты уже успела нажать себе врага во дворце.

Он сделал несколько шагов в мою сторону. Странно, видела я его, как в дымке тумана. И казалось, что силуэт его пошел рябью, стоило мне взглянуться в него. И снова его затягивало серой пеленой, оставляя разве что темные контуры. Остались только два ярких красных огонька.

— Такое даже мне не было по силам. — между тем продолжал мастер, а я старательно подавляла в себе желание вцепиться ему в горло. Или хотя бы расцарапать лицо.

— П-простите. — с запинкой выдавила я. Хотя извиняться хотелось меньше всего.

Это слово далось настолько тяжело, что казалось вот-вот застрянет в горле и я им подавлюсь. Но нет. Все же вылетело. Или правильной сказать я его выплюнула. Богиня-мать, да что ж это такое?

— Ну и кому ты так могла насолить, всего-то за неделю проживания при дворе, что тебя наградили проклятьем?

Проклятье! Вот значит как. А и действительно кому. Да кому угодно. Герцогине де Роад. Или Бенериссе, которая совсем недавно собиралась устроить мне скандал из-за своей же неразделенной любви. Или сам предмет ее вздыхания... да что тут говорить, могла ли я поручиться за то, что не Тилайны это рук дело? Увы! Уж слишком хорошо я была с ней знакома, чтобы сказать это наверняка. Хотя мастер, скорее всего, рассердился бы, если бы его же воспитанница сорвала ему планы. Но у такого человека как он всегда есть несколько запасных.

— Проклятье первого уровня, моя милая девочка, способен наложить каждый, кто владеет хоть каким даром. Потому не утруждай себя сейчас перебиранием кандидатур. Вполне возможно, что человек, который тебя им наделил, даже не подозревает, что сделал. Но удя по тому, как оно подействовало, раскаиваться не будет. Скорее наоборот.

Мастер говорил спокойным чуть равнодушным тоном. И все равно я не могла справиться с одолевавшим меня раздражением.

Он придирчиво осмотрел меня с ног до головы.

— Моя маленькая Миели...

Наверное, он хотел еще что-то сказать. Но не закончил, шагнул ко мне, оказавшись со мной на расстоянии всего ладони, и его рука легла мене на лицо.

Такой боли я не испытывала никогда в жизни. Казалось, что от его ладони мелкой паутиной расползлся могильный холод, оставляя за собой мелкие трещинки на поверхности моей кожи. И из этих трещин выползали, раздирая кожу сотни паучков. Маленьких, красных паучков. Разлетаясь в пространстве кровавыми пятнами.

Возможно, я кричала. Но и сама не слышала звука своего голоса.

Вспышка. Ослепительно красная. И я не удержавшись на ногах осела на холодный каменный пол. Наверное этот холод и помог мне прийти в себя.

Я тяжело поднялась, качаясь как от бутылки крепкого вирома.

Демоны бы побрали того, кому я так мозолила глаза. Найду, сама разорву голыми

руками. Или нет, есть более болезненные и неприглядные способы отправить человека на тот свет. И память тут же подкинула несколько рецептов составов, которые мне в этом могли бы помочь. Я чуть не облизалась от предвкушения. Но нет. Сначала дело, потом буду сводить счеты с врагами.

— Проклятье «Адерам». Учись, моя дорогая девочка. — бросил через плечо мастер, наполняя темной тягучей настойкой голубого трилистника высокий бокал.

Я осушила его до дна. Стало немного легче. Все же это чудесный цветок, не зря за него выкладывают столь значительные суммы денег. В нужную минуту он может и мертвого из могилы поднять.

Мастер дождался, когда я окончательно приду в себя, и протянул мне маленький медальон на тонкой цепочке.

— Это защитный амулет. Чтобы подобного не повторилось. Хотя, я несколько разочарован. — от этих слов я вздрогнула и едва не выронила подарок. — Думал, что за годы, которые я потратил на ваше обучение, вы постигли хотя бы азы искусства проклятий.

— Я прошу прощения, мастер.

— Ладно, в этот раз я прощаю тебя, моя дорогая. Но в следующий... избавляться от нежелательных последствий будешь самостоятельно.

И сказано это было таким тоном, что я едва смогла удержаться, чтобы не хлопнуться на колени и не просить пощады. Удержало меня толь ко то, что так сделаю только хуже самой же себе.

— Так что тебя привело сюда?

Я прочистила горло и собралась с духом.

— Принцесса, мастер. Мне кажется она несколько нервно воспринимает свой отъезд, потому решила приготовить зелье, дабы справиться с волнением.

— Истерила? — мне послышалась в голосе его некая брезгливость.

Да мастер не терпел людей слабых духом и подверженным истинно женским порокам. По крайней мере, слезы и истерики он называл именно так.

Мне же осталось только кивнуть.

— Мелкая дрянь. — процедил он сквозь зубы.

— И все же я думаю, что все будет в порядке.

— Думаешь?

Я решительно кивнула. не хотелось чтобы лорд советник сомневался в том, что я действительно смогу уладить столь незначительную проблему. Которая, со временем могла бы разрастись до катастрофических масштабов.

Лорд Наахар еще какое-то время разглядывал меня пытаясь прийти к какому-то решению. Скорее всего стоит ли вмешаться ему лично или все же довериться мне. но все же кивнул.

— Хорошо. Иди. Тебе еще нужно отдохнуть.

Я сделала реверанс.

— Доброй ночи тебе. Или уже утра. — кивнул он мне на прощанье.

Я удалялась быстро, но не поспешно, дабы это не было похоже на бегство. Так было всегда. Каждый раз.

В правой руке я зажимала плод трудов своих, в левой восстанавливающий настой. Кажется мне, что не скоро я захочу испытывать судьбу и снова спускаться в подземелье поместья лорда Наахара.

В полутемном кабинете было душно. Душно для него, сына льдов и гор. Он никогда не жаловал эти закупоренные маленькие помещения, в которых такие как он чувствовали себя подобно запертому в клетке зверю. Потому и метался от обжигающего жаром камина, до дышащего родной прохладой окна. Другое дело его покои. С огромными окнами, которые были всегда открыты, даже в зимние морозы, он не позволял прислуге их закрывать. С высокими потолками...

Ринемар усмехнулся, вспоминая, как вытянулось лицо его брата короля, когда он потребовал, чтобы ему отдали северную, самую холодную и необжитую, башню. В которой уже несколько веков жили только привидения и сквозняки. Но родному брату отказать не мог.

И тут же помрачнел.

По праву рождения именно он, Ринемар, должен был стать королем. Вот только вторая жена покойного отца, и мать Тегдарда, смогла если не убедить короля в том, что мать Ринемара, прижила сына на стороне, то посеять в его сердце сомнения. Потому умирая, Тигивар Смелендерский оставил, вопреки всем законам, трон младшему из сыновей.

Был ли тогда зол наследный принц. Еще как. Именно тогда он ушел в горы на пол года. Именно тогда...

Но не об этом ему надлежало думать сейчас.

Тегдард нервно барабанил пальцами по столешнице и это несколько раздражало Ринемара. Он даже и не думал, что настолько отвык от обычного человеческого общества. И даже родной брат, которого он благородно не винил в своих бедах, вызывал глухое раздражение. Другое дело его матушка. Вот кому он желал самых страшных мук. Но привитое с детства благородство не позволяло опуститься до того, чтобы мстить женщине. К тому же, как бы она ни старалась посеять ненависть и злобу между братьями, ей это не удавалось.

И если положить руку на сердце, то Тегдард больше подходил на роль отца народа. Истинный сын своего отца он был похож на него внешне, как две капли воды. Такие же светлые глаза, цвета холодных льдов их родины, немного резкие черты лица и волосы, настолько светлые, что казались седыми. И статью он тоже пошел в род Смелендерских королей. Невысокий, едва достающий до подбородка, но коренастый и широкоплечий. Он и в оружии отдавал предпочтение тяжелой секире, а не излюбленной рапире Ринемара. А сейчас, в белом свадебном наряде и с тяжелым венцом из голубой стали, увенчанной крупным камнем горного хрусталя, был особенно величествен и красив. Красив той мужской красотой, которая возможна только вкупе с силой.

Да они были так же похожи как день и ночь. Ринемар не знал свою мать. Но ее портрет, который он нашел в той же северной башне, куда велела его убрать нынешняя королева мать, был настолько красноречив, что сомнений не оставалось, порода у него материнская. Королева Левиния, уроженка юга, была непривычна и чужда этой земле. Черноволоса, слишком худа и смугла, и в то же время притягательна, как дикая кошка. Стоит ли осуждать местный люд в том, что они и на миг не удивились, когда ее ни с того ни с сего, свалила с ног лихорадка. И даже лучшие лекари разводили руками, утверждая что это то обычная

простуда, которой слабое, непривычное к северным холодам, тело королевы противиться не может. То сглаз, то проклятье. Но не прошло и недели, как мать двухлетнего Ринемара ушла на суд богов. И в этом он тоже винил мачеху. Правду ли шептали слуги и придворные по углам, когда говорили, что причиной смерти была тогдашняя фаворитка Тигивара. Или возможно так было легче, винить хоть кого-то. Духи знают. Но ему не говорят. А жаль. Свои обиды он еще мог простить. Но вот смерть матери... не потому ли они молчали, когда он спрашивал?

Ринемар мотнул головой.

Не о том он сейчас думал.

Тегдард.

Король Смелендера. Истинный правитель... правда он не знал, что не такой он уж и истинный. Но этого Ринемар ему не скажет. Просто потому, что не посмеет противиться воле покойного отца.

Ринемар прижался лбом к заиндевелому стеклу. Стало легче. Мысли метавшиеся всю эту ночь, приобрели ясность и кое-как упорядочились. Но эта дробь...

— Прекрати. — тихо и спокойно сказал он и пальцы брата замерли. — Можно подумать, что тебя на казнь сегодня ведут, а не в Храм.

— Легко тебе говорить. Это не тебя женят на совершенно незнакомой девице.

Ринемар улыбнулся своему отражению.

— Надеюсь, у тебя хватит ума и чувства такта, чтобы не назвать Вернарскую принцессу девицей.

— Совсем меня за идиота держишь?

Нет, Ринемар не держал его за идиота. Но вот уравновешенным и хладнокровным короля Смелендера назвать он не мог никак. Казалось, что в жилах короля северных земель течет жидкий огонь, такой чуждый холодному и спокойному краю. От того и был он вспыльчив и горяч. От того и восхищались им придворный щеголи, а молодые дамы вздыхали ему в след. А его, Ринемара, побаивались. Не раз замечал он этот страх. По его мнению, совершенно не оправданный. Потому и спускался со своей башни к этой вечно суетящейся своре крайне редко. И сегодня вот один из таких случаев, когда отсидеться в тишине и холоде северных его покоев, не получится.

— Сам понимаешь, что мы получим гораздо больше, чем Вернария от этого союза.

Тегдард кивнул.

Понимает.

Не зря Ринемар столько времени втолковывал ему, чем выгоден этот союз. И что за это придется заплатить некоторым количеством оружия из их поющей стали и обещаниями военной помощи в случае чего, это мелочи. Торговые пути, снижение пошлин... и еще... Еще кое что, чего Ринемар не сказал королю. Это была не его тайна. Это тайна самого этого королевства, доверенная ему, тогда еще наследному принцу его бабушкой, королевой Редвеллой.

Потому он не сказал ничего. Промолчал о том, что шептали ему духи этих земель темными ночами, когда на небо поднималась тяжелая сочная полная луна.

Если все станет так, как они говорят, то он и сам обо всем узнает. Если обманули... Важно ли тогда это?

Молчал он еще и потому, что не уверен был в том, что шепот, шелестящий ночами сухой

листой, не был плодом его воображения. В одном он бы уверен и согласен с голосами тех, кто жил веками в этих землях до него, королевству нужна королева. Нужны наследники.

— А если она страшна, как каменный тролль.

Ринемар вздохнул, вырванный из своих беспокойных мыслей:

— Даже если это так, как король ты просто обязан хотя бы зачать наследника. А потом... Стая твоих фавориток, думаю, помогут тебе залечить твои душевные раны.

Если бы Тегдард не бы так увлечен своими душевными терзаниями, то услышал бы с какой насмешкой, или даже брезгливостью, сказал это его родной, пусть только и по отцу, брат. Ему в отличие от этого нелюдимого странного юноши, были не чужды плотские утехы. Его натура требовала женского тепла. И он никогда не понимал Ринемара, всегда обходительного, неизменно учтивого, но холодного, как снега, которые никогда не покидали вершины, обступивших его королевство, гор.

И все же Тегдард ценил брата. За острый живой ум, за его способность рассуждать здраво, сохраняя холодность и трезвость. Что никогда не удавалось коронованному королю. Что говорить, если бы не брат, Тегдард, уже ввязался бы в войну с Деккарией, единственной страной, которая находилась еще севернее Смелендера. Это сейчас он понимает, что был слишком резок, отвергая предложение династического союза с соседями. И если бы не Ринемар, неизвестно чем бы это могло закончиться. А ведь Тегдард так и не выяснил, чего стоило брату замять этот конфликт. Главное, что все заслуги, которыми должен был бы хвастаться принц, присвоили ему. Иногда король Смелендера даже удивлялся тому, как спокойно и невозмутимо Ринемар относился к такой несправедливости.

Именно в благодарность за все его старания и заслуги в совете, Тегдард решил уступить, прислушаться к доводам брата. Признаться, он в свои годы был совершенно не готов к тому, что вместе с короной на него свалиться такая ответственности столько забот.

Вот если бы не постоянно ворчащая матушка, которая говорила, что слишком уж много воли он дал безродному бастарду шлюхи-южанки, то Тегдард давно бы уже переложил бремя управления государством на эти щуплые плечи.

Хотя Тегдард и знал, что они только с виду были щуплыми. Только с виду его старший брат был слаб и непривычно худ. А ведь, несмотря на свою худобу, не раз Ринемар заставлял попотеть его на тренировочном поле, орудуя своей рапирой, как хорошая мастерица иглой.

Тегдард нервно прошелся пальцами по столешнице и тут же снова замер, стоило Темному Принцу развернуться от окна.

Да, при дворе его звали не иначе как темный Принц, и не только потому, что был он черняв и смугл, а и потому что в одежде всегда отдавал предпочтения тонам темным, а часто просто черным. Но еще наверно потому, что веяло от него темной силой за версту. Правда, говорили они за глаза и совсем тихо. Что говорить, когда он впивался своими черными глазами в Тегдарда, то и у него пробегали холодные мурашки по спине. Хоть были они оба магией темной наделены. И хоть король, как маг был силен, а брат его силы не показывал, что-то говорило ему, инстинкт хищника, который всегда позволял выделять сильнейшего, что не стоит ему по настоящему тягаться с родным братом.

— Дракон. — коротко бросил Ринемар и сложил руки на груди.

Тегдард поморщился. Не хотелось ему, такому молодому связывать себя с женщиной. Будь она принцесса или любая из его фавориток. И если бы не слово, которое вытребовал из него Ринемар, то плюнул бы на все и умчался на охоту высоко в горы.

Охоту он любил. Как и женщин. Но радостен был азарт. Одинаков, как и в охоте, за быстрой дичью, так добиваясь строптивой леди...

Мда.

Правду говорит брат. Главное наследник. А там все снова будет как прежде.

Седмелен, столица Смелендара встретила нас настоящей зимней погодой. Завывающим и свистящим между домами ветром и мелким крошевом снега. От того, покидающие Вернарию придворные, которые ловили еще теплые осенние солнечные лучи, сейчас кутались в свои плащи и дрожали от холода. Особенно колюч и резок был этот холод после обволакивающего драконьего тепла. Я еще раз обернулась на этого огромного величественного зверя. Сегодня я впервые летела на драконе. Особенно на таком прекрасном. Будто отлитом из золота, с крыльями размером с которыми не сравниться даже парус самого большого королевского корабля. И эти глаза. Желтые глаза хищника с тонкими вертикальными зрачками, заглядывающие в самую душу. И потому кажется, что душа эта грязная, темная.

Потому я с резко отвернулась. И даже зажмурилась. Отмахнулась от щемящего чувства сдавившего грудь.

Тилайна фыркнула, отдуваясь от снега и поморщилась.

— Хорошо, что мастер, позаботился о том, чтобы мы не дрожали, как эта свора придворных шавок.

Не спорю. Это было хорошо. Тонкие на вид плащи из шкуры северного райха, хищника сильного выносливого и способного спокойно пережить даже самые лютые морозы, надежно укрывала нас от ветра и мороза.

— А она молодец. — шепнула Лайна и я украдкой взглянула на ту, что уже совсем скоро должна стать королевой.

Хороша. От вчерашней истерики не осталось и следа. Собрана, высокомерна, холодна, под стать здешнему краю. Грело мою душу и то, что был в том и моя заслуга. Не зря в эту ночь я почти не сомкнула глаз, готовя ей зелье. Правда, приняла она его с опаской, даже настороженно. И возможно, только то, что была я протеже лорда Наахара, удержало принцессу от того, чтобы не выплеснуть мне мое же варево в лицо. Но результат удивил даже меня. Не осталось отеков на лице прорывавшей пол ночи Сельвинды, и спокойна она была по большей части благодаря составу моего зелья.

Свадебное платье шили по эскизу самой принцессы. Было оно насыщенного синего цвета, подчеркивало точенную ее фигурку, расшито алмазами и сапфирами и отделано горностаем. От того казалась она прекрасным духом. А бледность ее лица только увеличивала сходство.

Жаль, что нельзя было опоить моим зельем придворных дам, готовых каждую минуту хлопнуться в спасительный обморок, и натянутых как тетива стражников.

Кстати Тимилу таки отдали должность в охране Вернарской принцессы. Правда, король настоятельно рекомендовал хорошо подумать и не спешить с помолвкой, что можно было расценить, как то что Его Величество сей брак не одобрит. И сейчас молодой граф с важным видом шагал рядом с принцессой, настороженно оглядываясь по сторонам.

Так длинной шеренгой, под восторженные оглушительные крики толпы мы потянулись к Храму. Дорогу угадать было не сложно, так как жители столицы протянулись сплошной стеной по обе стороны, сдерживаемые только местными стражниками.

Я могла бы спорить на единственное, что у меня было своего, на свою душу, что

Сельминда была недовольна тем, что встретил нас простой приказчик, а не ее будущий муж. Но на то она и особа королевских кровей, чтобы уметь держать лицо, во чтобы то ни стало. И только напряженная сверх меры спина выдавала, чего ей это стоило.

Идти оказалось недолго. И уже спустя десять минут мы стояли у главного Смелендерского Храма Всех Богов.

Выложенные толи изо льда, толи из ослепительно белого камня ступеньки вели вверх. Были они слишком узкими для того, чтобы стражи могли обступить ее Высочество со всех сторон, как того требовалось, потому разделились они по двое и плечом к плечу поднимались к Храму постоянно озираясь.

Наверное, всем им было не по себе.

Особенно, когда перед нами вырос огромный, касающийся шпильями облаков, Храм. Я не знаю, в честь каких богов он был построен, но от величия и красоты этого, словно высеченного изо льда строения перехватывало дух. И стоило мне переступить порог и войти внутрь, как я совсем забыла как дышать.

Своды его были так высоки, что я сама себе казалась такой маленькой и незначительной, более того мелкой. Вдоль стен в нишах в окружении толстых восковых свечей, стояли статуи богов. Рука мастера, который ваял великих, смогла передать и неземную их красоту, и величие. От того, казалось, что провожают они надменным насмешливым взглядом низших, слабых, суетливых и несомненно порочных детей своих. И меня, приученную никогда не терять самообладания, пробирал мороз, от которого не защищал даже подаренный мастером плащ. Как ни странно, но воспоминание о наставнике привело меня в чувство и я мысленно встрепенувшись, принялась изучать тех, кто прибыл сегодня засвидетельствовать этот династический союз.

Были это в большинстве своем смелендерцы. На миг мне даже показалось, что снова я вернулась на бал Праздника Осенних ночей, до того были похожи они на нашу вернарскую знать. Разве что одеяния их были в голубых, стальных и синих тонах. Выделялись только послы Деккарии, не изменившие себе в праздничном золоте в одеждах, да Иллирии, державшиеся особняком. И черный, никак не вписывающийся в общую картину силуэт рядом с королем.

И будь он не так близко к жениху и королю, я бы подумала, что здесь он появился совершенно случайно и по недоразумению. Но нет. Стоял справа от короля и алтаря и так же не сводил внимательного взгляда с нашей пестрой толпы. И от этого взгляда хотелось спрятаться. Я едва смогла удержаться, когда он остановился на мне и передернуть плечами. Веяло от этого человека, чем-то темным и холодным. и вот странно, притягательным. Похоже, был это Темный принц, о котором рассказывал мастер.

О нем говорили Вернарии многое и ничего хорошего и верить. Был он интересен гораздо больше потому, что неизвестно о Темном принце было практически ничего.

И стоило мне поймать этот темный, как самая глубокая бездна взгляд, как ноги против воли ослабли. И только чтобы не выказывать смятения, я буквально заставила себя улыбнуться. Пусть считают меня легкомысленной. Все же лучше чем испуганной. И похоже получилось, потому, как на лице этого холодного жуткого человека мелькнуло недоумение и он тут же отвел глаза.

Вот теперь я могла спокойно разглядеть короля Смелендера.

Хорош.

Как все северяне светловолос и светлоглаз. И белый костюм его только добавлял ему величия. Кажись, сними с него этот венец и поставь среди этой толпы, и там легко будет выделить его как повелителя.

И этот открытый восхищенный взгляд, который он не своди со своей будущей королевы. Да, они будут красивой парой.

И вон как сияют его глаза, когда она поднимается на возвышение и становится подле своего будущего супруга. С каким трепетом он принимает в свою огромную руку ее маленькую ладошку.

Демон! А ведь я завидую. Завидую королеве, которая несомненно зря устраивала истерики. Которая если будет достаточно умна, станет счастливой женщиной. Возле такого мужчины это не сложно. Будет женой сильного правителя и возможно соправительницей одного из сильнейших государств.

Между тем храмовник завел свою отрепетированную речь. Голос его был сильный зычный и отражался от сводов, многократно усиленный.

Раньше мне не доводилось бывать на свадьбе.

Я даже заслушалась, когда храмовник призывал молодоженов к согласию, жену к послушанию, а мужа оберегать вверенную ему богами женщину.

Кто-то расчувствовался и всхлипнул и я тут же нашла кто. Судя по всему это была Королева-мать. Вторая жена Тигивара Смелендерского, Невиая. Многие рассказывали о том, как бывшая королевская любовница, получила трон и права королевы. И сейчас, глядя на эту женщину, я склонна была верить в это.

Была она хоть уже и не молода, но красива. И даже не смотря на давние беременности, от которых талия ее раздалась и даже туго затянутый корсет это спрятать был не способен. Ее несколько портило то обилие белил, что пытались скрыть толи плохой цвет лица, толи морщины.

А еще ее взгляд.

Как бы ни старалась она показать себя нежной ранимой ланью, что-то нет-нет да и проскальзывало в ее синих глазах. Она оценивала невестку. Пыталась понять, что ждать от нее. И еще, стоило ей взглянуть на фигуру брата короля Ринемара, как ее не молодое, но еще красивое лицо искажала ненависть, с которой совладать женщина была не способна.

Я так засмотрелась на королеву Невию, что не заметила, как храмовник закончил свою речь и громкое «Да!» королевской четы было несколько неожиданным.

Толпа придворных разразилась криками, аплодисментами и поздравлениями. Под своды храма ало нестройное «Да здравствует королева Сельминда!». Пожелания долгих лет счастливой жизни и несомненно сильных и здоровых наследников. Король же в свою очередь говорил о том, что этот союз принесет не только радость ему лично, но прочную долговую дружбу между двумя королевствами.

Все это я уже слушала в пол уха. Тилайна уже растворилась в толпе прислуги и несомненно зря времени не теряла. Уже завтра я буду знать гораздо больше. Но истинно женское любопытство, которое мастер всегда поощрял, не давало покоя. Больше всего я хотела узнать о Ринемаре и вдовствующей Королеве Невиае. Интуиция подсказывала, что именно их следует остерегаться и всегда быть настороже. Хотя мне не привыкать.

А вот королевский дворец не впечатлил.

Был он суровый и холодный, как и сам Смелендер. Двор, встретивший нас расчищенными от снега дорожками и раскоряченными голыми деревьями.

А сам дворец... здесь не наблюдалось присущей вернарцам любви к роскоши. Стены из серого камня, окна стеклянные простым стеклом. Отсутствовали витражи и золото в отделке. И все было основательное, громоздкое и тяжелое. На что не натыкался взгляд, будь то люстра или стул, все было грубым и массивным. Лет сто назад в Вернарии тоже была мода на изделия подобного стиля. Но благо, канул лету.

Тронный зал оказался на удивление светлым и просторным. И здесь же были накрыты длинные столы во главе которых на возвышении и находились собственно огромный трон короля и чуть поменьше королевы.

Стол заставлен таким количеством яств, что можно было накормить не только знать но и всю столицу. А по углам стояли слуги, с черпаками и кувшинами в руках, готовые разносить традиционный смелендерский мед, илларийское вино или вир вышибающий слезу.

Похоже вечер обещал быть интересным. Услышишь больше сплетен и слухов, чем за с подвыпившими мужчинами.

Я усмехнулась. дождалась, пока его величество произнесет полагающуюся речь и объявит согласно обычаю новую жену полноправной хозяйкой в доме. Наконец он подал знак и слуги разнесли кубки с напитками, которые полагалось пригубить, в честь духов дома. Я совсем немного. Мед мне не понравился. Слишком сладкий. Даже вязкий. Не остальные вернарцы с радостью и удовольствием прикладывались к кубкам. И уже скоро захмелели. В отличие от смелендерцев, что были крепче и привычнее к необычному питью.

Потом был пир, шумный и развязный. За короля и королеву поднимали чашу за чашей, пели менестрели и прыгали шуты. Потом гремела музыка и придворные плясали какие-то не знакомые танцы. Несколько дикие, но от того не менее красивые. Невиая расцеловала невестку в обе щеки и сказала, что рада обрести дочь взамен двум, которых забрали боги. А Ринемар подарил дивной красоты кольцо, которое король тут же одел на королеву, не позволив брату приблизиться к жене. Сам же одел и родовую корону из поющей стали. Точно такую же, как была на его челе, разве что размером поменьше.

А Сельвинда кормила и поила Тегдарда со своих рук в знак покорности жены.

Король улыбался и не сводил глаз со своей королевы и она улыбалась в ответ. Правда, была она несколько бледна, но это легко было списать на обычное волнение перед первой брачной ночью.

Пир не закончился, когда короля и королеву проводили на брачное ложе. Но я уже не вернулась в пиршественный зал. Там уже не было места женщине. Женщине не стоит испытывать судьбу, оставаясь среди пьяных мужчин.

Потому я спросила дорогу у привратника и тот проводил меня до моих покоев, которые были в том же крыле, что и покои королевы.

И каково же было мое разочарование, когда Тилайны здесь не оказалось. И даже когда я сама переделась, и выпила пару бокалов крепкого вина, она не пришла.

И я сама не заметила как уснула, как была сидя в кресле у пышущего жаром камина.

Ринемар не спеша поднимался по винтовой лестнице в свои покои.

Как ни хотелось ему пуститься бегом и оказаться в привычном холоде и покое своей башни, он медлил. Или просто устал. Нет. Что врать самому себе. Он не хотел снова их слушать.

Вспоминая о свадьбе, Черный принц поморщился. Как хотелось ему плюнуть на приличия и сбежать пораньше. Но нет.

Ладно свои придворные, уже привыкшие к странностям своего принца, не удивились бы его уходу. Что говорить, они бы и не заметили, даже не явись он в Храм на бракосочетание. А если заметили, то только вздохнули с облегчением.

Но вот свита королевы... Демоновы условности и приличия. А ведь эти разряженные и напомаженные выскочки считают себя выше и лучше смелендерцев. Как морщились прекрасные носики фрейлин королевы, когда они думали, что на них никто не смотрит. С каким пренебрежением смотрели лорды, удостоившиеся чести охранять и сопровождать свою принцессу...

Ринемар скрипнул зубами и остановился у узкой бойницы.

Морозный ветер тут же лизнул его разгоряченную кожу и дышать стало легче.

Между темными снеговыми тучами скользнула полная луна и снова исчезла. Сегодня они снова придут. Они снова будут говорить с ним. Что ж. Ринемар сделал все что они просили. Они получили свою королеву. Потому больше он не должен ничего. Совсем скоро он уйдет. Туда где не будет этих надушенных индюков и давящих комнатушек. Туда где ему будет спокойно, где ветер срывает вьюгу со снежных шапок.

Там ему будут рады. Там его место. На мгновение показалось, что он снова там. В горах среди простора и соседями его будут только духи и кузнецы глубоко в чреве гор.

— Повелитель.

Ринемар стряхнул с себя наваждение и повернулся в сторону говорящей.

— Да, Нора.

Бестелесный дух, склонился в низком реверансе. Это порой удивляло принца. Казалось бы после смерти, леди могла бы уже отбросить эти условности и вести себя более развязно. Но нет же. Она неизменно вела себя как придворная дама, соблюдая все правила приличия и этикета. А ведь она уже даже не помнит своего лица. Оно практически утратило четкость и стало похожим на карнавальную маску.

Леди Норвинга, когда-то была придворной фрейлиной у какой-то из его прабабок. Это было так давно, что никто уже даже не может вспомнить ни род к которому она принадлежала, ни то что с ней стало. Ринемар однажды пробовал узнать у нее, но она упорно молчала, а приказывать он не хотел. Слишком мало тех кто признавал его за достойного правителя и он ценил тех немногих. Пусть даже это был только призрак

— Повелитель, там девушка. Она рыскала в башне и я взяла на себя смелость ее задержать.

Ринемар даже опешил от такой новости. Не иначе девушка была не из местных. Те кто жил при дворе знали, кому принадлежит северная башня. Знали и боялись. Никто не смеет связываться с теми кто наделен темным даром.

Подстегнутый интересом Темный принц взлетел по оставшимся ступеням и открыл дверь. Нора влетела следом. Сказать правду, он даже не поверил, что такое вообще возможно. В его башне...

И правда. В глубоком кресле сидела сжавшись и обняв себя за плечи девушка лет двадцати.

Не придворная. Ринемар бы запомнил. Служанка? Или того хуже шпионка?

— Кто? — спросил Ринемар закрывая окна. Теплее в комнате не стало, разве не гуляли больше сквозняки.

Девушка встрепенулась. Вскочила с места и едва не упала. Но тут же уцепилась за край столешницы и выровнялась. Она дрожала всем телом, толи от холода, толи от близости Норы. Скорее от холода. Это ему морозный воздух был в радость, а люди... вон как посинели губы, как дрожит подбородок и выбивают дробь зубы.

— Т-т-тилайна. — пролепетала она и звонко цокнула зубами.

Ринемар не сводил с нее внимательного взгляда, ожидая продолжения.

— Я с-с-служанка леди Миелисандры де Роад. — сказала она и хлюпнула носом.

Миелисандра де Роад. Ах да. Рыженькая девица, с зелеными глазами и светлой улыбкой. Ринемар задумчиво почесал подбородок и налил два бокала тягучего сладкого меда. Странная эта леди. Обычно, стоит кому заглянуть ему в глаза, люди пугаются, отводят взгляд. А эта... он вспомнил, с каким восторгом и трепетом девушка разглядывала Храм. И ее улыбка. Такая светлая.

— И зачем ты здесь Тилайна? — сказал он протянув ей бокал.

Она озадачено посмотрела на бокал в его руке, но все же приняла. Настороженно принюхалась и только после сделала небольшой глоток.

Принц не торопил ее.

— Я заблудилась. — наконец ответила

Какое глупое оправдание. Но вон глаза блестят от слез, губа дрожит, а сама того и гляди лишиться чувств.

Ринемар поморщился. Никогда он не любил этих дамских штучек.

— И как давно ты здесь заблудилась.

Девушка пожалала плечами.

— Час может два. Я ходила искать грелку для леди. У вас тут жуть как холодно. А она не привычная. Больно нежная. Того и гляди простынет и к богам отправится. Что я тогда ее матушке скажу? А моя маменька... она же с меня шкуру сдерет живьем, когда узнает, что не уберегла ее любимицу. Нет, Вы господин не думайте, что я на маменьку злюсь. Нет. Леди Миелисандра ж из благородных. Да сестра мне молочная считай. Сама себе не прощу если с ней что случится...

Девица тараторила быстро и громко. Видать чтобы не сбиться с мысли. И от ее голоса у Ринемара начала болеть голова.

— Хорошо. — оборвал он ее на полуслове. — Нора, проводи Тилайну на кухню за грелками.

Нора кивнула. Она все сделает. Отведет и проследит и доложит обо всем.

— Ой спасибочки лорд. Вы уж простите меня неразумную...

— Да-да. Ступай.

Голова болела все сильнее и девица раздражала. Совсем скоро они придут и снова будут

говорить. А завтра у него будет опять болеть голова...

Дверь хлопнула. Слава духам. Странно все же. И девица и служанка ее.

Хотя какая разница ему. Совсем скоро он уйдет отсюда. А девицы и не девицы будут уже проблемой Тегдарда.

Ринемар опустился на кровать и в том же миг в голове, будто что-то разорвалось. Он глухо застонал и повалился на подушки. Сотни иголок впились в глаза и он ослеп, горло обожгло тем холодом, от которого люди умирают за считанные мгновения.

«Так не должно было быть.» — пронеслось в его голове и даже мысль причинила нестерпимую боль.

«Ты...»

«Врал...»

«Нет...»

«Королевы...»

«Не та...»

«Не та королева!!!»

Духи гремели, визжали и стонали сотней голосов, разрывая мир вокруг и внутри Темного принца Смелендера. Его тело корчилось в судорогах. Стылый воздух, казался раскаленным и даже те малые глотки доставляли столько боли, что хотелось кричать в голос.

Не может быть. Они сами сказали, что она едет в Смелендер. Они видели ее.

«Найди ее...»

«Она здесь...»

«Но не та!»

Она здесь. Только что теперь с того? Будь она теперь трижды королевой, как объяснить королю Вернарии, что его дочь не та, что нужна Смелендеру? Это же все равно, что объявить войну. Да и Тегдард. Он же смотрел на свою королеву, как кот на сметану. Что же делать?

«НАЙДИ!!!»

Завизжало в голове с новой силой и Ринемар все же зарычал в ответ.

— Найду. Только обещайте меня оставить потом в покое.

«Оставим...»

«Когда найдешь...»

«Когда напоишь Источники кровью короля и королевы...»

И боль отступила. Отхлынула, как волна, оставив поле себя слабость и не ровно бьющееся сердце.

Как он ошибся? Как так вышло? Как теперь исправить все? Ведь духи не успокоятся, пока не получат ту, которую хотят видеть королевой.

Правду говорит брат. Главное наследник. А там все снова будет как прежде.

Снова этот сон.

Тот же парк придуманный мной так давно, что я уже и не помню, когда это было.

Сладкий запах цветущих абрикос, щекочет ноздри. Хорошо-то как. Даже несмотря на желтое блюдце полной луны, повиснувшей на тонких ветках, обряженных в белое, деревьев. На пустынную, которая не присуща этому месту. По крайней мере в моих фантазиях.

Некстати пришла мысль, что в своем замке я обязательно разобью такой же сад. С абрикосами и мраморными скамейками.

Я опустила на одну из скамей и прикрыла глаза. Сон был так реален, что я даже чувствовала холод камня.

Странно. Обычно полная луна приводила меня в холодные темные бараки к умирающей матери.

От этой мысли стало не по себе и очарование весенней ночи развеялось.

— Здравствуй. Рада тебя видеть.

Голос той, что говорила со мной, был тих и в то же время напоминал мелодию флейты. Он как нельзя лучше вписывался в общую картину, нарисованную моим воображением.

Я не стала скрывать своего интереса, разглядывая ее.

Невысокая, тоненькая и такая воздушная, что казалось ее способен унести малейший порыв ветра. С длинными вьющимися рыжими волосами и зелеными колдовскими глазами. Миг и вот она сидит рядом.

— Не узнала. Жаль. — и разочарование тенью пробежало по ее идеальному лицу. — Не думала, что ты так легко меня забудешь. Наверное, я давно уже по ту сторону.

Она не спрашивала, а утверждала. Словно ни что не может быть тайной для нее в этом чудном месте.

Я почувствовала, как от неожиданной догадки по коже прошелся мороз, а в горле встал ком. И уже не лепестки абрикосового цвета разносит ветер, а холодные снежинки. Они ложатся ровным слоем на молодую зеленую траву и исчезает тот уют, та радость, наполнявшая душу еще мгновение назад.

— Главное, что ты пришла.

Я не хотела приходить. Это она, луна, привела меня сюда. Но почему-то говорить об этом было страшно. Хоть и была эта женщина родной по крови, но все же давно уже не человек.

— Шианна. Маленькая моя девочка. Ты боишься.

Показалось мне или она и вправду видела мой страх. И тонкая почти прозрачная фигурка сгорбилась рядом со мной. Сникла, будто не в силах держать бремя, возложенное на нее несправедливостью мира.

— Я не боюсь.

Достаточно ли я уверенно это говорила, или просто она хотела верить в мои слова. Но женщина распрямилась и впилась в меня своими зелеными глазами.

— Хорошо. Ты еще придешь?

«Нет!» — хотела сказать я. Если бы она знала, сколько лет я старалась забыть ее лицо. Сколько сил потратила. А ведь почти получилось. Потому и не сразу узнала.

Но я кивнула.

— Тогда до встречи. Еще не время.

И она растаяла. Растворилась в холодных лучах полной луны. Будто и небыло ее еще мгновение назад.

А меня вынесло, словно щепку прибоем, в покои Смелендерского королевского дворца.

Ничего. Это же просто сон. В следующий раз выпью зелье, позволяющее не видеть снов. И даже не буду мучиться угрызениями совести. Нет этой женщине места в моей жизни.

Ринемар тяжело опирался на подоконник и хватал ртом колючий морозный воздух. И в этот раз легче уже не становилось. Даже наоборот. Каждый вдох вымораживал последнее тепло и стягивал грудь острой колючей болью.

Так не должно было быть.

На скулах того, кого звали Тёмным принцем заходили желваки.

И кого винить?

Духов?

От этой мысли стало смешно. Кто он чтобы винить истинных хозяев этих земель? Он ведь даже не король. Хоть и шептали они, что ему место на троне. И только клятва скрепленная его же кровью, что не покинет он место которое Тегдард милостиво пожаловал ему по возвращению, пока не исполнит воли тех, кто приходил к нему с полной луной, не позволяла им причинить вред его брату.

Зря он тогда не остался.

Ведь там среди снегов не было места ни боли ни зависти, которая терзала его холодную темную душу.

И пусть не долог был бы его век, все ж не место там тому в жилах кого не стылый лед, но все же спокоен.

Ринемар глубоко вдохнул и закашлялся, сплевывая густую горячую кровь.

Луна мельчала. И больше не было власти у шептавших среди людей. И он был слаб.

Слаб как никогда раньше.

И это тревожило его. Не правильно это.

— Повелитель! — тихий голос Норы от которого поседел бы и закаленный в боях воин. Но был этот голос родным и желанным тому, кого она звала Повелителем.

Ринемар развернулся к той, что всегда берегла его покой. Той, что всегда была рядом. Приходила тогда, когда была ему нужна...

А ведь не первый год уже. Маленькому принцу было всего десять когда он впервые её увидел. И не нужна была ему та наука, которой отец обучал их с братом, втолковывая заклинания подчинения. Нора пришла сама. Преклонила колени поклялась душой своей служить ему пока сам не прогонит.

Ринемар помнил, как побелел лицом суровый воин, когда радостный мальчуган прибежал ему и восторженно поведал о своём первом настоящем приключении. Знал он, что не унималась мачеха, упрашивая мужа избавиться от нагулиша южанки. Непонятного и от того пугающего. Как нашептывала в уши короля, что опасен он. Для короля же и опасен.

Не избавился и на том спасибо. Но стал сторонится. Побавиваться. В нем то силы было мало. Не досталась она ему в той мере, что его покойному старшему брату. А ведь это он, Ринемар, унаследовал темную силу по крови передающуюся только королевским отпрыскам.

И только в законном браке. Почему же тогда отец так просто лишил его того, что по праву было его?

И не приходил покойный король, когда сын звал его, выводя углем знаки пентаграммы, когда поил ее своей кровью, когда отдавал силу, тягучую и липкую, как сама тьма. Не приходил. Хоть ни один из тех кого звал Темный принц не смел не подчиняться. Наоборот. Ластились, как кошки, ожидая милости. А он не приходил и после смерти избегал своего сына.

Темный принц отмахнулся от мыслей настолько тяжелых, что грозились они раздавить его и похоронить, накрыв каменной плитой в семейном склепе.

— Да! — на это короткое слово ушло слишком много сил и Ринемар тяжело опустился на каменный пол.

— Вам плохо. — не спрашивала, а утверждала.

— Ты принесла новости. — напомнил Тёмный принц.

Призрак молчал и её выцветшие глаза внимательно смотрели на того, кого она звала Повелителем. Её давно не бьющееся сердце болело. Не привыкла она видеть сильного повелителя теней таким. Но что она могла сделать? Ведь людей сковывает ужас, стоит ей появиться рядом.

— Все в порядке, Повелитель. — прошепестел призрак, чинно сплетая руки на полупрозрачном подоле. — Король развлекает свою королеву, а заодно и придворных. Сегодня только вернулись с охоты. Принесли тушу оленя и пару молодых кабанов. Королева мать к невестке добра и учтива.

И призрак пошел рябью. Слишком давно она в этом мире, где ей совсем не место. Того и гляди развеет ее порыв северного жестокого ветра. Но ничего. Он знает как дать ей сил. Вот только самому бы их где набраться.

Ринемар верил каждому слову Норвинги. Правда, видела она не все. Не могла почувствовать лживости улыбок и ядовитости сладких речей. Не дано это тому кто переступил порог, оставив человеческую жизнь позади. Но говорить этого не станет. Не хотел он обижать её.

Потому только кивнул.

Несмелый стук в дверь был так же неожидан, как гром среди ясного неба. Потому не сразу отозвался Ринемар. Казалось, что не может такого быть. Не бывает людей в этой башне, принадлежащей только ему. Нора скользнула сквозь стену и тут же вернулась.

— Леди Миелисандра де Род. — сказала она так тихо, что даже Ринемару показалось, что это просто сквозняк, вечно хозяйничающий в его покоях.

Стук повторился. Громче и уверенней.

Ведомый интересом Тёмный принц Смелендера поднялся и, шатаясь, подошёл к двери.

На широкой площадке стояла рыжеволосая девушка, которую Ринемар запомнил ещё в Храме.

Странно, но сейчас она не казалась ему красивой. Она дрожала, кутаясь в теплую пуховую шаль и топая обутыми в тряпичные туфельки ногами.

— Чем обязан? — несколько резко спросил Ринемар.

Девушка встrepенулась, как воробей и согнулась в низком реверансе.

— Ваше высочество.

— Леди Род, если не ошибаюсь.

Она поднялась и улыбнулась. Так светло и открыто, что в груди скованной льдом

потеплело. Треснул лед, тонкой коркой обнявший его сердце. И потому тёмный принц нахмурился. А улыбка, только что озарявшая это милое личико с россыпью веснушек, погасла. И от этого стало тоскливо.

Потому Ринемар постарался говорить мягче, чтобы не напугать девушку ещё больше.

— Чем обязан Вашему визиту?

Миелисандра де Роад вздернула острый подбородок и посмотрела прямо в глаза.

— Я хотела попросить прощения.

Ринемар снова нахмурился. На этот раз стараясь вспомнить за что следовало ему прощать эту девушку. Ах да... Это ведь её служанка была здесь в ту проклятую ночь. От воспоминания он помрачнел ещё больше. А ведь не стоит затягивать. Только силы почему-то восстанавливаются слишком долго. Точнее даже наоборот.

Леди де Роад настроение принца растолковала по-своему.

— Я хотела извиниться сразу же утром, но вы не спустились ни к обеду ни к ужину. И на следующий день. И потом... — девушка умолкла, опустив глаза, и тяжело вздохнула. — Вы не подумайте, она ведь не хотела ничего дурного. Да, Тилайна простовата, но верна и дорога мне. Мы с ней росли как сёстры.

Миелисандра закусил губу.

Наверное, Ринемар должен был что-то ответить. Но грудь снова сдавил спазм и он зашелся надрывным клекочущим кашлем.

— Вам плохо? Позвать лекаря?

Ринемар мотнул головой и ему показалось, что взгляд этой милой девушки стал жёстким, оценивающим. Как нож разрезающим его тело. Острой иглой впивающимся в его лицо. И так он не вязался с образом милой девочки, что темный принц подумал, что зрение его подводит. Сознание играет злую шутку. На ее щеках заходили желваки, будто она сама с собой боролась в этот момент.

— Как давно это с вами.

Ответить он не мог. Просто хватал воздух ртом и не мог вымолвить ни слова.

— Уже неделю. — сказала Нора и Ринемар подумал, что зря она это. Теперь ведь сбежит рыжеволосая красавица, оставив его умирать.

Но если бы он мог сейчас удивляться, то непременно бы так и сделал, увидев как она коротко кивнула призраку и подставив своё маленькое плечико довела его до кровати.

И только после этого начала деловито перебираться кубки и бутылки на столе. На мгновение она задержалась на кувшине из-под тягучего мёда. Понюхала. Потом лизнула. И кивнула каким-то своим мыслям.

Ринемар не мог оторвать от неё глаз. Как она быстрыми движениями снимает пояс, вынимает маленькую бутылочку и выливает в чистый бокал, точно отмеряя каждую каплю. Затем добавляет красного вина, которое Ринемар терпеть не мог, и размешивает пальцем.

Как садится рядом с ним на кровать. И, кажется, что от неё исходит тепло. Но оно не обжигает его, как то бывало, согревает. Ласкает.

— Вот. Выпейте это.

— Что это?

— Противоядие.

Значит ни при чем здесь духи...

Его просто банально отравили.

Норвинга тяжело вздохнула. Так как умеют вздыхать только неуспокоенные души. С чувством, с подвыванием, от которого разошелся иней по каменным стенам.

Это Ринемару было привычно, а вот Миелисандра передернула хрупкими плечиками и лицо побелело. И веснушки стали темными, почти черными.

И колыхнулось что-то в груди того, кого духи звали повелителем. Захотелось обнять это маленькое создание, согреть. Непривычное и не правильное было это чувство. Он моргнул, прогоняя наваждение.

Зеленые глаза смотрели прямо, уверенно и не было в них ни страха, присущего людскому роду, перед тем кто рожден служить тьме, ни раболепия. Интерес. И... сочувствие?

От возмущения Ринемар снова закашлялся, будто подавился им. Покосился на бокал в ее руке. Может ли быть, что от того только хуже ему будет? Может. Ведь ничего не знал он о этой странной девушке. И зачем юной леди разбираться в ядах и противоядиях?

— В наших лесах разное бывает. — будто отвечая на его невысказанный вопрос, сказала, нет пропела, она. — Ягоды недалеко там найти куда легче чем где бы то ни было.

Недалия...

— Но ведь она не ядовита. — прохрипел Ринемар.

— Это если две ягодки, и не больше. Леди настойку заказывают из нее, чтобы спать лучше. А вот, к примеру, пять-шесть свалят вечным сном и здорового воина. Бывало нам с матушкой приходилось выхаживать таких беспечных путников. Те, кто в наших лесах рожден, с пеленок знает, и обходят ее стороной. И кашель ваш, тоже от того. Вы пейте, странно, что от такого количества яда, вы еще не разговариваете с богами.

Это как раз и не странно... духи не отпустят его даже на тот свет.

Ринемар поднялся на локтях. Медленно, тяжело, как немощный старик, и сделал несколько глотков.

Вино было кислым, противным, что даже скулы свело. И привкус трав... странный привкус.

— До дна пейте. — командовала леди Роад. — Там точная доза противоядия.

И он покорно допил все до последней капли.

— Вот и хорошо. А теперь спите. Силы восстановить нужно. — она повернулась к Норе. — Вы сможете передать, чтобы его Высочеству приготовили бульон, лучше куриный.

Призрак кивнул.

— Тогда, прошу меня простить. Мне пора.

Она поднялась и расправила пышный подол зеленого своего платья.

Склонилась в глубоком реверансе.

— Поправляйтесь, Ваше Высочество.

И тихо беззвучно почти ушла.

А Ринемара накрыла теплая и спокойная темнота.

За окном бесновалась настоящая северная буря. Она гроыхала в окна, распластывалась на стекле снежными комьями. И выла голодным зверем, не способным дотянуться до такой желанной, но недоступной добычи. И от этого воя содрогались стены старинного родового замка Смелендерских королей.

— И где была? — спросила Лайна.

Нет, я знала, что ей это так же интересно, как и то, сколько побирушек накроет снеговым пологом нынешняя непогода. Но тишина становилась гнетущей. Давила на уши, не разгоняемая даже потрескиванием сухих дров в камине. И от этого становилось не по себе. Хотелось хоть сказать что, хоть спеть, чтобы слышать не завывания за окном, а, пусть и собственный, но человеческий голос.

— Исправляла промахи некоторых.

Тилайна напряглась. Но недовольства моими словами не выказала. Знала, что действительно провинилась.

Это хорошо. Слишком уж беспечно она вела себя последнее время. Это раньше можно было себе позволить ошибки, хоть и не такие значительные. Теперь же каждая из нас за любой проступок может заплатить кровью. Или скорее жизнью. И как знать, если даже удастся уйти от смелендерских дознавателей и тайной стражи, не будет ли гнев мастера страшней.

Она это понимала. Но ее самолюбие. Ведь даже в королевскую казну Вернарии, она входила и выходила, как в придорожный трактир.

Потому и влетела в мои покои злая и испуганная. Не способна совладать с эмоциями. В этом я ее винить не могу.

От воспоминания о призраке по коже прошел мороз.

Раньше мы все же имели дело с живыми людьми.

Но и к этому можно привыкнуть. Люди вообще способны привыкнуть к чему угодно. Хоть и доставит это некоторые сложности.

— И как? Успешно? — спросила она, нервно вертя кубок в руке.

— Даже лучше чем я ожидала.

— Расскажешь?

— Нет.

Не расскажу. Не потому, что не доверяю. Ладно, и не доверяю тоже. Доверие непозволительная роскошь для таких как я. Таких как мы. И она это понимает, потому и принимает все как должное.

— Скажу только, что сегодня у меня появился очень влиятельный должник.

— Даже так... — задумчиво протянула Тилайна. — Просто должник?

Может и не просто. Но тебе я об этом не скажу тоже. Все ж Темный принц слишком необычная личность, чтобы говорить что-то наверняка.

— Ты достала план потайных ходов? — перевела разговор я в более безопасное русло.

— Я могу и обидеться. Все же одна неудача, еще не означает, что я полная бездарь.

— Я ничего такого не говорила. Ты слишком остро реагируешь.

— Еще бы. Пострадала моя профессиональная гордость, между прочим. — сказала она

разворачивая на столике пожелтевший от времени лист. — Между прочим, ради этой бумажки мне пришлось спать с начальником тайной стражи. Хотя не скажу, что это было неприятно.

Я хмыкнула, склоняясь над планом.

Мда. Чтобы запомнить все эти завороты и переплетение нужно потратить не один час, а может и день.

— Обследовала?

— Частично. Сюда, — Тилайна ткнула пальцем в кружочек, который, видимо был неким помещением. — я попасть не могу. Кажется, там нужен ключ, как в лабораторию мастера.

Тому, что находилось это помещение как раз в северном крыле, я даже не удивилась.

— Как думаешь, что там?

— Что угодно. Судя по плану, находится оно глубоко под землей. Потому там может быть и лаборатория, и хранилище... Или вообще старый фамильный склеп. Склад старого никому ненужного хлама, в конце концов.

Я кивнула. Действительно. Но почему-то мне казалось, что там что-то важное.

— Нужно придумать, как туда попасть.

— Попробую. Но ничего не обещаю.

Я свернула карту и спрятала в тайник, сооруженный нами в первый же день по приезду. Там же хранились некоторые запасы зелья и инструменты Тилайны.

— Как ее Величество?

— За время твоего отсутствия ничего не изменилось. Купается в обожании своего короля. В данный момент празднуют удачную охоту.

Я поморщилась. Мне охота не понравилась совершенно.

Светило солнце, от того ослепительно белый снег искрился драгоценными камнями. Мороз немного ослаб. Ветер больше не пробирался под полы плаща.

Королевский двор в практически полном составе топтался у конюшен, стараясь выбрать лошадей получше, у кого их не было. Те же, у кого они были, проверяли подруги, кормили с рук сухарями и сахаром.

И вот выехали король и королева. Прекрасные, как молодые боги. Оба на белых лошадях. Тегдард в охотничьем костюме, подчеркивающим и рельеф мышц, и ширину плеч. Сельвинда в амазонке, второй кожей облекая стройные ноги и тонкий стан.

И всю дорогу, дворяне веселились, шутили, рассказывали разные истории. Охотничий азарт и возбуждение витали в воздухе.

Общему безумию не поддавалась только я и Тимил.

Он вообще последние дни был хмур и раздражителен. На днях даже подрался с кем-то из смелендерской знати. Отчасти я понимала причину его дурного настроения. Но сочувствия его душевные раны не вызывали. Смысл терзаться несбыточными мечтами? Этого мне понять было не дано.

А потом был лес, загонщики. Лай гончих. И первая жертва пала от стрелы его Величества. Огромный олень с рогами, которые легко было бы спутать с ветвями старого дуба.

И королева поздравляла его. А он говорил, что это его ей подарок.

И только мне наверное было жаль красавца. Вот так бывает. Мне уже давно не жаль

людей, а его было.

А после поднялась буря. Настоящая северная злая буря.

Кажется, в метели даже потерялось несколько человек. Я же старалась держаться ближе к Сельви. Мало ли что или кто, мог прятаться за этой сплошной белой стеной.

Но все обошлось.

Да и влюбленный в свою жену король, не отходил от нее ни на шаг.

— Думаешь, король действительно любит Сельминду?

— Да! Такие как он влюбляются восемь раз в неделю и каждый раз на всю жизнь. слуги уже делают ставки на то как скоро ему наскучит королева и двор взорвется сплетней о новой королевской фаворитке. Я ставлю не твою бывшую подружку. Кажется она вполне в его вкусе.

— А если в этот раз и правда король влюблен.

Тилайна рассмеялась. Звонко и громко.

— Сандра, мне казалось, что мастер сделал все, чтобы из наших голов выветрился этот романтический бред.

Я поморщилась.

— А жаль. Это бы несколько облегчило нашу работу.

— Возможно. Но я бы не сильно на это рассчитывала.

Да. Рассчитывать лучше исключительно на себя.

— Ты что-то еще узнала о королеве-матери?

— Нового ничего. Прислуга не очень хочет со мной откровенничать.

— Странно. Раньше у тебя таких проблем не было.

— Раньше у меня не было никаких проблем. А тут прям, как проклял кто. — фыркнула она.

Всякое может быть. Не испытай я на себе силу самого простого проклятья, может тоже сейчас веселилась.

— Мне кажется, что ее боятся не меньше Темного принца. — между тем продолжала она. — Может я, конечно, преувеличиваю... Эти двое ведут тихую войну между собой. И король об этом знает, но не вмешивается.

— А что ты разузнала о самом Темном принце?

Почему-то ответ на этот вопрос был для меня более важен. Перед глазами еще было измученное лицо его высочества Ринемара Смелендерского. в груди непривычно теплело, когда я снова и снова вспоминала взгляд темных глаз.

— Что тебе сказать, Сандра? — пожалала плечами Лайна. — Станный он. Маг. И судя по тому, что о нем говорят самый сильный из рожденных за последние пять веков. Но когда король Тигивар покинул сей мир, не стал отстаивать свои права на трон. Знать это обрадовало. Низы возмутило. И быть восстанию. Но он исчез. Говорят все это время наследный принц провел далеко в горах. А еще, что там он принял власть истинного короля. Не спрашивай что это значит. Никто толком не может объяснить. Что-то из Смелендерских легенд. Кажется, связано с источниками тьмы. Ты слышала о нем?

Я отрицательно мотнула головой.

— И я не могу понять... думаю этот сегодня ночью ты сможешь найти меня в библиотеке. кажется именно на это стоит обратить внимание. Возможно мне только кажется...

— А может и нет. — оборвала я ее. — Ладно, мне пора. Не хорошо будет если заметят

мое отсутствие.

— Угу. Повеселись там.

Я бросила скептический взгляд в ее сторону. На что Лайна только рассмеялась и помахала мне ручкой.

Что ж. улыбка на лицо. Немножко простоватый вид и восхищенный взгляд. И снова я леди Миелисандра де Роад, будущая герцогиня Роад.

Принц Ринемар поднимался по лестнице в кабинет начальника городской стражи. Доски под ногами скрипели и раздражали. Нужно будет сказать Перту Талку, чтобы заменил их.

Вообще немолодой начальник городской стражи нравился его высочеству. Бывший военный, повидавший много в своей жизни. Еще юнцом его занесло в войска Вернарии простым солдатом. Молодость и уверенность в том, что мужчины становятся мужественными на войне толкнула его искать удачи и богатства именно там. Но война это не слава и доблесть, а грязь и насилие. Это очень скоро отрезвило молодого Перта, но все же оставить войска он не мог. Так и получилось, что о Вернарско-Иллирийской войне он мог рассказать не с чужих слов. Хотя собственными воспоминаниями делился неохотно. Но после того как короли подписали мирный договор, и в наемных солдатах потребности уже не было, двадцатилетний Талк вернулся в Смелендер. К сожалению, он быстро понял, что в родной деревне ему не рады. Особенно после того, как иссякло золото в кошельках, привезенных с Иллирии. Да и многочисленная родня поглядывала на него, как на обузу. Потому Перт отправился в столицу. Там поступил а службу в городскую стражу. Сначала простым стражником, ходил по улицам, разгоняя попрошайек и мелких воришек. Но тогдашнее начальство быстро разглядело и усердие его и трудолюбивость. И вот уже лет десять он занимал место начальника городской стражи столицы королевства Смелендер.

Ринемару Перт Талк нравился. Не за усердие и профессионализм. А за то, что он не гнул спину перед королевскими особами. Относился с почтением, но не лебезил. И если и боялся Темного принца никогда этого не выказывал. А еще потому, что не говорил лишнего и умел хранить тайны. А общие тайны у начальника городской стражи и принца крови имелись. Такие, о которых если и говорили, то тихо и постоянно оглядываясь.

Ринемар толкнул тяжелую дубовую дверь и огонь настенных факелов дрогнул, толи от потревожившего его сквозняка, толи почувствовав присутствие того, в жилах кого текла темная сила. Но может, это просто его, Ринемара, фантазия разгулялась?

— Ваше Высочество! — Талк поклонился.

Был он невысокого роста, как все северяне широк в плечах и коренаст. Но сидячая работа уже дала о себе знать и под грубой кожаной курткой, подбитой овчинным мехом, легко угадывался живот. В его возрасте, когда голову уже покрывает шапка молочно-седых волос, это простительно.

— Рад видеть вас в добром здравии, господин Талк! — кивнул Ринемар. — Как ваши дела?

Он опустил на единственный в кабинете стул и откинулся на спинку. Стул же жалобно скрипнул, негодуя от такой небрежности. Но Риемар даже не поморщился. Ему нравилось здесь. И пусть некогда беленые стены давно просили новой штукатурки, а из окон продувало, как через решето. И пусть мебель была грубой работы и стол блестел не от лака, а от многолетнего шарканья по нему бумаги... Все же это место было ближе Ринемару. Кто знает, не уродись он принцем крови, может и искал бы удачи в службе городским стражником. Или воинском деле. Ему всегда нравились люди военные.

И даже этот человек, старательный, хоть и грубоватый, но добрый. Не смотря на то, что

уже не молод и несколько обрюзг, а выправка по военному ровная. И в одежде порядок.

На нем же и остановил свой взгляд Темный принц, будто ожидая ответа, на деле же думая о своем.

Талк пожал плечами.

— Как обычно, ваше высочество. Там убили, там ограбили... и все бы ничего, если бы не эти отчеты, да бумажки... Не по душе мне такая работа. Сколько лет уже к ней привыкнуть не могу. — Перт, брезгливо подцепил недописанный отчет, и отбросил его в сторону, как готовую ужалить змею.

Ринемар улыбнулся.

— Как я вас понимаю. Но все же надеюсь, что ваша занятость позволила уделить внимание моей просьбе.

Талк улыбнулся, открыто и по-доброму.

— Ваше высочество, мне ж оторваться от этой, — он снова покосился на стопки бумаг на столе, — писанины только в радость.

Он протянул список из нескольких имен. Их было десять. Они выстроились в кривоватый столбик и напротив каждого был список их преступлений.

— Их вина доказана?

Перт Талк состроил обиженную мину, что выглядела на его испещренном морщинами и старыми шрамами лице, одинаково нелепо и забавно.

— Я лично допрашивал каждого. И могу уверить вас, что каждое преступление доказано и признано обвиняемыми.

Ринемар кивнул.

— Тартея здесь?

Упоминание о старухе, которая числилась чуть не любимицей Темного принца, а потому имела власть в городе особенную, начальника городской стражи равнодушным не оставило. Ринемар знал, что не вызывает она добрых чувств у Талка, как знал и то, что будет терпеть и почитать ее, потому, как не пожелает вызвать недовольство Темного принца. Потому ответил, тщательно скрывая раздражение:

— В темнице она.

— Тогда и я спущусь. — Ринемар поднялся, остановив собравшегося его сопроводить Талка. — У вас много работы. И я прекрасно помню дорогу в подземелье. Спокойной вам ночи.

Ринемар вышел стремительно, уже не обращая внимания на слова начальника городской стражи, даже взметнулись полы его длинного черного плаща и слетел с головы широкий капюшон, в котором он привык прятать лицо. Он спешил.

Не потому, что боялся опоздать, а потому, что подгоняло его нетерпение.

Потому и прошагал мимо стражников даже не удостоив их кивка. Потому и влетел в провонявший прелой соломой и нечистотами коридор. И даже дыхание сбилось, когда наконец увидел ее.

— Тартея! — окликнул он ее по имени.

Женщина развернулась, и не было в этом движении старушечьей тяжести или неторопливости. Не знай, кто перед ним, Ринемар мог бы подумать, что молодая девушка, случайно заблудившаяся в этих подвалах. Но нет.

Вот она поворачивается и из-под такого же черного, как у него капюшона, выпадают

длинные цвета перемолотого перца, волосы. И видны глубокие морщины на бледном лице. И только черные глаза, обычные для таких, как она, горят азартом. Да улыбка, сверкает белоснежными зубами, с через чур длинными для человека острыми клыками.

Ринемар подскочил и сжал в объятьях старушку и та рассмеялась, захохотала, как молодая девица. И смех ее был, так неуместен в этом подвале. Но что ему, Темному принцу до того.

— Ну, все-все... — еще смеясь, начала выворачиваться из его объятий ведьма.

Ведьмой она и была. Правда, говорила однажды, что бабка ее с демоном спуталась, потому и клыки у нее и силы больше, чем у другой какой его рода.

— Ты совсем одичал, смотрю.

— Соскучился просто.

— По девкам скучать надо, а не по развалинам, таким как я. — проворчала Тартея. — Все же не безродный, а принц крови, а кровь такая, как у тебя редкость уже. О наследниках думать пора.

Ринемар улыбнулся. Вот всегда она так. Еще с тех пор, как вытащил ее почти что из костра храмовников, почуяв истинную силу в женщине. И притащил в замок. Отец еще смотрел на это как на блажь. Но промолчал. Тоже знал, что не проста.

Ринемар даже сам выхаживал ее. Избитую, ослабшую, с вывернутыми суставами... лучших лекарей к ней приставил. Да и заживало на ней, как на собаке. И уже через два месяца она за Ринемаром ходила. Оберегала. Рассказывала тайны, которые умерли еще с его прапрабабкой, а и того раньше. Она рассказала и о силах, что дают духи, и о богах, которых уже лет двести никто не помнит. И он слушал, как сказку. А еще научила многому. Тому, что отец звал запретной магией. И чувствовал себя Ринемар брошенным и никому ненужным, когда она уходила, не поясняя куда. И всегда радовался, когда возвращалась.

А возвращалась, стоило ему позвать. Хоть каждый раз терзали сомнения. Не верил, что отзовется, что придет.

Потому и в этот раз не был уверен.

А сейчас она нужна ему была, как никогда.

— Зачем звал.

Ринемар помрачнел, будто тень по лицу пробежала.

— Я... в общем я посадил на трон не ту.

Старуха охнула и всплеснула руками.

— Как? — выдохнула она, уставившись полными ужаса глазами на него.

— Молча! — буркнул он. И тут же затараторил, будто оправдываясь перед ведьмой. — Все сходилось. Они сами говорили, что я все правильно делаю. Но после свадьбы, оказалось, что на троне не та, которую они выбрали.

Она же только головой качала.

— Но она здесь... — толи спросила, толи сделала вывод Тартея.

Ринемар кивнул.

— И ты хочешь узнать кто она. — задумчиво протянула она, разглядывая что-то только ей видимое. — А что потом?

— Ничего. Потом я уйду в горы. Они обещали оставить меня.

Ведьма рассмеялась и резко умолкла.

— Ты как был ребенком, так и остался. Они не успокоятся, пока не будет все так, как задумали.

— Мне плевать. Я так решил. Все что от нас требуется — пробудить источники.

Остальное за ведьмами.

— Светлых совсем не осталось. Не то что говорить с источником некому, даже...

— Тартея, я уйду. И Смелендер станет головной болью моего брата.

Ведьма покачала головой, будто удивляясь или поражаясь его наивности.

— И что тебе от меня нужно?

— Я хочу знать кто она.

Ведьма задумалась и кивнула

— Есть такой ритуал. Потому мы здесь?

— Да. Выбери кого-нибудь из этого списка.

— Ты был так уверен, что я соглашусь? — спросила она, уже разворачивая бумагу.

— Я был уверен, что ты не останешься безразличной.

— Хитрец. — усмехнулась она. — Хорошо. Мне нужно подготовиться. Чтобы наверняка

все прошло как надо.

— Сколько тебе нужно времени?

— Недели две.

— Полнолуние уже завтра.

— Ты придумаешь что-то.

Обязательно придумает. И еще нужно подумать, как заставить их сдержать слово.

— Ступай, Рин, я здесь сама. Отдохни лучше, выглядишь не очень.

Она легко коснулась его щеки рукой и поцеловала.

— Ступай, мой мальчик.

— До встречи.

— Эй, разгильдяи, за что вам только деньги платят. Проведите меня. Страшно мне тут одной.

Ринемар усмехнулся. Он знал, что не так то просто испугать ту, которая каждый день имеет дело с темными силами. Ту, которая приходилась внучкой демону. И смотрел, как уходит по длинному коридору женщина, которая была ближе ему чем родные. И дороже, чем все они вместе взятые. Та, которая была всегда добра к нему, имея темную душу. И та, которая готова ради него на все.

И Ринемар вышел.

Наконец у него появилась хоть какая возможность узнать кто та, что должна стать королевой.

Я шла по темным переходам тайных ходов Смелендерского королевского дворца. Толи ими не пользовались, толи просто забыли о них, как ненужных, но выглядели они заброшенными.

С потолка свисала тяжелая от пыли паутина, а воздух был тяжелым и затхлым. Но до этого мне не было дела.

Мне нужно было место, из которого спокойно смогу переместиться в кабинет мастера. Чтобы никто не мешал. О том, что никто не хватится меня, позаботится Тилайна. Все ж женщиной быть в некотором роде удобно. В любой момент можно сослаться на женские недомогания и остаться в покое. Но мало ли кому взбрет в голову наведаться в комнату фрейлины королевы.

И потому я решила, что лучшего места, чем тайный ход мне не найти.

Привычно полоснув руку маленьким серебряным ножиком, я начертила знаки просто на стене, на которой было чуть не единственное кольцо для факела.

Камень казалось впитывает мою кровь. Как голодный зверь, не способный насытиться каплями, которые ему достались. На миг показалось, что он задышал, застонал, перебирая волосы на голове стылмым дыханием. А может это просто плод воображения и сквозняк. Как бы то ни было выяснять времени не было. Мастерне любит ждать.

В груди привычно екнуло, когда символы засветились синим, и я прошла сквозь стену.

Переместилась я в кабинет мастера.

От нахлынувшей слабости подкосились ноги и в глазах потемнело. Но и эта темнота была беспокойной. Кружилась и вертелась вокруг, готовая свалить меня с ног. Пришлось опереться о стену, чтобы не упасть.

— Миели, дорогая. — мастер взял меня под руку, пресекая неловкую попытку изобразить реверанс. — Обойдемся сегодня без соблюдения этого никому не нужного этикета.

С этим спорить было сложно. В большей степени потому, что соблюдать этикет я была просто не в состоянии.

Мастер налил в высокий бокал восстанавливающее зелье и поднес к моим губам, заставляя сделать несколько глотков.

Стало легче. По телу разлилось приятное тепло, возвращая силы.

Я огляделась по сторонам. Если и было место на этой земле, которое неизменно, то это этот кабинет. Сколько я себя помнила, здесь всегда были высокие шкафы с книгами. И даже расставлены они были в особом порядке, и для каждой книги было свое, неизменное место. Позолоченные канделябры, с толстыми восковыми свечами. Письменный стол, на котором всегда был идеальный порядок. Пара кресел и низкий столик, на котором в этот момент был накрыт ужин.

— Вот так то лучше. Ну что же, здравствуй, моя драгоценная.

Лорд Наахар был сегодня необычно весел. И еще более необычно возбужден, что просто бросалось в глаза, особенно тому, кто знает его не первый год. Но спрашивать о причине у меня не было ни сил, ни желания.

— Я рад тебя видеть, моя Миели.

— Это большая честь, мастер.

— Я приказал подать ужин нам с тобой. Ты голодна?

Вот попробуй сказать что нет? потому пришлось кивнуть, несмотря на то и дело подкатывавшую к горлу тошноту.

— Вот и хорошо.

Он снял крышки с больших серебряных блюд, на которых исходили соком огромные куски мяса. Как раз как я люблю, с кровью. Вот теперь я почувствовала, что действительно голодна. Рот мгновенно наполнился слюной.

Между тем, лорд Наахар наполнял кубки вином.

— Присаживайся, дорогая моя. — и я пересела ближе к столу. — За мою дорогию, девочку. — поднял он бокал и осушил его до дна.

Я же едва пригубила напиток. Что здесь вообще происходит?

— Итак, Миели, с чем пожаловала?

И я принялась рассказывать. Обо всем.

Коротко рассказала о свадьбе и свадебном пире. О том, что молодая королева влюблена в мужа, а он в нее. Что старуха королева мать, хоть и учтива с невесткой, но ввиду подслушанного разговора с ее личным ведьмаком, терпеть ее не может. Ведьмак, же личность странная, но королева его держит при себе в надежде удержать увядающую молодость. О темном принце Ринемаре, который кажется нелюдимым и замкнутым, но фактически является правителем Смелендера. Его голос является решающим в совете и он этим пользуется. В то время как Тегдард, как король не очень-то заботится об управлении собственными землями. Ему больше интересны охота и пиры. Да еще турниры. Кстати таковой назначен на послезавтра. О придворных, которые во многом походят на своего короля. Упомянула о Тимиле, который умудрился сыскать уважение даже у смелендерцев, подравшись с правой рукой короля и победив.

Мастер задумчиво вертел бокал в руках. Взгляд его блуждал по книжным полкам за моей спиной.

— Еще новости? — наконец спросил он.

Я вздохнула.

— И еще. Буквально сегодня утром королеву осматривал придворный лекарь, и заключил, что королева понесла. Собственно по этому поводу и объявили пир.

— Это все, что ты можешь рассказать о Сельминде? — его голос звучал глухо и жестко, что никак не вязалось с его недавним приподнятым настроением.

Честно, я даже растерялась.

— Да!

Лорд Наахар поставил кубок на стол и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Ты уверена?

— Да! Мы следим за принцессой... то есть королевой и днем и ночью. Я стараюсь сопровождать ее на прогулки и не спускать с нее глаз в обеденном зале...

— Понятно. — махнул рукой мастер прерывая мою речь, больно напоминавшую оправдание.

Он поднялся и подошел к окну. Тяжело оперся о подоконник.

— Миели, я надеюсь, что ты не утаила от меня ничего и еще больше надеюсь на то, что

не упустила ничего важного. Но если все что ты говоришь правда, то... — он оборвал сам себя и резко развернулся. — Следи. Что-то меня смущает в этом всем.

Я кивнула.

— А как дела в Вернари?

— Со дня вашего отъезда не многое изменилось. При дворе все так же. Если тебя интересует твое герцогство... — она меня интересовало в первую очередь. — то я позаботился о том, чтобы тебе достались богатые земли приносящие доход, а не развалины погрязшие в долгах, потому можешь не переживать.

— Спасибо, мастер.

— Не стоит. Это все же и в моих интересах...

В чем был его интерес, я спрашивать не стала. А строить догадки — только пугать саму себя.

— Как Тила? — спросил он толи из вежливости, толи от неловкой тишины, повисшей в комнате.

— Нормально. Мы натолкнулись на комнату, глубоко под землей, но увы попасть туда не можем ни яни она, что несколько удручает ее.

Глаза мастера вспыхнули, толи отражая пламя множества свечей, толи его личный внутренний огонь.

— И ты молчишь?

— Я не совсем уверена была, что она представляет хоть какую то важность... — растерялась я.

— Твое дело говорить обо всем, а что важно, а что нет решать мне.

— Да мастер.

— Сельминду, я так понимаю, туда не водили?

Я мотнула головой.

— Нет мастер. Мне кажется, там уже лет сто никого не было.

— Двести двадцать три.

— Что?

— Двести двадцать три. Ровно столько в Смелендере не было королевы.

— Но ведь это не так.

— Так. На трон Смелендера могут сесть только те, кого выберут духи этих земель. и если Сельми до сих пор не пролила кровь на алтарь, то это не она. Странно другое, почему ее не отослали? Или не избавились от нее?

Я не хотела думать о том, откуда мастеру все это известно. И все же решила доподлинно узнать истоки легенды о королях и королевах Смелендера.

— Может не хотят скандала? Или король просто не готов расстаться с возлюбленной? — предположила я, возвращаясь к теме разговора.

— Или король не король... Ладно, Миели, твоя задача все та же. Думаю тебе пора, все ж нам не нужно, чтобы кто-то заметил твое отсутствие. И... мне интересен Темный принц. Ты должна приблизиться к нему настолько, насколько это возможно.

— Это значит...

— Это значит, что он должен доверять тебе, моя милая девочка. И будешь ты его подругой, любовницей или затащишь его в Храм — это твое дело. Я хочу, чтобы ты имела влияние на него.

Он замолчал. Я же старалась побороть подступившую к горлу тошноту.

— И еще, Миели... мне кажется, что королева-мать Невиая Смелендерская, хотела бы все же, чтобы этот мир запомнил ее не древней развалиной, а вполне себе еще моложавой леди. Ты понимаешь, о чем я?

Конечно же, я понимала. Королева мать была опасна и непредсказуема. А такие люди не нравились никому. К тому же не блистала умом. Травить Темного принца... только столь недалекой особе это могло прийти в голову.

— Я так и знал, что ты умничка, моя Миели. Ступай. И будь осторожна.

Я поднялась и склонилась в реверансе. Слабость прошла и потому удалось мне это на диво легко. Но мастеру я уже была не интересна, он даже не ответил на мое «Всего доброго!» погрузившись в свои мысли.

И я тихо шурша юбками удалилась, унося с собой множество вопросов, но которые необходимо найти ответы.

Принц Ринемар корчился на простынях. В который раз они приходили. И каждый раз это было все болезненней.

«Ты...»

«Обещал...»

«Найти...»

«ее!»

Да он обещал и все делал для этого. Но поди узнай среди этих девиц ту, которая нужна. При том не имея и намека на то, какой она должна быть.

— Я ищу.

«Плохо...»

«Ищешь!»

Духи шипели, визжали и стонали, и этого не мог выдержать даже тот, кого они звали королем Смелендера. Они знали, что настоящая сила это они. У них власть над этим королевством. Они соль этой земли. А на место короля придет другой. А за ним еще и еще. И только они навсегда привязаны к этой земле. Настолько давно это случилось, что даже они не помнили когда. Не помнили, как это случилось. И только осталось осознание, что цель их, беречь окруженное горами королевство.

Возможно, они были первыми королями. А может магами, отдавшими свою жизнь, во благо королевства. Так оно скорее и было, потому какие сильные из них получились духи. Короткие обрывки, почти истертых воспоминаний, рисовали картины войн, битв и кровавых сражений. Тогда, когда мир еще был так молод, что не было в нем столько людей, зато была магия, много магии. Сила была разлита в воздухе, ею была напитана сама земля. И тогда, они еще могли приобретать форму людей или животных. Теперь же они только голоса. Шепот и стон, который и слышать то могут не все. И все же нет в этом мире созданий сильнее. Это они знали. А то, что являться не могут, поправимо. И они знали как.

Она здесь. Они чувствовали ее. Ее тепло, ее силу. Так близко. Как давно они не пили крови той, что призвана править Смелендером... как давно не просыпались источники, из которого они вышли.

И от того злились еще больше.

«Это она» — вздохнул тот, кто был самым молодым из духов. — «Я чувствую ее кровь.»

И правда, казалось весь замок вздохнул, вздрогнул, почуяв то же, что и духи. И они принялись, как гончие почуявшие след.

«Она пролила кровь»

Ринемар слышал их шепот. Понимал, что теперь они знают кто та, что призвана сесть на трон Смелендера. И потому боялся. Боялся, что они сочтут его не нужным, сами приведут ее к алтарю. И тогда не будут духи гор и долин слушать Темного принца. Сами решат кому место на троне. И он знал, что это будет он. Не сказать, чтобы он был против, но ценой этому будет жизнь Тегдарда, молодой королевы и их нерожденного ребенка. Нужен ли тогда ему будет этот трон, зная, что стоит он на костях единокровного брата? Ринемар знал ответ. Потому...

— Я приведу ее. Дайте время.

«Приведешь»

Это раньше они могли бы и сами обойтись. Теперь же...

«Сам приведешь...»

«И торопись»

Нет, они моли бы ждать еще долго. Ведь больше двухсот лет не поили их кровью королевы. Но терпение не было им ведомо. Особенно, когда она была так близко.

Полная луна скользнула за тучу, и в комнате повис крошечный мрак. Они смотрели на того, кого звали королем. На то, как он корчился и выворачивался, зажимая уши руками. Слушали его приглушенный, сдавленный и полный боли стон. А мог бы черпать их силу. Разделить власть, что принадлежала им уже много тысячелетий. Но он глуп. Слишком сильны в нем человеческие чувства.

«Пора» — сказал кто-то, имя и образ кого стерло время и духи единым организмом выдохнули: «Пора».

И растаяли, как и не было их. Исчезли, оставив по себе темноту и холод, который они приносили с вершин Смелендерских гор.

Королева лежала в окружении мягких, шитых золотом подушек. Уже третий день она чувствовала все радости беременности. Голова кружилась и то и дело к горлу подступала тошнота, потому она стонала и то и дело проклинала тот день, когда подпустила к своему телу его величество.

Зря она так. Все же материнство это радость для любой женщины. И многие были бы счастливы, оказаться на ее месте.

Я вздохнула, склоняясь над шитьем. В покоях королевы собрались все ее фрейлины и даже некоторые из свиты королевы матери. Они были гораздо старше и имели опыт счастливых беременностей и родов, потому считали своим долгом, поделиться с будущей матерью всеми премудростями и секретами женщин рожавших. От их трескотни у меня гудела голова, и я с остервенением ковыряла ткань иглой, забившись в дальний угол.

Сельминда же стойко терпела жужжащих, как потревоженный улей, придворных дам. И даже находила в себе силы кивать и поддерживать разговор.

Молодые же леди сидели на диванчике с рукоделием в руках. Но больше прислушивались к разговорам опытных леди, видимо перенимая опыт на будущее.

Король навещался редко. Ему была неприятна и слабость жены и кислый запах рвоты, который невозможно было выветрить из покоев. А еще то, что его красавица Сельминда за два дня стала похожа на тень. По углам уже шептались, что не за горами тот день, когда король обратит свое внимание на одну из придворных леди и при дворе появится новая фаворитка. А ставки достигли заоблачных высот. И уже не только челядь билась об заклад, а и приближенные короля. Не даром же, он так мило улыбался одной из фрейлин королевы на пире, на который сама Сельминда явиться не смогла.

Я же посчитала своим долгом узнать кто же была та самая леди. И совершенно не удивилось узнав, что это Бенерисса. Оставалось только поплодировать Тилайне, сразу предсказавшей такой исход дела. порой ее так называемую «чуйку», как она порой вспоминая воровской жаргон, выражалась, можно было сравнить с даром предсказания.

Мне эти разговоры были неприятны. Все же слишком красивой они были парой. Глядя на них, не мудрено было поверить в то, что все же не чужды этому миру светлые чувства. И

когда король морщился, входя в покои жены, на сердце становилось тяжело.

На стук в дверь обернулись все, как по мановению руки. Я была рада гостю, кем бы он ни был. Наконец можно будет передохнуть от неумолкающих ни на минуту женщин.

В покои вошел его высочество Ринемар. Высокий, с убранными темными волосами в хвост и ничего не выражающим лицом. Не изменил принц себе и в одежде, отдав сегодня предпочтение темно синему. И вроде все в нем было как обычно, но вот выглядел он уставшим. Смуглая кожа была бледной, а под глазами залегли синяки.

Гул смолк моментально. И все насторожились, будто готовились в любой момент сбежать.

— Дорогая невестка. — поклонился он королеве. — Как твое самочувствие?

Сельминда поднялась на локтях и Мариила де Сато подложила ей подушку под спину. Эта девушка мне нравилась. Милая и тихая, она не старалась выслужиться, как многие из присутствующих, но всегда была верна королеве и не отходила от нее ни на шаг.

— Как видишь, Ринемар. — развела она руками.

— Прискорбно это слышать. Придворные лекари тебя осмотрели?

Сельминда поморщилась, видимо вспоминая визиты лекарей, которые твердили, что поможет королеве только кровопускание, а панацеей от ее недомогания назвали клюквенный сок. Оно, конечно, может и так, клюквенный сок полезен, но вот кровопускание, которое женщине на сносях просто противопоказано, меня смутило. О чем я и сообщила ее величеству. После чего лекари дружной стаей вылетели из королевской почивальни и Сельминда строго настрого запретила впускать к ней этих коновалов.

— Осмотрели. Не пойму, как с такими лекарями у вас еще осталось столько живых и здоровых людей при дворе.

Ринемар засмеялся. Весело, легко, красиво.

Сельминда попыталась сделать то же, но вместо этого закашлялась и ее вырвало в подставленный той же Мариилой таз.

— Прекрасные ощущения. — проворчала она стирая остатки рвоты с лица.

— Сочувствую.

И действительно, толи принц умело поддeldывал эмоции, толи ему было искренне жаль королеву.

— Бенерисса, подай мне ту отраву, которую прописали эти коновалы. Хотя нет. Лучше ты Мари. Не переносу вида крови.

— Крови? — удивленно вскинул брови Темный принц.

— Да. Она вчера чистила для меня фрукты и располосовала себе пол руки. Не пойму даже как ей это удалось.

Бенерисса спрятала окровавленную повязку на руке за спину.

— Даже так? — взгляд темного принца мгновенно выделил из девушек ту, о которой шла речь, он подошел — Леди Бенерисса, могу ли я взглянуть на вашу рану.

Она робко протянула руку принцу и он взял ее бережно, почти нежно.

В груди непривычно кольнуло. Я и сама не могла понять, почему мне так неприятно то, что он прикасается к ней.

— У меня есть прекрасная мазь от порезов. — громко сказала я, привлекая к себе всеобщее внимание. — Я привезла ее с собой из Вернарии. Рецепт, хранится в нашем роду, уже несколько веков. И могу поручиться, что от раны уже завтра не останется и следа.

«Сама ею пользуюсь.» — добавила про себя, еле удержавшись от того, чтобы почесать

полько затянувшийся порез на ладони.

Принц увидев меня улыбнулся.

— А-а-а! прекрасная лесная знахарка. Кажется, я так и не поблагодарил, вас за свое чудесное спасение...

— Не стоит, ваше высочество. Вы бы на моем месте тоже не смогли пройти мимо.

Кто-то хмыкнул, кажется из фрейлин королевы, поддавая мои слова сомнению.

— И все же спасение особы королевских кровей не мелочь.

Я потупилась, изображая смущение.

— Буду рада помочь в любой момент.

— Может, тогда и мне поможешь? — отозвалась Сельминда со своего ложа. — А то как-то даже не удобно иметь в окружении столь искусную лекарку, и умирать от беременности.

— Я не очень то разбираюсь в снадобьях, которые можно принимать женщинам в тяжести, но обязательно что-то придумаю.

На лице Ринемара отразилось сомнение. Всего на миг, но нужно ли мне больше. Он знает причину, по которой королева не может встать с кровати.

— Леди Бенерисса, — обратился он снова к моей бывшей подруге. — я был бы рад, если бы вы составили мне компанию на вечерней прогулке по зимнему саду.

— Это честь для меня Ваше высочество, — склонилась она в реверансе.

— И еще, — он приблизился к ней вплотную и взял за раненную руку, аккуратно разматывая повязку, — думаю не лишнее.

Темный принц легонько подул на порез и произнес несколько слов. Порез стремительно затянулся и на его месте уже виднелся белая полоска шрама.

— Значит на королеву принципиально никто внимания не обращает. — вновь подала голос Сельминда, обращаясь на этот раз уже к деверю, на что он только развел руками.

— Увы, мои познания в целительной магии слишком скудны.

Ринемар раскланялся со всеми, пожелал скорейшего выздоровления королеве и удалился.

— Черная душа, — проворчала одна из фрейлин королевы матери.

— Ужасный человек, — вторила ей другая.

— Да уж. — согласилась Сельминда. — Веет от него чем-то, жутким.

И только я заметила как блеснули искренним интересом глаза королевы Смелендера.

Как она задумчива цедила клюквенный сок, уже не обращая внимания на жужжащих придворных дам.

И уже когда придворный цветник покинул ее покои и оставил нас втроем. Спросила:

— Что ты о нем думаешь, Миели?

Я помолчала, прекрасно понимая, о ком она говорит.

— Он не тот, с кем стоит враждовать. — изрекла я холодно и жестко.

— А если я жажду дружбы...

Я пожала плечами.

— Дружба с Темным принцем весьма полезна, Ваше Величество. Но каковы ее цели?

Глаза королевы блеснули. И на миг мне стало не по себе.

— Ты прекрасно знаешь чего я хочу, Миелисандра. Я хочу вернарский трон. И своего брата в рабском ошейнике как трофей.

— Это сложно.

— Но ведь не невозможно. Правящая династия Смелендера сплошь все темные маги. Марии мне рассказывала на что они способны. Говорят в их силе даже подчинить демона.

— Не думаю, что это необходимо. — ровно сказала я, чувствуя как по спине потянуло холодом.

— Как знать...

Снег искрился и хрустел под ногами. Солнце ласково пробежало лучами по белым крышам домов, заснеженным улицам и скованным льдом водоемам. Тихо и безветренно. И только мороз ощутимо колот лицо, потому я то и дело прятала его в широком капюшоне плаща.

— Замерзла?

Я кивнула. Зачем врать если и так видно. Но от предложения Тимила согреться в таверне отказалась.

— Хочется отдохнуть от замкнутых помещений. — аргументировала я свой отказ, на что он понятливо ухмыльнулся.

В кои веки я действительно хотела сбежать. В животе затягивался тугой узел дурного предчувствия, а ночи наполнились кошмарами. По утрам они расплывались, как туман под солнечными лучами. Но чувство надвигающейся буи оставалось. Жгло изнутри. И сейчас даже вдыхая полной грудью морозный воздух, я пыталась остудить этот жар.

И Тим если и не понимал, то чувствовал мое состояние.

Ему тоже не по душе было сидеть во дворце.

Насколько я поняла из его рассказов, его вотчина южные равнины Вернарии, и кусок Первозданного леса. Там и прошла вся жизнь виконта графства Нарен.

Это я узнала от него. Правда, не сразу. Поначалу он все же сторонился меня и старался не пересекаться лишней раз, но со временем, мы наладили отношения, похожие на деловые. Пусть все и так шептались за нашими спинами, что это мы только на людях, как чужие. А на деле, Тимил уже давно в моей постели чаще бывает, чем в своей. И то, что король на самом деле не ободряет более серьезный вид наших отношений, никого не смущало. И потому, дабы придворные не задавались ненужными вопросами и не придумывали невероятных сплетен, я предложила показываться на людях вместе. Не часто, хотя бы дважды в неделю. Но уже через две недели общения, я поняла, что виконт прекрасный собеседник и прогулки с ним не были обременительны. А еще заметила, что и ему такое времяпрепровождения нравится больше, чем очередная карточная игра, или попойки в обществе остальных представителей дворянства. К тому же во время наших обязательных показательных прогулок, я могла просто отдохнуть.

Так завязалась наша пусть и хрупкая, но дружба. Я не обольщалась на его счет. Но даже то, что он больше не смотрел на меня, как на вселенское зло было по меньшей мере терпимо. К тому же иногда он заходил по вечерам на стакан вира и мы долго разговаривали. Точнее говорил он делаясь воспоминаниями из детства, а я слушала. И старалась не подать виду, как завидую ему, когда он говорил о родителях и братьях с сестрами. Когда же спрашивал меня, приходилось наспех придумать что-то в равной степени достоверное и смешное. Но это бывало редко.

В основном же я слушала. А говорить он мог нескончаемо долго. Еще одной любимой его темой помимо семьи были лошади и гончие. От него я узнала много нового. Например, как отличить вернарца от помеси иллирийской и радмарской породы. До этого я и не думала, что разница существенна. Оказывается помесь намного дороже и вместо дорогущей породы Перен можно купить обычного вернарского жеребца настоящей ценой в половину

заявленной.

И как ни странно, не смотря на увлечения собаками и лошадьми, Тимил терпеть не мог охоту. Дело в том, что большую часть его небольшого графства занимали голые равнины, увы, не пригодные для земледелия. И предприимчивые жители сделали ставку на разведение домашнего скота, оставив почти все земли под пастбища. Что в скором времени стало чуть не единственным и весьма доходным делом. По словам будущего графа, мясо из Нарен поставляли даже к королевскому двору. При том не в малых количествах и по весьма высокой цене. Потому графство очень скоро стало весьма богатым. И не бедствует по сей день.

— Тогда понятно, как ты оказался при дворе, — хмыкнула я, примеряясь к румяной булочке на прилавке.

Сегодня ее величеству наконец стало легче, потому король выгнал всех к демонам и велел не появляться до завтрашнего утра. Чем и воспользовались почти все фрейлины. Каждая по-своему. Некоторые отсыпались. Кто гулял по зимнему саду и слушал песни заезжего менестреля. А мы решили выбраться за пределы дворца.

Переодевшись в скромные платья и теплые сапоги, для верховой езды мы почти полным составом отправились гулять по городу. Благо никто не подумал нас останавливать. Так я, Ларина де Франкор, Велима ле Сорте и как ни странно Бенерисса облегченно вдохнули шагали по улицам славной столицы Смелендера. Сопровождать нас вызвался Тимил и еще два молодых человека из Смелендерской знати. Они сейчас во всю размахивали руками, рассказывая историю города и показывая достопримечательности. Для девушек, которые привыкли перемежаться в каретах или верхом, в окружении охраны и слуг, подобная прогулка казалась невероятным и дерзким приключением. Они закусывали губки ожидая что вот-вот произойдет что-то из ряда вон выходящее. И цеплялись за руки семелендерцев охали и кивали изображая живейший интерес.

Плохо играем девочки. На мой взгляд, так вообще плохо. Слишком фальшиво. Даже вон Тим морщится, едва прислушивается к вашей трескотне. Но, кажется, спутников это не смущает. Разливаются соловьями. Оно и понятно. Любая из этих девиц мешок с приданным. И не будь рядом моего так называемого жениха, вокруг моего герцогства... то есть меня, уже тоже топтался бы кто-нибудь, чье состояние перекочевало в карман более удачливого в картах придворного.

Слушать их не хотелось, по большей части потому, что все это я знала и так. И гораздо больше. Например, о том, что памятник, который герцог Снеталь сейчас расписывает, как самый древний в столице, на деле был разрушен во время восстания больше ста лет назад и восстановили его спустя пятьдесят лет. А вот арка, под которой молодым парам положено загадывать желания, действительно видела рождение Семелена. Но судя по всему за ней как раз смотрели и время от времени реставрировали. Потому выглядела она как новая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Именно по этому мы Тимилом немного отстали. Ему судя по всему слушать о истории города тоже не очень хотелось.

— Скучаешь по дому? — прервала я его задумчивое молчание.

— Наверное, да.

— Наверное?

— Знаешь, Сандра, отец очень заботливый человек. Он заботится о детях, жене,

крестьянах, скоте... заботится рьяно. И иногда от этой заботы становится душно. Я думал, что при дворе смогу спокойно вздохнуть. Но увы, его седую голову посетила мысль, что наследник должен быть женат и уже с собственными наследниками. Или ты думаешь, Бенерисса вцепилась в меня клещом от большой любви? Нет! — он грустно покачал головой. — Она старшая дочь. Наследница. Но насколько мне известно, не все так хорошо на землях Санторин. А мы хоть и маленький клочок земли, но весьма богатый. Потому нецдивительно, что герцог Санторин и мой отец сговорились. Могли бы конечно и так, но король на такой брак разрешения может и не дать. А так... вызвать жалость, ссылаясь на чувства молодых людей.

— С чего ты так решил?

— Мартен, мой младший брат. — Тимил улыбнулся. — Тот еще проныра. Он умудряется быть в курсе всего. Если отец выбьет ему место в тайном сыске, то он озолотится, даже без отцовского наследства. Он мне и рассказал о разговоре между моим отцом и отцом Бенериссы. Сначала я просто не обращал внимание, думал, что обойдется. Но Бенерисса оказалась настойчивой. И в принципе не плохой. Только что-то мне подсказывает, что жить с ней я бы не смог.

— Из-за ее Величества?

— Нет! Я же не дурак. — вспоминая его выступление на прощальном ужине, я хмыкнула. — Просто так проще откреститься от ее навязчивого внимания. А потом ты со своим концертом. Я онемел, когда ты на колени перед королем грохнулась.

Я засмеялась.

— Онемел не только ты.

— И в то же время ты, сама того не зная, дала мне возможность оторваться от столь заботливых родственников. Кстати, не помню, я тебя благодарил?

— Кстати, нет!

— Тогда пока эти индюки распускают перья перед прекрасными дамами, идем выпьем чего-нибудь.

— Идешь по самому легкому пути. Значит, цветы дарить не будешь?

— Ну уж нет. Искать цветы в такой мороз... брррр.

Я шутливо толкнула его кулаком в плечо и мы быстрым шагом направились в ближайшую таверну.

Она встретила нас запахами кислой капусты, пива и табака. При том последние два вывести уже было бы невозможно, даже если для этой задачи наняли хорошего мага. Да и не взялся бы хороший маг за такую работу. И как ни странно, чистыми в этом заведении были только окна в которые пробивался яркий дневной свет, подчеркивая все недостатки этого места. Грязный пол, замусоленную стойку и пятна жира на фартуке лысоватого хозяина.

— Здесь лучший вир в Смелендере. — доверительно шепнул мне на ухо Тимил, видя мое недоумение.

— Думаешь, хорошая идея напиться на прогулке по городу?

От моих слов отмахнулись.

— А если напьюсь и тебе придется нести меня на руках? — все же решила не отступать я. — и вообще, я женщина, а водить по таким заведениям леди, не лучшая идея.

— Тебя напоить, еще уметь нужно. К тому же здесь никого нет и никто не узнает, что юная леди Роад распивает крепчайший напиток в сомнительном заведении в компании с

мужчиной и еще и чуть не с утра.

— Подбодрил и успокоил. — улыбнулась я.

— Стараюсь.

Мы заняли один из множества пустующих столов и пухленькая разносчица тут же смахнула тряпкой со стола крошки, оставшиеся от предыдущих посетителей (Нужно сказать, что чище он от этого не стал, разве что самую малость), и приготовилась слушать наши пожелания.

Пожелания были просты бутылку вира и два стакана.

— И яблоки. — добавила я уже ее спине и обратилась к Тиму — Ты напиваться пришел?

— Выпить в хорошей компании. Вообще, не замечал за тобой такой капризности.

Я промолчала. Что тут было говорить?

Но когда на столе появилась бутылка и два идеально чистых стакана, которые смотрелись здесь несколько нелепо, скепсиса во мне поубавилось. А стоило попробовать то, ради чего меня сюда затащили, как настроение пришло в норму. Вир был действительно хорош. Мягкий, обволакивающий, совсем немного обжигал горло, оставляя во рту привкус жженого сахара. По телу растеклось тепло и пальцы на руках и ногах начало покалывать.

— Я же говорил. — усмехнулся довольный собой виконт, с хрустом вгрызаясь в яблоко, и шепнул — Это контрабанда. Даже во дворец такого не завозят. — и уже громче изрек, поднимая стакан. — За мою спасительницу от оков раннего брака, излишней заботы родителя и скуки. Я ничего не забыл?

Я мотнула головой, сдерживая смех. Тим подмигнул и опрокинул все содержимое в себя.

— Ладно. Ты прощен.

Но наш отдых испортил внезапный визг, донесшийся с улицы.

То, что принадлежал он одной из девушек, которых мы оставили выслушивать бред, который несли «напыщенные индюки», сомнений не вызывало.

Тимил в мгновение ока вскочил и вылетел на улицу. Я попыталась сделать то же, но едва попыталась, поняла, что ничего у меня не выйдет. При том я спокойно могла пошевелить, как руками, та и ногами, но встать с места не получалось, будто меня привязали к месту. Хорошо, что я еще заняла стул напротив окна и то что происходило на улице было хорошо видно.

А происходила там уличная потасовка. Что стало причиной догадаться было просто невозможно. Но последствия... С улицы доносились звуки боя. Лязг железа разбавленный истощенным визгом. Разглядеть все возможности не было, и все же я сжала в пальцы на рукояти короткого кинжала на поясе, готовясь к тому, что кто-нибудь и на меня может обратить внимание.

И не ошиблась.

— Леди Миелисандра, рад видеть. — раздался насмешливый голос над головой.

— Ваше Высочество? — искренне удивилась я. — Что здесь происходит? Вызовите стражу! Помогите, наконец! — истерично взвизгнула, стараясь изобразить молодую и нежную особу.

Впрочем то, что драка, устроенная наверняка, чтобы отвлечь внимание Тима, была устроена специально, не вызывало сомнения. Наверное, я все же не смогла удержать

подобающую маску, потому как Темный принц хмыкнул:

— Не нужно этих театральных выступлений, Сандра! Ничего не поправимого там не случится. Я просто хочу поговорить.

Я открыла и закрыла рот, наблюдая как кто-то полоснул одного из сопровождающих нас лорда по предплечью. Серьезно ли было ранение, отсюда судить было просто невозможно. Принц оглянулся через плечо и улыбнулся.

Вот разделила бы его веселье, глядя, как избалованные придворные размахивают мечами, стараясь не терять лицо и при этом красоваться перед дамами. Возможно даже получила бы некое эстетическое удовольствие. Но только не в компании темного мага, сверлящего меня немигающим взглядом.

В груди шевельнулось неприятное и незнакомое до селе чувство тревоги. Раньше я волновалась исключительно за себя. Ну еще иногда за девочек. Но очень редко. А с годами это резко сошло на нет. Но сейчас там был Тим. А к нему я привязалась. Противно признавать, что это вообще возможно. Но что теперь поделать?

Я перевела взгляд на Темного принца.

Подслушивал. Или следил. Что ж. оно и не удивительно. У меня бы тоже возникло множество вопросов, будь я на его месте. Удивительно, что этого не произошло раньше.

— О чем же, ваше высочество?

— Тсс. Ринемар. Называете меня по имени.

— Хорошо. Так о чем же вы хотели со мной поговорить, Ринемар?

Принц Смелендера сел на стул, на котором еще минуту назад сидел Тимил. Его лицо почти полностью скрывал широкий черный капюшон, оставляя догадываться о том, что в голове этого человека.

В этот момент мне стало по настоящему страшно. Особенно, когда он положил передо мной маленький овальный кулон с крупным ониксом в центре.

— Зажмите это в руке.

Я послушно сделала то, что он просил.

— Это родовой артефакт. Семейная реликвия, можно сказать. Он точно определяет, говорит ли человек правду. Если вы попытаете мне солгать, то он вытянет из вас душу.

— Оригинальный способ сказать «Спасибо!» — прошипела я сквозь зубы.

Сейчас я как никогда чувствовала себя идиоткой. Вот почему я полезла к нему со своей помощью. Отправился бы к предкам и у меня проблем бы не было. Демоны! Слишком много я о себе возомнила.

— Так что вы хотите знать? — спросила я холодно и чуть раздраженно.

Родовой артефакт неприятно врезался в кожу и холодил, и без того онемевшую, ладонь.

Ринемар откинулся на спинку и отпил из моего стакана несколько глотков.

— Странный у вас вкус для леди.

— Какой есть.

— Итак, леди Миелисандра, кто вы?

— Фрейлина королевы. — сказала я очевидное. — Думала вы знаете...

— Хорошо! А почему герцогиня де Роад решила оставить вам наследство?

— Не знаю. — абсолютно честно ответила я. Мне действительно не известно было, чем так смог надавить мастер и на какой мозоль ее сиятельству, что она пошла на такое.

— То есть вы никоим образом не воздействовали на сознание герцогини? Не давили на

нее, чтобы получить наследство?

— Нет! — и правда это была не я.

Принц замолчал, испытующе глядя на меня.

— Каковы планы Сельминды?

— Вам лучше об этом спросить у королевы. Или Вы предполагаете, что она делиться своими мыслями с провинциалкой, которая лишь вчера стала наследницей герцогской печати. И прошу заметить, лишь наследницей, а не вледицей.

— И вы не знаете о ее плане сесть на трон Вернарии?

Вот это осведомленность. Я даже восхитилась. А ведь о том нашем разговоре, по идее никто знать не должен. Разве что Ринемар решился бы допросить в подобный способ ее величество. Но это врядли. Такого бы она не простила. Да и скандал был бы знатный.

— Увы. — развела я руками. И артефакт в моем кулаке опасно нагрелся.

Я сглотнула. Во рту было сухо.

— А что вы знаете о леди Бенериссе?

— Если вам так интересна леди Бенерисса, вы бы могли задать все вопросы лично ей. Вам не кажется, что чтобы узнать какие она любит цветы, можно было бы просто спросить. В этом тайны никакой. Она банальна до зубовного скрежета. Это красные розы.

Я злилась. Непростительная оплошность. Но ничего с собой поделывать я уже не могла. Захотелось запустить его высочеству по его сиятельному лбу его же артефактом. Как удалось сдержаться? Не знаю. Помогла толи выдержка, толи годами вдалбливаемая в наши головы способность себя контролировать... Боги! Мастер бы закрыл меня на месяц в карцере, если бы увидел, как я хамлю его высочеству. И похоже, что это мне и светит. Только не карцер, а тюремная камера. Суть та же, а вот итог...

Вдох. Выдох.

Я опасливо покосилась на своего собеседника. Капюшон он скинул и сейчас смотрел на меня с нескрываемой насмешкой.

— Вы ревнуете? — и кивнул на мою руку, в которой был зажат медальон.

Я молчала. К своему позору я просто не знала так ли это. Да меня раздражало внимание принца к Бенериссе. Но было ли это раздражение от того, что она стала досадной помехой или от того, что я ревновала, ответить не могла даже себе. Потому я просто поморщилась. Пусть понимает, как хочет.

— Откуда такие познания в травах?

— От наставника.

— Как его зовут?

— Я называю его мастером.

— Кто он для вас?

— По моему, он самый близкий мне человек. Я знаю его с детства и он всегда заботился обо мне. Даже больше чем родные родители.

Наверное, что-то такое отразилось все же на моем лице. Толи боль, старых душевных ран, толи что-то тому подобное, потому как насмешливая улыбка с лица Темного принца сползла.

— То, что говорят при дворе о Вас и лорде Нарен, правда?

— Я не поминаю о чем вы?

— Говорят, что вы...

Принц почему-то замаялся и я решила ему помочь:

— Спим вместе? Это не правда.

— Тогда что между вами?

— А вам не кажется, что это несколько личное, Ринемар? Или мои отношения с мужчинами, могут каким-то образом повлиять на политическую ситуацию в королевстве Смелендер?

Ринемар поджал губы. Еще какое-то время смотрел на меня и, наконец, покачал головой.

На месте не умерла. Душа осталась при мне. Потому невиновна. Кристально чиста перед законом.

В это время на улице раздались через чур громкие крики, похоже все таки стража вспомнила о своих обязанностях и решила вмешаться в потасовку.

— Еще вопросы?

— Нет! Прощу прощения.

— Я понимаю, — театрально хлопнула носом я и протянула медальон владельцу.

Ринемар забрал родовой артефакт, накормленный душами не таких удачливых, как я. От его прикосновения по спине прошел мороз и я передернула плечами.

— Еще раз прошу прощения. — сказал он и ушел, накинув на голову капюшон.

И только хлопнула дверь за его спиной, как я поняла, что снова могу встать. Но что-то не хотелось. На душе было плохо.

— Совести у тебя нет. Хоть бы выглянула в окно, дабы убедиться что меня не убили. — плюхнулся Тимил на свое место.

Он покраснелся и тяжело дышал, но в то же время выглядел довольным, как кот, которому оставили на растерзание кринку со сметаной.

— Непозволительная роскошь в наше время — совесть, не считаешь? И я была уверена, что с тобой будет все хорошо. Все же ты прекрасный фехтовальщик. Как остальные?

— Девушки в обмороке, как им и положено. У Варга царапина. Ничего серьезного. Пострадало только самолюбие.

Я кивнула, одним глотком осушив стакан и глубоко вдохнула.

— Сандра, что-то случилось, пока меня не было? — настороженно спросил он.

— Ничего особенного. Просто немного испугалась.

Тимил не поверил. Сдаю. Видимо, остаточное действие артефакта. Я про такое читала.

— Домой пора. Устала я.

И действительно, почувствовала, как я устала за те несколько минут разговора с Темным принцем. Как раскалывается голова. Как неровно бьется сердце...

— Ты идешь?

— Конечно!

Он бросил несколько монет на стол и предложил мне руку, за которую я и поспешила вцепиться.

И мы, не дожидаясь остальных, отправились назад во дворец.

Ринемар шагал по улицам Седмелена. Уверенно, быстро, по военному чеканя шаг.

Погода испортилась и только расчищенные дороги уже присыпал новый снег. От того идти было скользко. Да и ветер разгулялся, то и дело норовя залепить лицо снежными хлопьями. И от солнечного дня остались только тяжелые вздохи сожаления прохожих.

Но что принцу снегов и гор такое неудобство. Он привык. К тому же мелкий снегопад не чета тем бурям, которые ему приходилось пережить высоко в горах. Да и ветер не смущал Темного принца.

Он свернул за угол. Маленький узкий переулок с рядами окон над головой. «Хоть бы кто ведро на голову не опрокинул. Или того хуже ночной горшок.» Эта мысль заставила ниже натянуть широкий капюшон и запахнуть плащ. Если бы кто встретился ему по дороге, то у бедняги случился бы приступ. Человеческое сердце такое хрупкое.

Настроение было паршивое. И Ринемар сам не мог понять, когда же оно испортилось. Тогда когда он шел за стайкой щебечущих молодых людей? Или тогда, когда наблюдал за парочкой, отставшей ото всех и мило воркующей? Или когда понял, что не может и дальше следить за той, которой считал королевой, когда эти двое зашли в забитую таверну? И ведь так отличалась Сандра, которая гуляла рука об руку с этим графом, от той леди Миелисандры, которая каждый раз представляла перед ним. Спокойная, веселая, какая то настоящая. Или может это тоже была игра? Игрой ли была та грусть в глазах, когда она говорила о родителях и о неведомом мастере? Ведь ему как никому другому, было известно, как легко можно остаться сиротой при живых родителях. И не стала ли ему безродная ведьма роднее отца?

Ринемар свернул в очередной переулок. Прямо под ногами валялся мусор и овощные очистки. Шмыгали в стороны толстые крысы и не менее упитанные коты. Мда. С этим нужно что-то делать. Так можно и эпидемию черной лихорадки развести. Указ издать чтоли?

И тут же помрачнел.

Вот уже месяц Тегдард скинул на него все государственные дела. Его не видели на совете и разбирательствах, которые вправе решать только он. Ринемар злился, ругался, приносил кучу бумаг в кабинет короля, который он навещал исключительно для того, чтобы проредить запасы вина и спрятаться от придворных. Об этом он и говорил брату прямо в лицо, сетуя на то, что нет покоя ему в собственном королевстве. И Темному принцу снова приходилось приводить бумаги в порядок. Разбирать иски и отчеты, донесения тайной стражи и отчеты господина Талка, просиживая с ними целые ночи. А еще ведь королева...

Нет, Ринемару было жаль Сельминду, но умом он понимал, что если с королевой случится несчастье во время родов, то множество проблем отпадут сами собой. К тому же Тегдард не способен будет долго горевать и вскоре примет женитьбу на Бенериссе де Санторин, как должное. Слух о том, что король и так уже на нее заглядывается пополз по дворцу. Так что проблем не возникнет. А уж Ринемар сделает все, чтобы так оно и было. Осталось только убедиться, что это действительно королева... не то чтобы он сомневался, просто не хотелось снова опростоволоситься. Лучше проверить несколько раз. Жаль, что он не узнал о ней почти ничего от Мелисандры. И в памяти всплыло ее лицо. Раскрасневшаяся,

с блестящими, толи от вира, толи от гнева, глазами... в этот момент она была особенно хороша. Или ему так казалось. Но спрашивать дальше о той, которую он считал королевой, больше не хотелось.

Еще один поворот и единственная узкая дверь.

Ринемар постучал. Несколько мгновений за дверью было тихо, но вот послышались тихие шаги, щелкнул замок. В щель высунулось лицо Тартеи.

— Наконец-то. Я уже думала не придешь. — сказала она и посторонилась, пропуская его внутрь.

В комнате было темно, но это была живая темнота. В ней жило нечто, что было всегда подле его ведьмы. Иногда и от нее веяло чем-то подобным. Не так сильно и не всегда, но темная суть Ринемара не могла не почувствовать этого. Не могла не напомнить, встрепенувшись, насторожившись. И тут же заворочалась, замурлыкала, как довольная кошка. Это была эго родная тьма. Та что с радостью принимала.

И принц вспоминал, как уходила ведьма на день а то и больше. Иногда неделями не появляясь назад. А возвращалась веселая, бодрая и даже помолодевшая. И пахло от нее так. Не сюда ли она сбегала? А ведь он никогда не приходил к ведьме. Не пускала. Говорила — мал еще. И он не спорил. Не смел. Знал, что Тартея не просто так это говорила.

— Ну что встал, как ледяная статуя. Иди!

И Ринемар пошел. Наугад. Не разбирая дороги. Спотыкаясь о что-то под ногами. И тьма урчала, дышала со всех сторон одновременно.

— Да осторожней ты. — рывкнула Тартея где-то справа. — Перевернешь мне тут все. О боги! Забыла же совсем.

Она щелкнула пальцами и вдоль стен одна за одной зажглись свечи. Много, больше полу сотни. И сразу стало душно. Так, что Ринемар дернул застежку на плаще и судорожно вдохнул.

Тартея покачала головой, зажмурившись. Яркий свет был болезнен для нее.

— Бедный мой мальчик.

— Все нормально. — выдохнул Темный принц и сел на единственный в этой комнате стул.

Комната была под стать его ведьме. Баночки с готовыми зельями расставлены на полках до самого потолка. С потолка свисают пучки трав, кореньев, веток. Даже связанные за ноги сушеные летучие мыши.

Ринемар усмехнулся:

— Неудивительно, что тебя храмовники на костер потащили. Так напоказ мастерство свое выставлять.

Тартея окинула взглядом комнатку, будто впервые увидела.

— А! это я сейчас обнаглела. Как никак за твоей спиной прячусь. Раньше было иначе. Тихо. Прятались постоянно и бабка, и мать со мной маленькой. И все равно не спасло их это. — ведьма помрачнела, и тут же улыбнулась. — зато не шастают все подряд. Кому и правда не вмоготу, не побояться. А те кому заняться нечем поостерегутся. Пришел чего?

Ринемар вытащил из кармана окровавленный кусок ткани.

— Это что?

— Я думаю, что это кровь королевы.

— И что от меня хочешь?

— Чтобы наверняка убедиться.

— А сам?

— Не хочу. Сложно мне. Они ведь не жалеют меня когда приходят.

— Сам виноват. Если бы...

— Прекрати.

— Молчу уже. Давай свою тряпку.

Ринемар протянул ее Тартее. Она взяла и бросила на широкую серебряную миску. Провела рукой напевая слова заговора. Голос ее раздавался в голове Темного принца колокольным звоном. Она звала их. Слова слетали с ее губ легко, заученно. То взлетали до небес, то падали в самое глубокое ущелье. И казалось, слышит их сейчас вся столица. А что там столица... все королевство. А ведь так оно и было. Она сзывала всех, чтобы подтвердить или опровергнуть догадки того, кого они звали королем.

Наконец последнее слово слетело с губ темной ведьмы и звонко звякнуло о серебряную тарелку.

Тартея полоснула руку и тонной струйкой потекла ее почти черная кровь. Та, которую она получила от нижнего мира. Тарелка наполнилась водой до краев. Едва розовой, но напитанной силой той, что звала. И сейчас не узнавал Ринемар свою ведьму. Толи свет был не верный, толи колдовство сильное. Но разгладились морщины на старческом лице, почернели волосы, а глаза засветились синим. Как огонь нижнего мира зажегся в темной.

Ринемар почувствовал, а потом и увидел, как по полу за клубился туман. Как по стенам поползли щупальца инея. Воздух стал стывшим, колючим. И только принц хотел вдохнуть его полной грудью, как боль сдавила виски, а такой желанный воздух со свистом вылетел из легких.

«Ты...»

«Звала...»

«Темная.»

«Зачем?»

— Для короля звала. — громко ответила Татрея.

Ринемар позавидовал ей. Это у него от боли в глазах темнеет. А она стоит. Ровная, как равная. Гордая. Не сгибается, от рождения наделенная той силой, что чужда этому миру. От того наверное и терпят духи храмовников с их богами, что не справятся с такими как она сами. Да только на кострах таких почти не бывает. Горят наоборот те, что и слыхом не слыхивали о магии. Ни темной, ни светлой.

«Почему он не звал?» — прошелестел один голос.

«Почему не своей кровью?»

— Не мне призывать короля к ответу.

«Так чего ты хочешь, темная»

— Хочу знать, кровь ли той, что должна стать королевой сейчас в этой чаше?

На миг воцарилась тишина. Такая, которая бывает перед тем, как с гор собирается настоящая северная буря.

И тут же взвыли духи, зазвенел воздух. Загорелась вода. И только пламя это было холодным. Голубым.

«НЕ ОНА!»

«Не та!»

«Найди!»

Раздалось в голове сотней голосов, от которых она угрожала лопнуть с мерзким хрустом.

— Спасибо за помощь, — как ни в чем ни бывало, сказала Тартея.

Произнесла несколько слов и пламя погасло. Опало. И чаша треснула, расплавилась и растеклась лужей на столе. И тут же покрылась коркой льда.

Ринемар откинулся на спинку стула, стараясь справиться с головной болью.

Татрея поцокала языком.

— Упрямый ты! Весь в отца.

— Тартея. Я устал. — прохрипел он.

И она замолчала. Набросила темный кусок ткани на место, где стояла чаша.

— С тебя стол и чаша.

— Хоть две.

— По две. — практично поправила темная.

— Точно обнаглела. — констатировал Ринемар и вымучено улыбнулся, не желая показывать слабость.

Она подошла к нему вплотную. Склонилась шепча слова заклинания. И боль отступила.

Он облегченно вздохнул.

— Ринемар, я слишком долго живу в этом мире, чтобы верить в то, что они отступятся. Рано или поздно они получают то, чего хотят. И ты это понимаешь. Пусть и не признаешь. И чтобы ты ни делал, как бы не старался сбежать... Прими, то что должно быть твоим.

Темный принц взгляделся в ее темные глаза. Не было уже того пламени, отступило, затаилось. И морщины вернулись. И волосы уже не черные, а как серебро черненное.

— Они не оставят его в живых.

— Они и так ему не простят, что занял не свое место.

— Но клятва...

— Глупый мой мальчик, они найдут способ ее обойти. Не думай, что ты хитрее тех, кто в этом мире с самого его начала. Они видели, как первый человек ступил на эту землю. Сотни... тысячи, переворотов, предательств, войн. Убийства, смерти, рождения... короли, королевы, принцы и принцессы. И ты рискуешь не только своим рассудком. Поверь, если они так хотят, чтобы именно ты сидел на троне, это неспроста. И именно та королева нужна тебе.

Ринемар вздохнул. Тяжело. Будто нес на себе ношу, не для него предназначенную. И почему отец обошел его права? Не было бы этого. Не мучился бы тот, кто рожден быть королем, борясь между долгом и любовью к брату. Единственному, кто родной ему по крови.

— Нет!

Тартея зло зашипела, как потревоженная змея.

— Дурак! Сам потом жалеть будешь!

Но Ринемар уже не слушал, застегивая плащ и кутаясь в него.

— Стой! На вот. — Тартея протянула ему пузырек с черноватой жидкостью. — Это чтоб не мучилась невестка твоя.

— Яд!

— Зелье, для баб, что тяжело беременность переносят. На крови гарценны.

— Их же нет почти.

— Потому и цени мою помощь. Я между прочим, сама за ней гонялась. Все, сыночек,

ступай, отдохни. Через неделю ждать тебя буду. Сюда придешь.

Ринемар поцеловал ее в сморщенную щеку и крепко обнял.

— Иди! Никак не вытолкать тебя.

И он ушел.

А темная ведьма, что несла в себе огонь нижнего мира, стояла в дверях и смотрела, как густой снег отрезал от нее того, кого она звала сыном.

— Дурак! — шепнула она порыву ветра и тот согласно завыл, загудел, гоняясь, как ошалелый конь, между домами с темными провалами окон.

Смелендер был суров и жесток к тем, кто имел смелость поселиться здесь. В этом я уже успела убедиться, прочувствовав на собственной шкуре все радости пребывания в огромном сером и холодном замке, по недоразумению названом королевским дворцом.

Непрекращающиеся снегопады, вьюги, что перемежались лютыми морозами, доводили до отчаянья даже нас с Тилайной. Не спасали ни грелки, ни теплая одежда, ни непотухающие камины и жаровни. Ничего.

По утрам в углах моих покоев ползли щупальца инея. Холод забирался под одеяло. Вгрызался и тело, как голодный зверь.

И сегодняшний сравнимо теплый день, стал радостной неожиданностью. Не для всех конечно.

Вот Сельминда к примеру снова слегла. Настроение ее портилось день ото дня все больше. Как и внешний вид, нужно заметить. Она исхудала, белоснежная кожа приобрела сероватый оттенок, а синие глаза утратили блеск. Ко всему прочему, королева стала сверх меры раздражительной. И потерпали от этого абсолютно все. От слуг, сбившихся с ног, стараясь удовлетворить все капризы Ее Величества, до короля, который сократил визиты к жене, до утреннего и вечернего.

Сегодня же Сельми бушевала не хуже смелендерской погоды. И еще с самого утра выставила всех вон, по обыкновению оставив при себе одну Мариилу. Сказать честно, фрейлины даже не сдерживали облегченный вздох, получив возможность еще один день посвятить самим себе.

Я не стала исключением. Слишком многое нужно было обдумать. И прикрывшись желанием подышать свежим воздухом, поспешила спрятаться в парке. Правда, это жалкое зрелище раскоряченных голых деревьев, щуплых кустов и бесконечного белого снежного покрывала действовало на меня удручающе. Но даже этот унылый пейзаж был предпочтительней замковых стен. Иногда мне казалось, что они имеют множество глаз и ушей. А еще голосов. И особенно отчетливо слышен был их шепот ночами. И было бы легче, если бы можно было разобрать о чем шепчет старых замок. Но нет, это был всего лишь шелест. Потому я упрямо убеждала себя в том, что это всего лишь игра моего воображения.

Тем более если бы это было моей единственной бедой.

Мучил меня еще один вопрос.

Как быть с Темным принцем, который уже который день не показывается среди придворных? И пусть это было его обыкновенное поведение, судя по тому, что удалось узнать из придворных сплетен, нечто не давало мне покоя. Я не знала чего ожидать от него. Слишком непредсказуем. И это вводило меня то в бешенство, то порождало чувство бессилия.

И что говорить мастеру? Что его лучшая девочка оплошала?

О нет! Лучше самолично удавиться на собственном поясе, чем сказать лорду Наахару подобное.

Я со злостью пнула снежную кочку и сжала руки в кулаки. Что ж. рано опускать руки. И раскисать в принципе тоже рано.

— Леди Миелисандра, что вы здесь делаете одна?

О! на ловца, как говорится...

Я присела в идеальном реверансе, что посреди заснеженного дворцового парка смотрелось несколько неуклюже. Но что поделать. Нацепить на лицо самую обворожительную из возможных улыбок и:

— Ваше Высочество. Не ожидала Вас встретить здесь.

Темный принц, много лет первый наследник престола, при том наследовавший сначала за отцом, теперь за братом, маг и весьма странная личность, стоял шагах в десяти от меня. Неизменно в черном. Сегодня, его силуэт и лицо прятал под собой плотный плащ с широким капюшоном. Надменный, спокойный, равнодушный. Именно такими я представляла темных, о которых не раз читала. Правда, доселе представляя вышедших из первозданной тьмы, в памяти всплывал образ мастера.

— Вы не ответили на мой вопрос. — и в голосе его прозвенел металл.

Мда. Темный принц и вправду под стать этому королевству. Даже более чем король, что сидит сейчас на троне. Я по-новому посмотрела на этого человека. и позволила себе некоторую вольность, поднявшись без разрешения.

— Любуюсь красотами Вашего края. — наконец ответила я.

Если мне и не поверили, то никак этого не выказали. И я снова забеспокоилась. Едва удержала подобающую маску на лице.

— И как? — спросил он глядя куда поверх моей головы.

— Не впечатляет. — позволила все же проступить раздражению и тут же снова улыбнулась. — Увы, Смелендер слишком суров. Особенно к вернаркам. Да и красоты, как по мне весьма сомнительные.

Я закусила губу, словно устыдилась собственных слов. И бросила мимолетный лукавый взгляд на его высочество.

— Наверное потому, что вы еще совсем ничего не видели. — сказал он, наконец удостоив меня взгляда.

— Может быть. Хотя я не уверена, что в Смелендере есть хоть что-то, из-за чего я смогла бы изменить о нем свое мнение.

Смелендер был суров и жесток к тем, кто имел смелость поселиться здесь. В этом я уже успела убедиться, прочувствовав на собственной шкуре все радости пребывания в огромном сером и холодном замке, по недоразумению названом королевским дворцом.

Непрекращающиеся снегопады, вьюги, что перемежались лютыми морозами, доводили до отчаянья даже нас с Тилайной. Не спасали ни грелки, ни теплая одежда, ни непотухающие камины и жаровни. Ничего.

По утрам в углах моих покоев ползли щупальца инея. Холод забирался под одеяло. Вгрызался и тело, как голодный зверь.

И сегодняшний сравнимо теплый день, стал радостной неожиданностью. Не для всех конечно.

Вот Сельминда к примеру снова слегла. Настроение ее портилось день ото дня все больше. Как и внешний вид, нужно заметить. Она исхудала, белоснежная кожа приобрела сероватый оттенок, а синие глаза утратили блеск. Ко всему прочему, королева стала сверх меры раздражительной. И потерпали от этого абсолютно все. От слуг, сбившихся с ног, стараясь удовлетворить все капризы Ее Величества, до короля, который сократил визиты к жене, до утреннего и вечернего.

Сегодня же Сельми бушевала не хуже смелендерской погоды. И еще с самого утра выставила всех вон, по обыкновению оставив при себе одну Мариилу. Сказать честно, фрейлины даже не сдерживали облегченный вздох, получив возможность еще один день посвятить самим себе.

Я не стала исключением. Слишком многое нужно было обдумать. И прикрывшись желанием подышать свежим воздухом, поспешила спрятаться в парке. Правда, это жалкое зрелище раскоряченных голых деревьев, щуплых кустов и бесконечного белого снежного покрывала действовало на меня удручающе. Но даже этот унылый пейзаж был предпочтительней замковых стен. Иногда мне казалось, что они имеют множество глаз и ушей. А еще голосов. И особенно отчетливо слышен был их шепот ночами. И было бы легче, если бы можно было разобрать о чем шепчет старых замок. Но нет, это был всего лишь шелест. Потому я упрямо убеждала себя в том, что это всего лишь игра моего воображения.

Тем более если бы это было моей единственной бедой.

Мучил меня еще один вопрос.

Как быть с Темным принцем, который уже который день не показывается среди придворных? И пусть это было его обыкновенное поведение, судя по тому, что удалось узнать из придворных сплетен, нечто не давало мне покоя. Я не знала чего ожидать от него. Слишком непредсказуем. И это вводило меня то в бешенство, то порождало чувство бессилия.

И что говорить мастеру? Что его лучшая девочка оплошала?

О нет! Лучше самолично удавиться на собственном поясе, чем сказать лорду Наахару подобное.

Я со злостью пнула снежную кочку и сжала руки в кулаки. Что ж. рано опускать руки. И раскисать в принципе тоже рано.

— Леди Миелисандра, что вы здесь делаете одна?

О! на ловца, как говорится...

Я присела в идеальном реверансе, что посреди заснеженного дворцового парка смотрелось несколько неуклюже. Но что поделать. Нацепить на лицо самую обворожительную из возможных улыбок и:

— Ваше Высочество. Не ожидала Вас встретить здесь.

Темный принц, много лет первый наследник престола, при том наследовавший сначала за отцом, теперь за братом, маг и весьма странная личность, стоял шагах в десяти от меня. Неизменно в черном. Сегодня, его силуэт и лицо прятал под собой плотный плащ с широким капюшоном. Надменный, спокойный, равнодушный. Именно такими я представляла темных, о которых не раз читала. Правда, доселе представляя вышедших из первозданной тьмы, в памяти всплывал образ мастера.

— Вы не ответили на мой вопрос. — и в голосе его прозвенел металл.

Мда. Темный принц и вправду под стать этому королевству. Даже более чем король, что сидит сейчас на троне. Я по-новому посмотрела на этого человека. и позволила себе некоторую вольность, поднявшись без разрешения.

— Любуюсь красотами Вашего края. — наконец ответила я.

Если мне и не поверили, то никак этого не выказали. И я снова забеспокоилась. Едва удержала подобающую маску на лице.

— И как? — спросил он глядя куда поверх моей головы.

— Не впечатляет. — позволила все же проступить раздражению и тут же снова улыбнулась. — Увы, Смелендер слишком суров. Особенно к вернаркам. Да и красоты, как по мне весьма сомнительные.

Я закусила губу, словно устыдилась собственных слов. И бросила мимолетный лукавый взгляд на его высочество.

— Наверное потому, что вы еще совсем ничего не видели. — сказал он, наконец удостоив меня взгляда.

— Может быть. Хотя я не уверена, что в Смелендере есть хоть что-то, из-за чего я смогла бы изменить о нем свое мнение.

Он рассмеялся. Совершенно не обращая внимания на оглядывающихся завсегдатаев.

— Миели, ты продрогла. А что греет лучше чем вир?

В его глазах зажегся лукавый огонь. Ну уж нет, Ваше высочество. Мы еже поиграем.

Я села напротив.

— Вир так вир. Ты угощаешь. — согласилась я.

Что ж. Я на правильном пути. Вот только смущает то, что от этого откровенного взгляда черных, как сама тьма, глаз, по спине ползут мурашки, а в животе разгорается огонь.

Я вертела в руках шесть исписанных листов из с докладом из моего замка. Как грели душу слова «Мой замок». Прикрыла глаза, наслаждаясь ощущениями. Однажды я вернусь. Это не может длиться долго. Этот холодный дворец, рано или поздно останется в прошлом. Как только мастер получит то, для чего мы здесь, я буду свободна.

Я хотела этого. Раньше. До вчерашнего дня. А сейчас... демон, сейчас уже не могла уверенно ответить хочу ли возвращаться в Вернарию.

И мастер...

А ведь у него свои планы. И не стоит обольщаться. Между любимицей и достижением собственных целей он выберет... ну точно не меня.

Пальцы с силой сжали несчастные листы и я снова вспомнила о послании.

Писал мне мой управитель. Полный отчет о доходах и расходах, сплетни, доклад о поведении герцогини. Похоже, мастер не бросал слова на ветер. Сколько осталось до очередного приема нейтрализатора. Я прикрыла глаза, стараясь сосчитать. Как бы то ни было время пришло отправить ему пузырек и указания. Все действительно было многим лучше, чем я того могла ожидать. На столике лежал не многим отличавшийся отчет привратника. Только в нем был еще список посетителей и содержание бесед, которые они вели с герцогиней. В числе не многих оказался герцог де Вайтен. И расспрашивал он об мне. с чего такое внимание? Человек, который пригласил меня на всего один танец и не проронил ни слова решил узнать обо мне у моей тетушки. Интересно, знает ли об этом мастер? Хорошо, хоть герцогиня не стала своевольничать и ни одним словом не отступила от тот легенды, которой мы придерживались. По словам моего привратника это не очень убедило старика.

Я поджала губы. Все же чего я хотела? Высший свет врядли примет кого-то не узнав о нем побольше. Да и сплетни о моей персоне не самые безобидные. Не удивлюсь если де Вайтен прощупывал Нейторию на внушение. Ну что ж. Пускай. Знает ли старик, что кроме внушения и вмешательства в сознание человека есть еще множества более простых и незаметных рычагов давления? Думаю знает. И не удивлюсь если не успокоится пока не докопается до истины. Если ему позволят...

— Ты напряжена. Дурные новости? — спросила Лайна, заглядывая через мое плечо в бумаги.

Я молча протянула их ей и откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Ничего стоящего внимания. — сказала устало.

— Ты не нравишься мне в последнее время, Сандра.

Я и сама себе не нравилась. Чувство, что тыкаюсь в темноте, подобно слепому котенку, не покидало ни на миг.

— Устала немного. — все же успокоила я ее.

Ее сомнение угадывалось в нервном сопении за спиной. Но я предпочла его проигнорировать.

— Ты приготовила яд для вдовствующей королевы?

Вместо ответа я вытащила из складок пузырек зеленого стекла и поставила на стол, на который потратила почти всю эту ночь.

— Ее смерть будет быстрой? — спросила она, когда он исчез в ее многочисленных карманах.

— Долгой. — ответила я ухмыльнувшись. — И весьма неприятной. Это «Атма».

Тилайна нервно сглотнула. Явно вспоминая, что крылось за этим коротким словом. Нет, Невиайя не покинет этот мир быстро. Она будет оставаться здесь и даже в сознании, пока ее тело заживо не сгниет. И в то же время ее недуг будет так похож на естественный, что никому и в голову не придет проверить ее на яд.

— Мне кажется, или у тебя с ней личные счеты?

— Тебе кажется. — соврала я.

На самом деле я жаждала возмездия. Месть. Сладкое слово, оставляющее на языке незабываемое послевкусие. О! я прекрасно помнила, как корчился Ринемар от яда недалии. Нелепая попытка. Неумелая. И я просто обязана была продемонстрировать Невиайе всю ее ущербность. На ней же.

— Как он к ней попадет? — спросила я поднимаясь с места и подходя ближе к дышащему жаром камину.

— Ее еду и питье проверяют несколько рабынь...

— Я не об этом спрашивала. — оборвала я ее речь.

— Омоложивающее зелье, что готовит для нее ведьмак. — коротко отчиталась она.

Что ж. прекрасно. Даже если кто то и заподозрит неестественность заболевания королевы-матери, то он и станет жертвенным бараном.

— Ты все больше становишься на него похожа. — прошептала Лайна, открывая тайных проход.

— Это плохо?

— Это пугает. — сказала она сдавленно и стена встала на место скрывая ее от меня.

Я тяжело опустилась в кресло и потянулась за графином с соком. Он оказался пуст. Я подхватила графин и направилась в северную часть дворца, где на первом этаже находилась кухня.

Коридор встретил меня таким холодом, что даже зубы клацнули. Пришлось плотнее укутаться в пуховую шаль. Я шла быстро и настолько погрузилась в свои мысли, что толи крик, толи всхлип, резанул по ушам так, что захотелось зажать их. Какого... додумать я не успела. Из темной ниши слева донесся еще один вскрик и я направилась на звук.

Как глупо, мой разум шептал мне, что это не мое дело и не стоит соваться туда, куда не просят. А интуиция вопила, о том, что я просто обязана увидеть, что там происходит.

А ноги просто несли. Не спеша, но непреклонно.

Новый вскрик, громче предыдущего заставил меня ускориться.

Поворот направо. И моему взору открылась картина происходящего.

Мужчина, которого со спины узнать было невозможно, учитывая что единственным источником света был лунный свет пробивающийся в узкую бойницу, и девушка. На миг я усмехнулась тому, чему стала свидетелем и обругала свою интуицию, собираясь уже развернуться и уйти, пока меня не заметили. И тут услышала слабое «Помогите!». И вместе с ним звук рвущейся ткани, резанувший по нервам и всколыхнувший воспоминания, которые я старательно затаптывала, искореняла, убивала в себе.

И вот предо мной уже совсем другие мужчина и женщина. Он прижимает ее к стене силой сжимая горло. Она отбивается, впиваясь пальцами в лицо. И вот у нее получается. Она

раздирает его лицо, и лунный свет вырывает его искаженное ненавистью лицо с кровавым росчерком на щеке. Звук пощечины. Слишком громкий, похожий, на звук похоронного набата. И вот уже мужчина держит меня за волосы, вырывая локоны. Я плачу. А она кричит. Зовет меня тем именем, которое я не хочу слышать.

— Ты ведь не хочешь, чтобы твоей девочке было плохо, правда?

Та, что звала меня Шианной, обмякла. Будто что-то сломалось внутри нее.

— Не здесь. — и это уже не был ее голос. Это был кто-то другой. Но хватка на моих волосах ослабла. Я упала, больно приложившись о земляной пол. И тут же вскочила, бросилась на захлопнувшуюся дверь. Снова. И снова. И еще раз. Чьи-то руки оттянули меня назад. Гладили по голове, пытаюсь успокоить. А я рвалась, выкрикивая что-то, пока из горла не стали вырываться только слабые хрипы.

И вот снова я стою в освещенном лунным светом коридоре. Глаза застилают слезы. Слезы? Я удивленно провела по щеке пальцами и прикусила губу, чувствуя, как рот наполнился кровью. Боль отрезвила. в голове не осталось ни одной связной мысли, будто разум ушел, оставив меня разбираться самой со своими чувствами. Еще не до конца понимая, что буду делать я решительно подошла к ним.

— Прошу прощения, вам не кажется, что ваша дама несколько против, вашего внимания.

И с этими словами снова колыхнулось нечто забытое в груди. я поспешила отрешиться от чувств. Сейчас он не помогут. Только будут мешать.

Мужчина развернулся. Резко, стремительно, как хищник, которому помешали наслаждаться добычей. И тут же оскалился:

— Еще одна вернарская шляха.

Лорд Дегвард де Тайен. Самый близкий друг короля. Краем глаза я заметила, как девушка судорожно пытается прикрыть грудь разорванным платьем. Ларина де Фланкор. Она всхлипывала, сжавшись в комок на холодном камне пола. Ярость затопила мое сознание. Перед глазами встала красная пелена, а по венам прокатилась волна жара, не дававшая нормально мыслить и соображать. И в этот раз я уже не властна была над собственным телом.

Мои руки сами двинули, что было сил в лицо маркизу. По полу со звоном рассыпались осколки разбитого графина. В воздухе разлился запах крови. Не моей крови. Это потом я пойму, что то, что я смогла достать Тайена было просто удачей. Он не ожидал от меня этого, потому и пропустил удар. И едва я собралась ударить его снова, как его кулак врезался в мои ребра. Что то хрустнуло с противным хлопком. Но боли не было. Стало только сложнее дышать и я с утробным рыком снова бросилась на него. Единственным моим желанием было сейчас же разорвать его на мелкие части. Чтобы больше не было и упоминания от этого человека. Человека... Стоит ли он того, чтобы так называться.

И снова я налетела на его кулак. Правда в этот раз удар пришелся на лицо и я отлетела назад на добрых три шага. Теперь я уже чувствовала запах собственной крови. Она капала на холодный камень. И без того не четкие образы залила вязкая жидкость. Мир содрогнулся. Или мне просто показалось. А после, маркиз упал, как подкошенный. А я вскочила и врезала ногой в голову. Демоновы юбки путались в ногах, грозя повалить меня на землю.

— Что здесь происходит? — услышала я за спиной голос, от которого холодели все в королевстве Смелендер.

— Ринемар. — толи подумала, толи сказала я.

И это было последнее, что я смогла произвести, проваливаясь в глубокую пропасть.

— Почти все мой хороший, — бубнила Тартея, ползая на коленях и вычерчивая символы на полу.

Ринемар не подгонял. Он терпеливо ждал, когда она закончит, следя за ее резкими, немного нервными движениями.

Ритуал следовало проводить в стенах дворца. Ближе к источнику. Иначе они могли не только не получить ожидаемого результата, но и погибнуть, если что-то пойдет не так. Для него выбрали одну из камер в заброшенных казематах. Ринемар был слишком спокоен, чтобы обращать внимание на застоявшийся воздух, на шнырявших туда сюда крыс.

Он то и дело насвистывал какую-то мелодию, услышанную намеренно в таверне.

Темный принц, который казалось уже давно ничего не чувствовал, сам не понимал, почему от одного воспоминания о рыжеволосой девице де Роад сердце сбивалось с ритма, а в штанах становилось тесно. Видит тьма, тогда, когда она прижималась к нему, ища тепла и защиты, он едва мог держать себя в руках. Ни одна женщина не вызывала в нем таких чувств. Такого неистового, оупляющего желания. Это смущало. Но ровно до того момента, как она снова случайно попадала в поле зрения. Он сходил с ума, раз за разом представляя, как она стонет и извивается под ним. А это несомненно было бы так.

Ринемар чувствовал в нем темную кровь. Сильную. Древнюю.

И впервые он думал о том, что возможно и не хочет покидать дворец. Возможно он останется здесь. Рядом с ней. И однажды таки сделает своей. Эта мысль разлилась внутри сладкой патокой. О! она будет принадлежать ему. Полностью.

Он покосился на скребущую углем о камень темную. Только сдержит клятву, данную духам. И все.

Наконец она поднялась отряхивая черную крошку с ладоней и широко улыбнулась.

— Уже, сыночек. Давай его сюда.

Ринемар обернулся и схватил за шкуру обездвиженного преступника. Как его звали? Он не спрашивал. Его темная наставница знала свое дело и принц доверял ей.

Мужчина плюхнулся на колени у ног ведьмы и застонал, пытаясь что-то сказать. Можно было только догадываться о чем он хотел просить. О жизни? О свободе? Или легкой смерти? Ринемар поморщился. Если бы выбирал он, то смерть его была бы мучительной и долгой.

Тартея равнодушно толкнула его ногой в грудь и он опрокинулся на спину. Четкими движениями она раскладывала его руки и ноги в нужной позе. Ее лицо не выражало ничего, словно она проделывала ежедневную работу, к которой привыкла. И Ринемар подумал, что наверное ничего толком и не знает о своей ведьме. За что ее потащили на костер. Были ли ее жертвы преступниками, обagrившими свои руки кровью десятками невинных людей, как этот. Или наоборот

— Все. — голос Тартеи вырвал его из задумчивости. — Готов?

Ринемар молча кивнул. Будь жив отец, они оба сидели бы уже в казематах. Точнее только принц. Ведьму бы уже сожгли. Ритуал, который они собирались провести был один из тех, что запрещались законами всех королевств. В частности потому, что в большинстве случаев приводил к непредсказуемым последствиям. И именно они заставляли сомневаться в правильности своего решения.

Темная ведьма подошла к принцу и взяла его за руку.

— Не волнуйся так. Я знаю что делать.

От этих слов стало совсем паршиво, но он кивнул.

— Надеюсь. — его голос показался слишком холодным, слишком напряженным. И ведьма тут же отпустила его руку, будто обожглась.

— Ты можешь еще передумать.

Ринемар застыл. Нет, не может.

— Приступай.

Он не заметил, как в ее руках появился ритуальный нож. Резким движением полоснула себя по руке и передала клинок Ринемару. Он повторил ее движение.

Ведьма и Темный принц одновременно протянули окровавленные руки над жертвой. И она запела.

Слова заклинания лились из нее, как у кого другого простая песня. И Ринемар сам не заметил, как стал ей вторить, с усмешкой узнавая слова колыбельной, которую она пела ему в детстве. Капля за каплей вместе с кровью уходила его сила. Капля за каплей наполнялся рисунок тьмой. Ноги подкосились, но он устоял. В какой-то миг Ринемара потянуло к этой тьме и он сам не понимая, что делает подался вперед, но сухие пальцы его ведьмы с силой сжали плечо, не давая сделать и шага. Она не прервалась. Слова заклинания лились из нее. Она звала. Она призывала. Требовала откликнуться. И принц уже чувствовал силу, которая собралась в печати призыва. Ее было столько, что можно было черпать ее руками. Миг. И она засветилась кроваво красным. Загорелась, выпуская в этот мир пламя нижнего мира.

— Он откликнулся. — устало сказала его ведьма, качнувшись и повисла его плече.

Ринемар не понял, куда девалась жертва, мог только догадываться, что та кучка пепла и есть он. И пепел закружился, поднялся, будто подхваченный вихрем. Взлетел до самого потолка, собираясь в очертания высокой фигуры. И вот уже перед ними стоит тот, кого они звали.

Демон.

Высший демон. Ринемар с интересом разглядывал того, кто пришел на их зов. Высокий, метра два а то и больше, с могучим голым торсом сложенным из одних мышц. Синяя кожа, с черными росчерками рун. Раздвоенный подбородок, широкий приплюснутый нос. Рога, длинной с руку Ринемара немного загнутые вниз. И глаза... в его глазах горело пламя нижнего мира, полностью заменив глазное яблоко.

— Нравлюсь? — Ринемар моргнул. — А вот ты не в моем вкусе.

Демон насмехался. Его голос был как раскат грома, таким, что хотелось зажать уши.

— Зачем ты призвал меня? Чего же ты хочешь от меня, Темный король? Силы? Власти? Женщину? — голос демона стал вкрадчивым. — Или может хочешь увидеться с отцом? Кажется, я видел его недавно.

Ринемар хотел. Так хотел, что даже открыл рот, чтобы об этом сказать, но Тартея не позволила.

— Это не он звал тебя. — сказала она и сделала шаг вперед, не переступая края печати.

— Ты... — разочарованно протянул демон. — Что ты опять от меня хочешь? Или думаешь если родственница, то можешь испытывать мое терпение бесконечно?

— Ты не можешь отказать той, что с тобой одной крови, Бестахар. — усмехнулась ведьма.

— Ишь разумничалась, малявка. — демон так резко нагнулся к ней, что седые волосы ведьмы взлетели вверх. — Ты нарываешься, моя милая.

— Я прошу о помощи.

Как она была спокойна и уверена в себе. Ринемар, как ни старался, не мог разглядеть ни одного признака ее страха перед древним существом.

— Что тебе опять от меня нужно. — устало опустил демон на пол и скрестил перед собой ноги. — Скажи, когда ты уже оставишь меня в покое?

— Родственникам нужно помогать. — усмехнулась она, по птичьей склонив голову к плечу.

— Говори и проваливай. Я уже столько раз пожалел, что связался с твоей бабкой, что даже сложно сосчитать.

Тартея, казалось, пропустила его слова мимо ушей и тем же ровным спокойным голосом сказала:

— Я хочу знать кто та, кого духи хотят видеть королевой.

Демон замер. Повернулся к Ринемару, стараясь, что-то увидеть. Какое-то время он просто смотрел. Молча. А потом расхохотался. Громко. Раздражающе откровенно.

— Король не может узнать свою королеву... — отсмеявшись наконец, сказал он, утирая невидимые слезы. — И духи молчат. Какая забавная ситуация.

— Ты можешь сказать, кто она? — спросил Ринемар отмахнувшись от пытавшейся его остановить Тартеи.

— Ты об этом просишь?

И прежде чем Ринемар ответил, ведьма сказала:

— Я прошу.

— Слушай, ну почему ты всегда портишь мне жизнь. Сама же сказала, что родственникам нужно помогать.

Бестахар поднялся на ноги и сказал.

— Только в этот раз, Тартея. Посмеешь еще раз ко мне воззвать, получишь по шее.

— Клянусь твоими рогами, что больше не призову тебя, Бестахар.

Демон поморщился и кивнул.

— Ты не вечна, милая. И придет время, когда я припомню тебе твою дерзость. — и повернулся к Ринемару. — Ты знаешь, Темный король, что стать королевой Смелендера может только та, что носит в себе кровь королевской семьи Вернарии.

Ринемар кивнул. Он знал. Потому он был так уверен, что это именно Сельвинда. Покойная королева не позволила своему мужу завести бастардов на стороне. По крайней мере он так раньше думал.

— И ты знаешь, что она здесь?

— Да.

— Она носит в себе пламя, подобное моему. Оно спит и она сама еще не знает, какое наследие получила от своего отца. Она так же темна, как и ты.

— Подожди. Разве Ледмарт...

— А разве я сказал, что ее отец Ледмарт? — спросил демон. — Я сказал, что в ней королевская кровь. Подумай сам, Ринемар, чьей дочерью она может быть. И мой тебе совет, подожди, пока в ней проснется дар.

— Почему я должен ему последовать?

— Можешь не следовать. Я и так сделал слишком много хороших дел на сегодняшний

день. Это плохо для цвета лица. А посему позвольте откланяться, — демон отвесил шутовской поклон.

— Ты не скажешь мне ее имя?

— Оно ничем тебе не поможет, Темный король.

— Ты свободен, демон, — сказала Тартея. — Я отпускаю тебя.

Он улыбнулся оскалив длинные белые клыки, будто насмехаясь над ее самонадеянностью и исчез, осыпаясь кучкой пепла.

— Ты что-нибудь понял?

Даже больше, чем хотел бы. И это одновременно и радовало и ставило в тупик. Хотя... Додумать он не успел.

Перед ними сгустилось сизое облако, постепенно обретая очертания женской фигуры.

— Что случилось, Нора.

— Повелитель, требуется ваше вмешательство. Там... леди Роад... — она запнулась.

— Веди. — сказал он и первым выскочил из камеры, оставив Тартею убирать последствия ритуала и запечатывать остаточную энергию.

Ринемар бежал следом за призраком и скребущее чувство тревоги нарастало. Хотелось бежать быстрее, будто он мог опоздать. Об этом ему шептали стены древнего замка. Они злились. И... беспокоились?

В какой то миг замок содрогнулся, повалив с ног принца. Но он тут же подскочил и буквально влетел в узкий переход, что заканчивался тупиком.

Картина, которая открылась ему, на миг вышибла воздух из груди.

Девушка сжавшаяся в углу и свернувшись калачиком, тихо всхлипывала. Распластанный на полу лорд Тайен. И Миелисандра пытающаяся ударить его. Или добить.

— Что здесь происходит? — спросил Ринемар.

Она обернулась. Внутри все оборвалось.

Пол лица девушки заливала кровь, волосы растрепаны.

— Ринемар. — прошептала она едва слышно и начала заваливаться на пол.

Он успел ее подхватить всего в паре сантиметров от пола. Раны на лице видно не было, из-за большого количества крови. Об остальном говорить было еще сложнее.

— Нора, — рявкнул принц так, что девушка в углу перестала всхлипывать и попыталась встать.

Призрак тут же появился рядом.

— Да повелитель!

— Лекаря. И стражу.

— Сию минуту, повелитель. Лекаря для леди Миелисандры?

— Нет. Я сам. — бросил он подхватывая бесчувственное тело на руки.

Нора растворилась и почти сразу появилась дворцовая стража.

— Помогите леди добраться до ее покоев. Лорда Таена под замок, до конца расследования.

Четверо мужчин синхронно кивнули, но Темный принц уже не обращал на них внимания, прыгая через ступеньку по винтовой лестнице, ведущей в его покои.

Мне снился странный сон. Или лучше сказать ужасный кошмар.

Я стояла на самом краю обрыва, а внизу бушевало пламя. Оно рвалось ко мне, пыталось достать. Лизнуть. Накатывало, подобно морским волнам. Я хотела убежать, но смогла сделать только шаг, и уперлась спиной в стену. И потому мое тело горело. Воздух напитался вонью паленой шерсти и горелого мяса. Казалось, кожа лоскутами слезит, оставляя открытую рану сплошь по всему телу. Я хотела кричать, но из горла вырывался только слабый хрип. Как мне хотелось умереть, чтобы закончить эти мучения. Я уже почти решилась прыгнуть вниз, но что-то меня остановило. Присутствие еще одного человека. В двух шагах от меня стоял мастер, в привычном черном костюме и его пламя не обжигало. Он вообще не чувствовал его жара.

Я упала на колени. Хотела заплакать, но и слез не было. Их слизывал раскаленный воздух. Или просто больше не могла плакать.

— Помогите. — прохрипела я, не в силах совладать с выжигающим внутренности страхом.

Он поджал губы и мотнул головой.

— Пожалуйста.

— Не в моих правилах спасать людей от них самих, Миели. Или ты примешь себя такой. Или станешь пеплом.

Качаясь и скрипя, как столетняя старуха, я поднялась на ноги. И еще раз взглянула на того, кого считала самым близким человеком.

— Ну же, моя девочка, не разочаровывай меня.

Великая мать, эти слова имели поистине магическое действие. Я судорожно втянула раскаленный воздух и шагнула в ревящее пламя.

Ринемар сидел в кресле и не спускал глаз с тонкой фигурки девушки, лежащей не его кровати.

Он уже успел оттереть кровь с ее лица и даже подлечить рану. И все же скула багровела огромным кровоподтеком, а в воздухе витал сладковатый запах от которого сводило внутренности.

Еще никогда в жизни Темный принц не был так зол. Более того, он был в ярости и пусть внешне и оставался спокоен, внутри же бушевала настоящая буря. И он прекрасно понимал ее причину.

С тихим шуршанием рассыпалась кладка стены возле пышущего жаром камина, открывая вход в тайные коридоры дворца. И тут же собралась снова, став в точности такой, как была. Но принц не обратил на это внимания, все так же стараясь подавить собственное бешенство. Он знал, кто мог прийти к нему вот так. Спокойно, без страха. Уверенно, как по собственному дому пройти по покоям наводящего настоящий ужас на обитателей королевского дворца, Темного мага.

Тонкие пальцы коснулись головы, слегка массируя и разгоняя болезненное напряжение, сводящее судорогой мышцы.

— Она? — спросила ведьма, перебирая его черные словно смоль волосы и, не

дожидаясь ответа, продолжила. — И правда темная. Как неожиданно. — сказала, опуская ладони на его плечи.

Еще как.

За всю историю Смелендера еще ни разу на троне не сидела королева с темным даром. А если демон не соврал, то и с огнем нижнего мира. Обычно, духам хватало просто королевской крови. Хотя учитывая, что почти два столетия источник сипит, не удивительно, что просто королевской крови духам уже мало.

Тартея хмыкнула. Что за мысли были сейчас в ее голове можно было только догадываться. Спрашивать было бесполезно. Она всегда была сама себе на уме. Говорила только то, что считала важным и нужным. И Ринемар свикся с этим уже давно. Но сейчас он смотрел, как его названная мать, женщина которую он вытащил из костров Храмовников, прохаживается по покоям, склоняется над Миелисандрой, улыбается своим мыслям, и испытывал некоторое раздражение. Непонятное и необъяснимое.

— Кто ее так? — тихо спросила ведьма, и чуть притихшая ярость вспыхнула с новой силой.

Вышедшая из под контроля, Тьма закружила по покоям, закручиваясь в вихри.

— Тише ты. — прошипела темная. — Совсем одичал чтоли? Разбудишь еще.

— Врядли. — сказал принц, резко поднявшись и заложив руки за спину. — Я наложил успокоительное и сонное заклинание. Спать будет сутки так точно.

Тартея улыбнулась, обнажив острые белые клыки.

— Это хорошо придумал. Ей нужно отоспаться. Особенно сейчас. А тебе развеяться.

Развеяться. Да. Ему просто необходимо было развеяться. И он уже знал как.

Ринемар улыбнулся. Или правильной сказать предвкушающее оскалился. Что ж. Он развеется так, что кое кто пожалеет что родился.

Видимо что-то такое отразилось на его лице, что ведьма понимающе ухмыльнулась:

— Только не перестарайся. — напутствовала она, когда его уже окутывала тьма.

Она поцокала языком, глядя, как рассеивается тьма, унося ее подопечного. И вздохнув, присела на край кровати.

— Я готова тебя терпеть только за то, что ради тебя, мой мальчик вспомнил наконец, кто он на самом деле. — сказала она глядя на бледное лицо, с почти черными веснушками, спящей девушки. — Остальное — дело времени.

Ведьма задумчиво провела пальцами по ее щеке и тут же отдернула руку. По лицу девицы зазмеились огненные дорожки там, где только что прикасались пальцы темной. И тут же исчезли. Тартея подула на обожженную ладонь и склонила голову к плечу:

— А будет весело. — улыбнулась она и прошла к столику с напитками, наливая в стакан вир и мурлыкая, что-то веселое под нос. — За короля и королеву Смелендера.

И, отсалютовав собственной тени, залпом осушила содержимое.

Старое кладбище на окраине Смелендра. Давно заброшенное и забытое. Сюда уже некому было приходиться, чтобы посадить цветы на могиле или поправить покосившийся надгробный камень. Те, кто помнил тех, кто покоился в этой земле, уже встретились с ними по ту сторону. А само это жуткое место наводило безотчетный ужас на людей. Его обходили стороной и выписывали защитные знаки Великой матери в воздухе, даже бросив мимолетный взгляд в его сторону.

Храмовники не раз приходили отпевать здесь свои гимны. Творили очищающие ритуалы. Наносили связывающие темную суть, руны.

И что с того получилось? Кто-то верил, что стало спокойно. Кто-то не верил и продолжал дрожать при одном упоминании древнего последнего приюта мертвых.

И только темные знали, что разукрашенный светлыми рунами забор, мог сдержать тьму внутри, но не избавиться от нее.

Ринемар прошел между посеревшими растрескавшимися, присыпанными снегом надгробиями. Его личная тьма по-хозяйски растеклась в разные стороны. Он знал почему людям так страшно вблизи этого места. Оно шептало, стонало, скалилось сотнями неуспокоенных душ, которых лишил покоя еще его предок. В хрониках Смелендерского королевства о тех временах вспоминают, как о мрачных и кровавых. А называют просто Черным Веком.

Черный Век правления Тевласта Смелендерского. Семейные архивы гласят, что он был безумен, хотел вечной жизни и искал ее именно в смерти. Закончились его эксперименты кровавым побоищем после того, как по его воле поднялось из могил неживое воинство. И после того, как их с горем пополам вернули назад, черной лихорадкой, пополнившей последнее, чуть не тремя четвертями жителей Седмелена. Закончил свою жизнь он, как и полагается в своей постели в не очень глубокой старости.

Все же Смелендерский трон не то место где сможет усидеть подобный человек.

Темный принц глубоко вдохнул холодный воздух. Даже зимой здесь пахло тленом. И смертью.

Что ж, затем он и пришел.

При воспоминании о де Тайене, в груди снова обжигаяще полыхнуло. Раньше он не позволял себе ненавидеть. Наверное потому, что он вообще предпочитал не чувствовать. И прекрасно с этим справлялся до недавнего времени. Но об этом потом. Он здесь для того чтобы мстить. И месть его будет сладкой.

Когда-то Тартея говорила, что нет ничего слаще мести. Она как сладкий хмельной мед. Сначала вдыхаешь пряный запах, предвкушая, после делаешь несколько глотков, наслаждаясь вкусом. И наконец хмелеешь. Ринемар предвкушал. Он уже представлял, как расквитается с Тайеном.

Раньше он спускал ему все. И насмешки, над его худобой, присущей южанам. И презрительные взгляды. И даже замечания о незаконнорожденности Темного принца. На это он мог закрыть глаза.

Ради Тегдадрда, совершенно незаслуженно ценившего графа де Тайена. За умение пить, гулять, любовь к женщинам и охоте. Больше его ценить было не за что. Но в спокойное время при дворе, где все дела государства взвалил на себя старший брат, умение веселиться стало, как оказалось, более ценным навыком, чем знание законов собственного королевства. За это графу прощалось многое. Изнасилованные служанки, искалеченные слуги и поруганная честь юных придворных леди. И в этот раз, во тьму заглядывать не надо, чтобы сказать, что ему все сойдет с рук. Если уже не сошло. От мысли, что старый недруг уже смывает с себя грязь казематов и возможно даже задирает юбку очередной служанке, темный скрипнул зубами.

Возможно, в этот раз ему и сошло бы с рук даже такое. Но ублюдок покусился на то, что для Темного принца с некоторых пор стало слишком ценным. На Миелисандру. Он не мог сказать, когда именно она приобрела эту самую ценность. И наверное понял бы еще не

скоро. Если бы...

Вспоминая окровавленное тело, что Ринемар холодея от страха тащил на руках, прислушиваясь к ее дыханию, снова вышибло воздух из легких. И пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть, чтобы рассеялись алые точки перед глазами.

Дверь склепа поддалась не сразу. И открывалась с мученическим стоном. Если кто-то проходил в этот момент мимо старого кладбища, то определенно поседел и начал заикаться.

Старый, с низками паутины, свисающей клочьями с потолка, растрескавшимися стенами и лопнувшим гробом в центре склеп. Любой темный захлебнулся бы от того, что витало в воздухе. Ринемар не зря выбрал именно это место. Во первых, здесь легче было призвать ту, кого он выбрал для того, что собирался сделать. А во вторых, он был слишком зол, чтобы быть уверенным в том, что совладеет со своей тьмой и не натворит бед, как его предок. Как бы там ни было, в случае чего охранные руны сдержат то, что может выбраться из прорыва между мирами.

Темный принц прошел по склепу, и остановился, тонко чувствуя самое подходящее место, для ритуала. Чиркнул огнивом, зажег свечу и ткнул ее в подставку, которой не пользовались уже лет сто. А может и того больше. Здесь можно было обойтись без печати призыва. И все же он начертил защитный круг, внес знаки вызова и подчинения. Уверившись в правильности всех рун, полоснул по запястью ножом и начал шептать слова заклинания. Черная в полумраке кровь, потекла повторяя контуры нанесенных знаков. Тьма заворочалась, заklubилась. Взвыли неупокоенные души, почуяв запах живой силы. И даже стены склепа застонали и отряхнули треснувшую штукатурку. Но Ринемар не сбился. Сила лилась из него и он отдавал не жалея.

Он резко умолк, вливая щедрую долю собственных сил и руны полыхнули огнем.

Темный принц с улыбкой смотрел на ту, что откликнулась на его зов.

Корха.

Корхи — это мелкие демоны. Чем-то похожие на кошек, размером с среднюю собаку. Но кошкой их мог назвать разве что слепой.

То, что пришло на зов темного, было полностью покрыто темно-красной чешуей, и размахивало голым крысиным хвостом. Ее глаза полыхали алым, а пасть щерилась набором острых клыков размером с палец. Она была тощей, настолько, что ребра выдавались при каждом вдохе. Еще бы. Питались же они кровью, страхом и болью. В нижнем мире этого было хоть и в достатке, но и охотников всегда хватает. А таким мелким, как корха, достаются разве, что объедки.

— Голодна? — спросил Ринемар слизывая кровь и заживляя рану на запястье, чтобы не дразнить и без того беспокойных жителей старого кладбища.

Корха в ответ заурчала и вдвое быстрее завиляла хвостом.

— Иди сюда. — подозвал он ее стирая край защитного круга.

Нежить опасно переступила и сразу же потерлась о ногу Ринемара, признавая в нем высшего. Он почесал ее за ухом. Чешуя оказалась теплой и шершавой.

— Ешь только того, кого я разрешу. — жестко приказал он, затягивая заклинания подчинения на ее шее сильнее.

Она заурчала. Похоже, бедняга была готова согласиться на что угодно за еду.

— Вот и славно.

Ночью королевский дворец Смелендера огласил истошный мужской крик.

Слуги, выломавшие дверь через пол часа, нашли лорда Дегварда де Тайена, седого, обескровленного и с выражением ужаса на посиневшем лице.

Ринемар смотрел на суетящихся придворных и перепуганных, до икоты, слуг, облокотившись о косяк двери, в покои... или скорее уже бывшие покои де Тайена. Да, Тартея была права, месть действительно похожа на хмельной мед. И сейчас он был пьян. Он даже не озаботился тем, что от его перемещения во тьме, побелела еще пара и без того дрожащих от ужаса слуг.

Сейчас он хотел одного. Оказаться поближе к той, что заставляла его сердце биться неровно и гулко. Все остальное терпит.

В родной башне было непривычно тепло и душно. А еще странно пахло, цветущими абрикосами. Но он готов был потерпеть. Ради нее.

Она спала. Морщилась во сне. Недовольно сопела.

Никто не притронется к его женщине. никогда не притронется.

Он сбросил камзол на спинку стула. Стащил сапоги. И забрался под одеяло. Она заворочалась и прижалась к нему. Ее тело показалось неестественно горячим. Ринемар задохнулся, впитывая тепло, исходившее от нее. И легонько подул в опухшее от побоев лицо. Похоже, Тартея успела ее оттереть и даже переодеть в сорочку.

Отек сошел, оставив только желтоватый след, на скуле и под глазом.

— Я нашел королеву. — одними губами прошептал он.

Знали ли духи, что он не сможет отдать ее брату? Знали. Конечно, знали. Права была Тартея, не ему тягаться с существами древними, как сам мир.

Словно услышав его мысли, согласно заурчала сытая и довольная корха, растягиваясь возле камина и вывалив длинный раздвоенный язык.

Синее сияние резануло по глазам. Слишком яркое, для ее привыкших к вечной тьме глаз.

Старая ведьма ненавидела эти вынужденные визиты. Каждый раз она чувствовала себя бессильной. И это злило. Она, в жилах которой текла кровь древних существ, некогда пленивших весь мир, обязана была преклонять колени перед ним. Ее темная сущность бесновалась. Но он крепко держал ее. И каждый раз приходилось напоминать себе об этом. Приходилось, сцепив зубы, и затолкав гордость подальше приходиться к нему на поклон.

Темная выдохнула и ступила в проход.

Столько лет она приходила сюда. Пора привыкнуть. И все же каждый раз ей не удавалось совладать с обжигающим внутренности гневом.

— Рад видеть, ведьма. — тихий голос того, кому она уже много лет служила, резанул по ушам.

— Не могу ответить тем же. — буркнула она, не открывая глаз.

Щелчок. В воздухе повис запах потухших свечей.

— Так лучше? — спросил он.

— Намного. — ответила ведьма и наконец смогла открыть глаза.

Она, та которая уже много лет вглядывалась во тьму, спрашивая и получая в ответ серые тени, испытала некоторое подобие благодарности. темнота привычно обрисовала контуры и очертания предметов. Нет, она конечно, могла привыкнуть и к свету. Но так было удобнее. Так она чувствовала себя уверенней. В темноте она сильнее, чем тот, к кому она пришла. По крайней мере, хотелось так думать.

Когда-то давно она решила, несмотря ни на что, вести себя так, как равная ему. Но чем дольше они были знакомы, тем отчетливей было осознание собственной беспомощности. Не раз она сама себе казалась рыбой, которую держат за жабры. Ее демоническая кровь вскипала, от этого сравнения. Но что сделаешь?

— Итак, моя хорошая, чем порадуешь старика?

Старик. Ведьма едва смогла сдержать смешок. Он был всегда таким. Сколько она его знала. А знала давно. Еще с тех проклятых пор, как впервые ступила на земли Вернарии. В который раз послушала свое сердце. И он был таким же. Тогда, когда никому не известная ведьма, рыскала по Гекширу в поисках младшей представительницы своего рода.

— Скажи мне, почему ты до сих пор не занял трон? Я уже много лет задаюсь этим вопросом и все не могу понять. Тебя не угнетает необходимость преклонять колени перед этой тощей рухлядью?

Ведьма не спускала глаз с собеседника. Вглядывалась в огонь из которого и была соткана его душа. Темный. Точно как и она. Но более хитрый и изворотливый. Потому и удалось обмануть ее. Самоуверенность стубила не одно поколение темных ведьм. Ее жертвой пали мать и бабка. А она запугалась в искусно сплетенной паутине.

Пламя в его глазах полыхнуло сильнее и ведьма довольно рассмеялась.

— Угнетает. — констатировала она.

— Не спорю. — подтвердил он. — Но это совершенно не твое дело. Так с чем пожаловала, моя радость?

Ведьма опустила в кресло. Перевела дыхание стараясь совладать с раздражением. Оно душило ее. Как и этот лорд. Но мысль о том, что однажды она отплатит ему за все, грела и успокаивала.

— Ты напряжена.

— Как моя внучка? — задала она самый важный для нее вопрос.

— Ты еще не сказала ничего, что могло бы дать тебе право задавать вопросы.

Ведьма шумно перевела дыхание.

— Но я отвечу. С ней все в порядке. Жива, здорова и довольна жизнью. Итак...

— Я говорила с дедом. — начала ведьма, стараясь совладать с собственным, дрожащим от гнева, голосом.

— Он сказал кто королева?

— Нет, конечно. Не был бы он демоном, если бы взял и выложил все сразу. Намеки и подсказки, все на что я могла рассчитывать. Но мой мальчик, и так справился. — Тартея замолчала на мгновение и закончила, выдохнула. — Это пигалица де Роад.

В глазах собеседника снова полыхнул огонь. И губы растянулись в довольной улыбке, в темноте показавшейся жирной пиявкой на сером лице.

— Ты заешь. — догадалась темная. — Знал и раньше?

— Догадывался.

— Одна из твоих воспитанниц?

— Не слишком много вопросов, ведьма?

Она умолкла. И тут же снова заговорила, стараясь сохранить самообладание.

— Я хочу забрать внучку.

Лорд поднялся и прошел по кабинету. Тени смазались, спрятали его лицо.

— Почему ты никогда не спрашиваешь о дочери, Тартея?

Потому что это слишком больно. Однажды ее дочь ушла. Слабая человечка, не унаследовавшая и капли силы, которая по праву рождения текла в жилах многих поколений темных ведьм. Зато ей в полной мере достался скверный характер, не раз портивший жизнь женщинам ее рода. Воспоминания, от которых она бежала столько десятилетий, вспыхнули, как сухой тростник.

Тогда она была еще молодой ведьмой. Поколения илларийских темных, что жили и процветали на берегах теплых морей. Вспыльчивых и страстных южанок. Что ж, годы проведенные в Смелендере исправили это. Заморозили. Вытравили эмоции. И все же она еще помнила. Сколько ей тогда было? Двадцать? Двадцать пять?

Он был илларийцем. Единственный о ком она по сей день вспоминала с тоской. Это было лишающее разума чувство. Высокородный. Выбравший долг, а не ее. Забравший дочь, которую она ему родила. Хотя... Нейтория ушла сама. Все же она была больше человеком. Тартея пережила эту боль, разом потеряв их обоих. После она отомстила ему, забрав его жену и двух сыновей. Дед мог гордиться темной. Она была жестока, как истинная демоница в своей мести. И уже не молодому герцогу пришлось признать свою единственную, пусть и незаконнорожденную, дочь. Знала ли ее девочка, что всем что получила, обязана отвергнутой матери? Знала ли, что трем поколениям темных пришлось уйти далеко на север, спасаясь от гнева ее отца? Возможно, догадывалась. Возможно, нет. Тартея не думала об этом. Кровь темных была сильна в ней. Больше, чем она хотела бы. Только темные ценят свое потомство выше всего. Жаль, что ее дочь простая человечка. Бездарно растратившая

жизнь, которую ей преподнесли на блюдечке. Вышла замуж в Вернарию. Стала герцогиней. После любовницей короля. И что в конце? Молодой мелкий дворянчик, что сделал ей ребенка и сбежал. Как же его звали? Валон? Вайлон? Вайтен? Демон с ним. Результат от того не изменится. Ее дочь растоптала сама себя, избавилась от незаконнорожденной дочери. Благо не более радикально. И теперь она подышает в собственном замке забытая всеми сиятельная герцогиня.

Ведьма сжала челюсти. Клыки больно впились в губу, а во рту появился вкус крови. Сладкий. Для ее демонической сущности он был несказанно сладок. Но были и еще недостатки в наследии демонов. Слишком привязаны к потомству. Как и темные.

Не будь она на четверть демоном не пришлось бы гнуть спину перед этим человеком. Хотя справедливо ли его так называть?

— Я хочу забрать внучку. — повторила она едва справляясь с раздражением.

— Нет, Тартея. Пока девочка побудет под моей опекой. — сказал он не поворачиваясь. — Я хочу быть уверен, что ты будешь верна мне.

— Зачем это тебе? Что ты получишь в результате? Свою марионетку на троне Смелендера? — выкрикнула она, все же дав волю душившему раздражению. Вскочила, призывая силу. И завизжала, когда глаза обожгла яркая вспышка.

Горячие ладони легли на плечи корчащейся от боли ведьмы. Лицо обожгло жаром его дыхания и все существо, тьма, что всю жизнь верно служила ей, сжалась в маленький скулящий комок.

— Тартея, милая, — прошептал он у самого ее лица. — не одна ты заботишься о потомстве.

Видят боги, по утрам, я жалела, что Тайен меня не добил. По крайней мере, не пришлось бы так мучиться.

Голова раскалывалась. Во рту словно огнем жгло. Потому там было сухо и на языке присутствовал привкус паленого. Каждый вдох отдавался ноющей болью в боку, а выдох сопровождали взрывами в висках.

Казалось, что вчера я перебрала вира. И только память, услужливо напоминала, что это не так.

Сейчас, лежа с закрытыми глазами, я все пыталась понять, что на меня нашло? Почему не прошла мимо? И как я все объясню мастеру? Эта мысль оказалась, как ушат холодной воды. И я не смогла сдержать мученического стога.

— Плохо?

Глаза открылись сами. Мгновенно.

Мда. А думала, что померещилось. Оказалось вот как.

Его высочество Темный принц, сидел в кресле и грыз яблоко. Рубашку одеть он не потрудился и я имела возможность насладиться видом вполне себе прилично сложенного мужского тела. Не будь мне так не хорошо, возможно бы даже получила от этого некое эстетическое удовольствие. А так... отметила разве, что Ринемар не пренебрегает тренировками и до странности смуглый. Что для смелендерцев вообще нонсенс. Они в большинстве своем даже летом остаются белыми, как снег.

А вот задумчивый взгляд моего, видимо, спасителя, проигнорировать увы было нельзя. Но вместо того, чтобы сказать хоть что-то, получилось разве что не то промычать, не то прохрипеть.

— Да! Мог бы и не спрашивать. — сказал его Высочество оценив мои потуги.

Он отложил недогрызенное яблоко, встал и налил в стакан что-то вязкое и с запахом подозрительно напоминающим протухшие яйца. Запах был до того сильный, что желудок тут сжался.

— Пей. — протянул он это нечто мне и оценив весь скепсис с которым я посмотрела на предложенное, добавил. — Давай-давай. Ты мне сегодня нужна красивая и свежая, как первый крокус на склоне гор.

Поморщившись и приняв стакан, все же решила не заострять внимания на тошнотворном аромате и выпила содержимое залпом. Если это был яд... боги, столько проблем бы решилось сами собой.

— Демон! — выругалась я едва не начав отплевываться прямо в постели.

— О! заговорила. Уже лучше. — и перевернул маленькие песочные часы на столике. — Вот! пять минут и будешь, как новая.

Меня гложил сомнения. Хотя нужно сказать, действительно постепенно боль отступала, тело становилось легче. И даже мысли стали выстраиваться в более-менее ровные шеренги. Средство было и правда что надо.

— Зачем я тебе свежая и красивая. — выхватила я первую попавшую мысль.

— Милая моя, ты мне сойдешь любая. Но вот явиться в Храм должна во всей красе.

— Что? — моя хваленная выдержка сдала. Глаза округлились и единственное, что я еще

могла добавить, было. — Зачем?

— Похорон нынче.

Сначала я опешила. А потом. Наверное, все же нервы расшатались, потому что засмеялась. Истерично. До слез.

Ринемар задумчиво почесал подбородок.

— Нет, я конечно де Тайена тоже не очень любил. Но так не радовался.

Смех оборвался так же внезапно, как и начался.

Де Тайен отправился за грань.

Демон! Плохо. Очень плохо. И все бы ничего, если бы никто этого не видел, то возможно получилось бы отмахнуться. Ринемар если еще не выдал, то делать этого и не станет. Или ему что-то нужно? А вот де Франкор... что я о ней знаю? Юное воздушное создание, краснеющее и закусывающее губу от каждого неловкого слова. Было ли чем ее припугнуть? Спрошу Лайну. Она то все сплетни собирает. В крайнем случае, буду давить на жалость. Все же я защитила ее честь...

— Смотрю на тебя и мое сердце поет. — мурлыкнул Ринемар — О чем ты так напряженно размышляешь?

— Да вот интересно: меня четвертуют, повесят или сожгут? Друг короля все же.

— И как в такую прекрасную голову влезают столь ужасные мысли? — задумчиво сказал Ринемар, присаживаясь рядом.

Он провел пальцами по щеке, которая несомненно была украшена внушительным синяком. Я непроизвольно дернулась. Не потому, что было больно. А потому, что от такого нехитрого жеста, сердце ухнуло в живот. А чем это могло обернуться, не сложно было догадаться. Он же понял это по-своему. На гладко выбритых щеках заходили желваки. А в глазах, черных, как сам мрак, полыхнула злость.

— К тебе больше никто, никогда не прикоснется, Миели. Даю слово темного мага. — сказал он чуть не рыча. И уже спокойней добавил. — К тому же лорд Тайен раскаялся в содеянном. И так мучился угрызениями совести, что умер в своей постели.

Угрызениями чего? Какая совесть у этой мрази? Но от слов этих от сердца отлегло. Стало спокойней.

Оценив перемену моего настроения, Ринемар кивнул и достал из кармана брюк пузырек зеленого стекла. У меня сердце ухнуло повторно. На этот в пятки. Неужели тот самый сядом? Но я не выдала себя на этот раз и жестом. Даже дыхание не сбилось. Только вопросительно подняла бровь.

— Передашь это Сельминде. — толи спросил, толи приказал он.

— Яд для королевы? — хмыкнула я не совсем понимая, во что меня втягивают.

— Зелье от ее недуга. — рассмеялся он. — Передай. У меня не возьмет и дальше будет мучиться.

Я кивнула. По-моему получилось не очень уверенно, но пузырек все равно вложили в мою руку.

— Нужно собираться, Миели. — сказал он поднимаясь и меня окутала тьма до того, как я успела хоть что-то сказать.

Тилайна была зла. Может кто-то кто ее не знал, мог бы и не увидеть этого. Но я то

знала.

Она сидела в кресле, закинув ноги на столик и метала ножи в прикрепленный над камином портрет. Изображено на нем было нечто, что лично мне напоминало что-то среднее между собачкой и крысой. И видимо было домашним любимцем кого-то из венценосных особ.

На мое необычное появление подруга никак не отреагировала. Разве что очередной нож немного сбился с намеченного курса и впился не в морду, а в туловище.

— Помоги собраться. — прервала я тишину, в которой только слышны были методичные щелканья впивавшейся в портрет стали.

Тилайна встала. Собрала ножи и села обратно.

Злится.

Что ж. злись и дальше.

я прошла к шкафу и распахнув дверцы задумалась. Что там одевают на похорон в Смелендере?

белое. Точно белое.

И у меня было одно единственное платье. Правда, с черной вышивкой по подолу, но это уже мелочи. А вот то, что оно открывало плечи и имело вполне себе нормальное декольте...

— Могла бы сообщить, что кувыркаешься в постели Его Высочества. — сказала Тилайна обманчиво спокойно и продолжая щелкать ножами.

Интересно, сорвется или нет?

— Не сложилось с кувырканием. — между тем сказала я. — Я вчера получила по физиономии от де Тайена и провалялась всю ночь в бессознательном состоянии. А сейчас жажду знать, что происходит во дворце.

— Как ты вчера могла получить по физиономии, если он уже сутки как отправился к богам? — спросила Лайна, но метать сталь перестала.

Это значит не сутки...

— Меня небыло два дня? — переспросила я, уже не доверяя самой себе.

— Где-то так. Так что случилось?

Я как раз выползала из рубашки и натягивала исподнее, а за ним и платье, потому могла не отвечать сразу. Отвечать, если честно, вообще не хотелось.

— Это терпит. Я жива и здорова. — соврала. Ребра еще болели. — Так что во дворце.

Лайна мне не поверила, но все же начала говорить.

— О том, что де Тайен того, — сделала он определенный знак рукой, — ты в курсе. Сельминда корчиться и блюет. Невияя выпила вчера зелье. Через сколько оно действует?

— Два-три дня. От организма зависит. — ответила я подставляя ей спину, чтобы затянула шнуровку.

Лайна послушно задергала ленты, между тем продолжая.

— Король пьет и страдает. Или страдает и пьет. Говорят, что он определил каким-то образом присутствие некой твари в покоях лорда. И теперь ищет крайних.

От этого мне стало не по себе.

— И что?

— И пьет. Пока крайней определили Бенерису де Санторин. И она сегодня всю ночь замаливала сей проступок в спальне его Величества. Все. — сказала она завязав наконец шнуровку и расправив платье сзади. — Тебе не идет белый. На моль похожа.

— Знаю. Что сделать?

— Синяк на лице замаскировать.

— Тащи пудру. Быстрее, пожалуйста.

— Ой, его еще сутки мариновать будут, пока брат не придет за телом, так что успеешь. — догадалась она к чему такая спешка.

— А с чего это именно Бенерисса стала жертвенным бараном? — спросила я забирая коробку с пудрой остро пахнувшей цветами.

— Потому, дорогая моя Сандра, что королю донесли, что де Тайен накануне своей кончины имел неосторожность связаться с некоторой леди. И, видимо, допрос ждет не одну де Санторин.

Надеюсь, не в подобной форме.

В дверь постучали и не дожидаясь разрешения вошли.

Тилайна присела в книксене, я в церемониальном реверансе.

Ринемар кивнул ей, улыбнулся мне. Даже вопреки традициям собственного королевства, принц остался верен себе и был весь в черном, разве что вышивка на камзоле и пуговицы были серебряными.

— Готова? Хорошо. — окинул он меня оценивающим взглядом.

— Ты собираешься появиться среди придворных со мной вместе?

— А что тебя смущает? Официально, ты теперь моя невеста.

— С каких это пор? — ошарашено спросила я.

— Со вчера. Тегдард поставлен в известность и помолвка одобрена.

Я бросила злой взгляд на Тилайну. Та еле сдерживала улыбочку. Мстит. Как мелко.

— Прекрасно.

— Я тоже так думаю. Кстати тебе не к лицу белый.

— Знаю

— Но мне нравится. Что-то в этом есть такое... — мурлыкнул принц и положил мою ладонь на свой локоть.

Мысли предательски разбегались. Во всем были свои плюсы и минусы. Плюсы были очевидны. Я стану официально женщиной второго, после короля, человека в Смелендере. Не просто женщиной, а возможно, даже женой. Почему возможно, потому, что я не была уверена ни в чем. По крайней мере одобрение наставника я уже получила. С остальным справлюсь. К тому же подобная новость вызвала ничем не оправданное ликование. Которое я постаралась тут же задушить на корню. Не хорошо это. Следует держать себя в руках. К тому же мне не известны были причины, по которым Темный Принц решил обзавестись невестой. И от этого противно скребло в груди.

Минусы. Они были не столь очевидны и местами, даже предугадать, как отреагирует королевский двор на очередной заскок своего принца, было невозможно.

Впрочем прямо сейчас и узнаю. Я прикрыла глаза, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

— Ты главное не волнуйся. — прошептал он на ухо и я резко выдохнула..

Все потом. Разбираться с проблемами нужно по мере поступления. И даже с тем, что от этого шепота снова сердце помчалось вскачь, вышибая мурашки вдоль позвоночника.

— Да, Ваше Высочество. — ответила сквозь зубы, растеряв снова все спокойствие. — Как скажете.

Пиршественный зал Смелендерского дворца наводнили придворные и, решившая проводить в последний путь благородного лорда и лучшего друга короля Дегварда де Тайена, знать. Все до одного в белом. Женщины без лишних украшений и белыми покрывалами на головах. Мужчины с родовым оружием на поясе. И все как один с мрачными лицами. Скорбели ли они на самом деле или думали, чего ожидать от столь неожиданной перемены при дворе, понять было сложно. Или раздумывали о том, кто займет его место? Столь хлебное место долго пустовать не будет и каждый из присутствующих уже примерял на себя роль королевской правицы. Висевшее на стенах оружие было перевязано белыми же лентами. Канделябры чадили ароматными свечами. От чего дышать было вообще невозможно.

— А забыл. — резко остановился Ринемар у входа в зал.

И не успела я и рот открыть, как на палец скользнуло кольцо с довольно большим и подозрительно знакомым черным камнем.

— Теперь я смогу говорить только правду? — хмыкнула я скосив глаза на камень.

Принц отрицательно мотнул головой. И все. Ни слова больше.

Он вообще казался напряженным и нервным. И эта нервозность передавалась и мне. Боги светлые! Во что я лезу? А главное — зачем?

Но меня похоже спрашивать никто не собирался. Принц вернул мою ладонь на свой локоть и решительно шагнул в пиршественный зал.

Гомон стих мгновенно. Придворные один за одним поворачивались в нашу сторону, лорды сгибались в поклонах, леди приседали в реверансах. Я с некой долей удовольствия наблюдала, как выражения на их лицах сменяется с ошарашенного на озадаченный. Кажется, мы умудрились даже похорон покойному испортить. Теперь все будут ерзать от нетерпения обсудить нашу связь, а не молиться богам за справедливый суд для души де Тайена. Гадать, что значит наше появление на людях вот так, открыто. И примерять на меня роль толи любовницы, толи невесты. Толи просто разовой постельной грелки. Вон как полыхнули гневом глаза королевы матери. Того гляди сожжет меня на месте. увы, я воспламеняться не собиралась, более того обворожительно улыбнулась, глядя ей просто в глаза. От чего Невиайя пошла красными пятнами, а скрип ее зубов слышен был даже через весь зал. Ее фрейлины, пользуясь тем, что стояли достаточно далеко тут же зашептались, на зависть тем, кто стоял ближе и боялся быть услышанным.

Но неловкое молчание продолжалось недолго.

Уже через секунду в зал буквально влетел король, как не странно тоже в черном. Вид у него был не самый лучший. На лице отпечатались следы недавнего возлияния и весьма бурной ночи. Мешки под глазами, уставший взгляд и хмурая складка между бровями. Брови сошлись еще ближе едва он бросил взгляд на мою руку. А точнее на кольцо на пальце. И я даже забеспокоилась, кабы не разразилась буря. Но обошлось.

— Другого времени не нашел? — спросил он так, чтобы слышал только мы, обдав нас при этом запахом свежего перегара.

Ринемар невозмутимо пожал плечами.

— Ты знаешь, что я не привык тянуть. Да и не вижу причин, если честно.

Его величество поджал губы и резко отвернулся. Стремительно выбегая из зала, а после из дворца.

К Храму полагалось идти пешком. В морозный день, пусть и довольно солнечный, похоронная процессия вместо священного трепета вызывала только жалость. И пусть мужчины еще кое-как держались, леди дрожали, и ворчали что-то себе под нос. К середине пути кто-то даже уже позволил себе выругаться. Но едва в поле зрения появились ступеньки Храма, как все напустили на себя скорбный вид и довольно внушительная толпа онемела.

— Вышей это. — сказал Ринемар, чуть придержав меня и пропуская вперед пару каких-то молодых и совершенно не знакомых вельмож.

В руках он держал некий пузырек и едва снял с него крышку я уловила запах давешней отравы, восстанавливающей силы. И, не удержавшись, все же поморщилась.

— Может, обойдемся. Я вполне нормально себя чувствую.

Ответом мне стал такой взгляд, что руки сами все сделали. И пузырек забрали и ко рту поднесли. И даже прижались к губам, чтобы треклятая гадость не вернулась обратно.

— Какая ты у меня умница, — хмыкнул Ринемар, ступая под свод Храма со мной об руку.

Я себя таковой не считала. Мне вообще было как-то не по себе. Зрело чувство, словно со мной играют в игру, ни правил ни цели которой мне не поведали.

В Храме мужчины и женщины разошлись в разные стороны. Леди справа, лорды слева. Я устроилась в самом конце у двери.

Едва переступив порог святилища мне резко стало не хорошо. В глазах поплыло, а уши заложило и звенело на одной противной ноте.

«Все же отравил» — подумала я.

На меня накатила такая слабость, что даже по сторонам посмотреть сил не было. Как сквозь толщу воды, до меня доносились слова короля о заслугах и достоинствах покойного. Кто-то всхлипнул и звук этот показался таким резким, что я поморщилась. В голове начинало гудеть. Ноги ослабли и мне стоило невероятных усилий устоять на месте. Кажется, я даже до крови закусил губу, потому как во рту появился соленый привкус. Дальше было хуже. Храмовник завел молитву. Каждое слово било раскаленной плетью. Грудь опаляло жаром. И мне уже было плевать на то, что кто-то смотрит на меня. Я мечтала о том, как бы выбраться отсюда. Сбежать подальше, чтобы не слышать и не видеть ничего. В такт очередной строфе гимна по телу прокатилась такая волна жара, что я испугалась, что сгорю просто здесь.

«Да чем он меня напоил таким?» — мелькнула в голове мысль и тут же погасла за очередной вспышкой боли.

Неосознанно я вцепилась в рукав леди, что стояла немного впереди, даже не способна разглядеть ее лицо.

— Леди де Род, Вам дурно? Нужна помощь? — спросил высокий женский голос.

«Очень!» — хотела сказать я, но лишь согнулась пополам от очередного приступа. И на миг мне показалась, что по подолу платья поползли язычки пламени.

Воспоминания о сне, который я успешно выкинула из головы, нахлынули тут же. А вместе с тем и весь ужас того, что могло сейчас случиться.

— Я сам. — странно, а голос своего жениха я слышала особенно отчетливо. Даже чуть вибрирующие беспокойные нотки.

И снова меня накрыло волной боли. Потерять бы сознание. Да видно боги решили наказать меня за все, что я сотворила за всю свою жизнь и что сотворю в будущем.

Я тихо всхлипнула, когда он прижал меня к себе и нас окутала тьма.

Последней связной мыслью было то, что за такое в Храме по головке не погладят даже принца.

И все.

То что происходило дальше описать было невозможно. Нужных слов я просто подобрать не могу. Меня ломало, выкручивало, жгло каленым железом, при том изнутри. Казалось по телу пробегают огненный сполохи. Или может не казалось. Я то теряла связь с реальностью и оказывалась снова на скале или в бушующем пламени, то снова было приходила в себя. Даже видела обеспокоенное лицо Ринемара. То глохла, то слышала, как бьется его сердце.

«Я умираю» — внезапно мелькнуло в голове. И снова боль. Снова бушующее, ревущее, голодное пламя.

— Мы не перестарались? — донесся до меня обеспокоенный голос Ринемара.

Ответил ему чуть хриплый женский:

— Что ей станется? Еще немного поломает и отпустит.

«За грань» — подумала я. И неизвестно откуда взялась злость. Да что им от меня нужно? Что я такого сделала лично им?

Странно но вместе со злостью появились и силы. Я даже смогла открыть глаза и тут же пожалела об этом. В них словно песка насыпали. И без того не четкие образы троились. И я снова зажмурилась. Зато звуки стали четкими до невозможности. Я слышала не только голоса тех, кто находился рядом. А так же их дыхание, биение сердец. Это было непривычно и пугающе. Все это было страшно.

— Полная луна уже сегодня. И они придут, Ринемар. — между тем продолжала женщина.

— Они уже не раз приходили. Можно было подождать пока она сама...

— И смотреть, как тебя и дальше корчит? Ладно, не хмурься. Уже почти все. И... Рин, я хочу поговорить с тобой перед обрядом.

Принц шумно перевел дыхание. И я уже слушала звук удаляющихся шагов.

Боль и вправду стала отступать. Понемногу. И в какой то момент сошла на нет. Словно огонь, который сжигал внутренности... нет не потух. Правильнее сказать горел размеренно и спокойно. Вместе с кровью тек по венам. Он не туманил разум. Наоборот. Я постепенно приходила в себя.

Смогла даже оглядеться. Мельком отметила, что снова в покоях принца. И все же усталость взяла свое. Я уснула. Вернее провалилась в сон, наполненный тьмой и шепотом. Но мне было спокойно там. Эта тьма была родной и теплой. Успокаивающей и исцеляющей.

— Просыпайся.

В мой сон проник голос Ринемара и легкое почти невесомое касание к щеке.

Поначалу я даже подумала, что мне это снится, но уже через мгновение унюхала одуряющий запах еды и желудок буквально взвыл, напоминая, что ему давно ничего не перепадало. Этот вой игнорировать было сложно, потому я нехотя открыла глаза и снова потянула носом.

Покои принца застлала сумерки. Вечерние или утренние понять было сложно.

Ринемар сидел рядом. И от одного взгляда на него, вся умиротворенность слетела на нет. На ее место пришла вполне обоснованная злость. На него, что опоил меня неизвестно какой гадостью. На себя, потому что эту самую гадость выпила. На ту, что была здесь пока меня корчило от боли. На нее особенно почему-то. Какого демона она вообще делала в покоех того, кто был теперь моим женихом? Я неосознанно скрипнула зубами.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Ринемар, помогая мне сесть и ставя столик с подносом на кровать.

Я не ответила едва узрела исходящие соком куски мяса. Но приступать не спешила.

— Опять будешь травить?

— В этом больше нет нужды, Миели. Можешь смело приступать к еде.

Желудок взвыл повторно и все же я мешкала.

— О, духи! — мученически возвел глаза к потолку принц и сцапав руками кусок мяса отправил его в рот. — Все? — спросил.

Я кивнула и улыбнулась, накинувшись на еду, полностью игнорируя все нормы и правила. Мясо было чудесным. Сочным, жирным, не до конца прожаренным. Как раз как мне нравилось. Потому я быстро расправилась с предложенным, что несколько улучшило настроение и позволило уже более спокойно воспринимать мир вокруг.

Мне протянули бокал с вином и принявшись скорее по привычке, чем всерьез опасаясь, сделала несколько глотков.

— Итак, мой дорогой жених, к чему было это все? — спросила я как можно миролюбивей.

Ринемар убрал столик и поставил его просто на пол.

— В большое и чистое чувство ты конечно же не поверишь. Потому не стану кривить душой ты нужна мне для одного древнего и очень важного обряда.

От этих слов во рту пересохло и я неосознанно сделала еще глоток вина.

— Что за обряд? И для чего было представление в Храме? — стараясь сохранять стремительно тающее спокойствие.

Ринемар замаялся, видимо решаясь говорить мне что-либо или нет.

— Скоро все узнаешь. Можешь принять ванну. — махнул он рукой в сторону узкой двери возле шкафа. — Там же и твое платье. Кстати, ты уже была с мужчиной?

Внутри все сжалось от дурного предчувствия, но я все же отрицательно мотнула головой и в голове всплыли слова мастера: «Мне плевать Миели на честь и достоинство. Они лишь пустой звук. Но есть то, ради чего стоит побережь свою девственную кровь. И ты поймешь, когда ее стоит пролить.»

— Хорошо. Все же ты будешь моей женой и не хотелось бы неловких ситуаций.

Я скрипнула зубами и кивнула. Истинной леди стоило бы возмутиться, обидеться, уйти громко хлопнув дверью. Влепить пощечину, наконец. И в то же время я понимала, что этот спектакль абсолютно никоим образом не повлияет на исход сложившейся ситуации. Потому просто смолчала и сделала вид, что собственно ничего особенного не произошло.

Меня за это одарили улыбкой и снова указали на памятную дверь.

Мог бы и не напоминать.

Я поднялась. Чувствовала себя вполне здоровой и полной сил. Словно и не было тех ужасных часов, что я корчилась от боли.

Горячая ванная окончательно привела меня в чувство. Я покосилась на платье, некогда

бывшее белым. Сейчас оно выглядело так, что даже самый оборванный попрошайка постыдился бы его натянуть на себя. Местами прогоревшее, грязное и воняло паленым. А значило это то, что я и вправду горела. Мне не примерещилось все, что происходило. И радости это не добавляло.

Платье мне подготовили глубокого синего цвета, который принято одевать на свадьбу. Расшитое мелкими сапфирами и серебряной нитью. Несколько непривычного покроя. Без рукавов собранное на поясе и с разрезами по бокам до самых бедер. Вырез украшала все та же вышивка из плетения неизвестных мне рун. При том спина была открыта до самых лопаток. Появись я в таком при дворе и меня тут же заклеямили бы распутницей. А то и еще похлеще как-нибудь. Но я безропотно одела его. Спорить с принцем по поводу наряда настроения и желания не было. Да вообще, смысл плакать за волосами, когда сняли голову?

К платью прилагались туфли на высоком тонком каблуке, того же цвета и тоже с вязью рун. Пусть я не знала, что значат все эти узоры, прекрасно понимала, что неспроста на меня это все одевают.

И от этого мне было не по себе. Внутри нарастала тревога и разливалась по телу нервной дрожью.

— Да что это я в самом деле? Не прирежет же он меня в конце концов. — прошептала я собственному отражению в зеркале. — Хотя кто его знает...

— Ты долго. — спросили по ту сторону двери и я вздрогнула.

Не дело это. Вдох. Выдох. Улыбка на лицо. Все будет нормально. Что бы не уготовил мне темный принц, я справлюсь. По крайней мере без боя не сдамся.

Принц ожидал меня у камина. В камзоле, того же синего цвета, что и мое платье и с похожей вышивкой, узких брюках и темной рубашке. Волосы собраны в хвост. Губы сжаты в жесткую линию. Нервно постукивает палец на стакане с вином.

Тоже волнуется.

— Готова? Вот и славно. — все же удостоил он меня взглядом.

В черных, как сам мрак, глазах мелькнуло нечто похожее на восхищение и в груди потеплело.

— Иди ко мне. — отставил он стакан на столе и протянул мне руку.

Я сделала несколько шагов и оказалась в его объятьях. Сильных, крепких, надежных. Сердце предательски застучало, когда он легонько провел пальцами вдоль позвоночника, не защищенного тканью.

Тьма окутала нас.

Я слышала неровное биение его сердца. И старалась полностью сосредоточиться на нем.

Место где мы оказались было странным. Вроде бы было темно, но в то же время я отчетливо видела все вокруг. Стены, черные расписанные множеством древних, как сам мир, рун. Они чуть светились в темноте и я вывернулась из объятий Ринемара, чтобы лучше рассмотреть все вокруг.

Взгляд тут же наткнулся на большой овальный алтарь в центре. Так же черный и тоже исписанный древними письменами. И все. Больше ничего здесь небыло.

— Где мы? — спросила я испытывая некий трепет. Словно прикоснулась к святыне и провела пальцами мерцающим, как звезды в морозный день, письменам.

— Темный источник. Центр силы всех темных магов и вышедших из источника духов.

Он может засвидетельствовать брак, таких как мы, или забрать душу погибшего вышедшего из тьмы. И для нас союзы заключенные на алтарном камне нерушимы и вечны. — пояснили мне, обнимая сзади и касаясь дыханием волос на затылке. — Такие как я черпаем силу из него. Но источники тоже нужно подпитывать. Для этого духи выбирают девушку вернарской королевской династии. Ее кровь и сила пробуждают источник. Дают ему жизнь.

Я кивнула.

— И что мы здесь делаем?

Мне не ответили. Просто провел пальцами вдоль шеи, коснулся ее губами. Легко, почти невесомо и от того дразняще, будто обещая. Потом еще раз. И еще, прокладывая дорожку к плечу. Я задохнулась. Полностью забыв о том где я и чувствуя только горячее дыхание на ставшей сверх меры чувствительной коже. Ощущения можно было разве что сравнить с искрой попавшей в стог сена.

На миг мне показалось, что вязь на стенах полыхнула сильнее, нервно замерцала. И снова утонула в ощущениях, отдаваясь полностью его рукам, губам, телу, напрягшемуся телу.

Меня резко развернули к себе лицом. Я облизнула вмиг пересохшие губы.

Его губы легко коснулись моих, чтобы сразу же перейти в долгий глубокий поцелуй. И сердце пропустило удар. А после помчалось, как ненормальное. Тело налилось тяжестью, а в крови вспыхнул задремавший было огонь. Но он не причинял боли. Блуждал по телу и останавливался внизу живота. Платье, ставшее вмиг тесным и раздражающим, упало под ноги. Туда же полетел и камзол, рубашка, и брюки Ринемара.

Казалось, я сошла с ума. Весь мир перестал существовать. Только мы. Только в это мгновение.

Он уложил меня прямо на алтарь, не разрывая поцелуя. Голова кружилась. Я цеплялась за его обнаженные плечи, словно боялась, что растворюсь в незнакомых и таких сладких ощущениях.

Резкая острая боль. Тихий всхлип. Его стон. Накатывающее волнами наслаждение. Я даже не представляла, что это может быть так...

Туманящие разум вспышки, нарастающий огонь в крови и взрыв, уносящий меня искрами в небо. Его тяжелое дыхание, легкие поцелуи. Руки, откидывающие прядь взмокших волос с моего лица.

— Вот и все. — сказал принц улыбнувшись.

Разум возвращаться не желал. И только когда Ринемар встал и подал мне руку, я хоть и нехотя, но все же вернулась в действительность. И тут же охнула. Вязи рун на стенах и алтаре горела алым чистым огнем. Чуть пульсировал, словно в каждом из знаков билось сердце.

Темный принц, быстро натянув рубашку и штаны. Протянул мне платье, которое я хоть и взяла, но натягивать не спешила. Непонятное чувство тревоги опять сжало внутренности. Подумать, откуда ему взяться? Но глядя, как мужчина, только что обнимавший и целовавший меня, застегивает камзол и даже на меня не смотрит, испытала что-то сродни обиде.

Показывать это я ему не собиралась и несколько поспешно влезла в платье, нервно одергивая и не зная куда деть мелко дрожащие руки. Секундой позже на моем запястье щелкнул браслет. Серебряный с крупными черными камнями.

— Все. — он взглянул на меня лишь раз, но лучше бы он этого не делал.

Я почувствовала себя одной из работниц заведения мадам Птички. Холодный, как и

весь этот демонов край.

— Вы получили, что хотели. — сказал он громко и я вздрогнула. — Я исполнил клятву и жду от вас того же.

Видят боги, я ожидала чего угодно, но не этого. По стенам пополз иней. Отовсюду доносился шепот. Сначала неясный, он постепенно обретал голос. Один. Второй. Еще и еще. Я не могла различить слов. Да и не старалась. Что-то внутри треснуло и разлетелось мелкими осколками, вызывая нестерпимую боль.

По полу заструилась тьма, сплетаясь в тени, обретая вполне четкие очертания. Она сплеталась в силуэты, и даже фигуры людей. Оцепенев я смотрела на то, как одна обзавелась лицом, руками и ногами. Как черные глаза оживают, как лицо приобретает вполне нормальный человеческий цвет. Даже вздыхает, кажется, облегченно.

— Наконец-то. — выдыхает тьма, ставшая мужчиной.

Вполне обычным, нужно сказать. Такого встретишь на улице и пройдешь мимо. И все же что-то жуткое, сильное, древнее было в его глазах, от одного взгляда которых хотелось бежать не оглядываясь. И я испытала ни с чем не сравнимое облегчение, когда эти самые глаза обратились к Ринемару.

— Ты уверен в своем решении, Темный король? — заговорил мужчина, низким чуть вибрирующим голосом.

— Да.

— Есть одно но! Королева все еще не на троне. Да вы пробудили источник, и все же. Мы вполне однозначно дали понять, что от тебя требуется.

Ринемар казался вполне спокойным. Что не скажешь обо мне.

— Она пробудила источник, зачала наследника по всем правилам и большего от меня можете не просить. К тому же, — он усмехнулся, как-то не весело и даже горько. — эта королева и без трона будет править. Именно этому ее учили всю жизнь. Правда, леди Миелисандра?

Я окончательно сбита с толку всем этим разговором, который не укладывался в голове, встрепенулась от его последних слов. Открыла рот, чтобы возразить и тут же захлопнула, наткнувшись на его полный презрения, взгляд. Он все знает. Он все обо мне знает. Паника накрыла с головой. Ладони вспотели и я сжала их в кулаки, чувствуя себя загнанной в угол. И в то же время поняла, это конец. Я его потеряла. Хотя разве можно потерять то, что никогда моим и не было? И все же как оказывается это больно. Видят боги, так больно мне не было никогда.

— И все же... — начала было сущность, принявшая образ мужчины, но Темный принц... или вернее король, не дал ему договорить.

— У вас теперь достаточно сил, чтобы сделать все так, как вам того нужно. Но без меня. Вы признаете ее моей женой, матерью будущего наследника и полноправной королевой теней? — мужчина кивнул. — Тогда я считаю себя свободным от всех обязательств.

— Раз так я признаю клятву исполненной. Ты свободен, Ринемар из рода Темных королей.

На меня бросили еще один взгляд и меня окутала тьма, перенося в мои покои.

В висках заломило, а горло сдавило так, что даже вдохнуть стало почти невозможно. Я отказывалась понимать и верить во все что произошло. В то что услышала. То...

На негнущихся ногах подошла к столику и налила вир в стакан. Быть не может. Ничего

этого не может быть. Я — рабыня, купленная на рынке за горсть медяков. И я... демон! Я поддалась чувствам, на которые не имела права.

 Стакан с вином полетел в стену и со звоном разлетелся.

 Ноги подогнулись и вся боль, что разрывала грудь, наконец, вырвалась судорожными рыданиями.

«Слезы, дорогая моя девочка, — говорил мастер. — одно из средств достижения цели. Порой женщины успешно пользуются им. Но! Они хороши, когда могут, что-то изменить в твою пользу. В остальном же это просто слабость. А наша слабость нас убивает.»

Только это позволило взять, наконец, себя в руки. Встать зло вытереть слезы и начать думать. Это лучше, чем разводить сырость и страдать о том, чего быть никогда не могло. Что ж, Миелисандра, ты поддалась чувствам. Теперь нужно прийти в себя и принять, наконец тот факт, что выдуманной любви не существует. А то, что заставляет сейчас сжиматься сердце и разрываться на части, всего лишь уязвленное самолюбие. Жаль, что убедить себя в этом не так-то просто.

Я все же налила себе сок, отпила и все еще всхлипывая села в кресло.

Итак, со всего, что со мной произошло, я могла сделать вполне определенные выводы. В моих жилах течет королевская кровь. В этом сомнений не было. Потому как, по словам Ринемара, источник пробудить в силах только женщина королевских кровей. И мастер с самого начала знал об этом. Возможно с того момента, как купил меня. Эта мысль неожиданно взбесила и стакан с соком постигла та же участь, что и стакан с вином.

— Что стряслось уже? — спросила, невесть откуда взявшаяся, Тилайна. — О! а что это ты раскисла так?

Я промолчала. Зло скрипнув зубами и сбившись с мысли.

— Даже не знаю, когда тебя бояться больше. Когда ты пытаешься во всем подражать мастеру, или когда вот так бушуешь. — и не получив в ответ и намека на внимание продолжила. — Думаю, тебя немного взбодрит весть о том, что Невийя слегла.

Закономерно.

— Король в отчаянии. Не успел схоронить друга, слегла мать. Еще как слегла. Я, конечно, знала, что ты не самый добрый в подлунном мире человек, но это... — и не дождавшись от меня никакой реакции, продолжила. — Тегдарт уже опустошил половину винного погреба, заливая свое горе. И вконец заездил Бенериссу. Боюсь даже если она и переживет дурное настроение короля, ей придется дорого за это заплатить, когда на ноги встанет королева. Сельми вся в мать. А та не щадила любовниц своего короля.

Вот оно. Вот почему мать оказалась в рабских бараках вместе со мной. Ренеайя не терпела фавориток рядом со своим мужем. Не пойму, как удалось выжить и даже сохранить свое положение, Нейтории. Но не в этом суть. Нам так не повезло.

— Мда. Что-то ты сегодня совсем плоха. Иди спать. Скоро рассвет, а завтра будет тот еще денек.

Я кивнула. И как заведенная кукла двинулась к кровати. Легла. Укуталась в одеяло.

В то, что удастся уснуть не верилось, но сон нахлынул запахом цветущих абрикос. Как кстати, мама. Похоже, теперь я смогу узнать все ответы на свои вопросы.

Сочная луна освещала парк, дышащий весной. Пели цикады. Заливался соловей. Теплый ветер срывал лепестки розовато белых цветков и носил их по мощенным дорожкам мрамором дорожкам. Робкие листочки распускались на деревьях и кустах. А воздух наполнял сладкий

запах цветущих фруктовых деревьев.

Мы сидели рядом. Она прозрачная с едва заметными оттенками, словно статую раскрасили сильно разбавленными красками. Как и прежде идеальна. В одежде, собранных волосах, точеных чертах лицах. И я в памятном синем платье, босая и растрепанная.

Ни я ни она не спешили начать разговор. Обе молчали не в силах подобрать слова.

Наконец, не выдержала я. Набрала воздуха, как перед прыжком в воду и выдохнула:

— Я хочу знать все.

Она не вздрогнула. Не повернула головы. Только чуть пошла рябью тонкая фигура.

— Что именно ты хочешь знать?

— Все. Кто ты, я, мой отец... как получилось так, что мы оказались в бараках... Я хочу знать все.

Она застыла. Умолкли цикады и соловей. Затаился ветер в ветках деревьев. Закружил редкий, невесомый, как пух, снег. И когда она заговорила, я вздрогнула.

— Мы любили друг друга Шианна. Очень любили. До безумия. Когда Редхард появился при дворе, мне было пятнадцать. Он был так необычен. Не похож на надоевших своей лестью вельмож. Еще бы, каждый желал добиться расположения Аделии, сестры короля. А он нет. Даже не смотрел на меня, представляешь. А если и смотрел, то только, как на ребенка.

Она чуть улыбнулась. Словно снова вернулась в те воспоминания. А я закусила губу. Каждое ее слово сопровождалось треском рушившегося мира, который я строила столько лет. В носу предательски защипало и я стиснула зубы, не желая даже на миг показать свою слабость. Даже перед призраком матери. Или же самой собой?

— О нем разное говорили. Что он жесток, тщеславен. Говорили, что он знается с тьмой. Тогда мне казалось это выдумкой, наговором, сплетней. Но, теперь я знаю, что все было именно так. Кому как не призраку знать истинную суть вещей?

Она снова улыбнулась. На этот раз улыбка получилась грустной.

— Редхард поднимался к трону стремительно. Казалось, что ему покровительствуют сами боги, Шианна. Еще вчера он был мелким бароном из захолустья на окраине Вернарии, а сегодня герцог де Наахар. Тогда я не задумывалась о том, как ему это удалось. Да и разве это важно для семнадцатилетней девушки, тихо влюбленной в своего бога. Да, милая моя девочка, мне он казался если не богом, то уж точно близко к тому. Я восхищалась им. Ледмарт постепенно проникался к нему доверием. И вот в один прекрасный момент, когда он получил должность первого советника, наконец, уделил мне внимание.

Она снова замолчала. Я не подгоняла, только нервно кусала губы. Призраки не умеют врать. А правда оказалась слишком жестокой для меня. Горло сдавливало все сильнее. А из глаз таки капнула пара слез, которые я тут же смахнула. Но она на это не обратила внимания, погруженная в собственные воспоминания.

— Это было время, когда я, забыв саму себя, предав наследие королевской крови, впускала его в свою постель и таяла в его объятьях. Он повторял, что никогда и никому не отдаст меня. Что всегда буду с ним. И я была счастлива. Настолько счастлива, что не заметила сгущающихся над головой черных туч. Все закончилось в тот день, когда Редхард решил просить моей руки. Брат не был против. Но вот Ренеайя... она боялась моего Редхарда. И той власти, что он получил бы с моей рукой. А потому допустить этот союз не могла. Не знаю, что она говорила брату. Как убедила. Но Ледмарт отказал первому

советнику и меня поспешно отдали замуж за одного из верных королеве герцогов. Хандем был груб и жесток ко мне. Ночи, когда он приходил, пахли кислым вином, немывтым телом и стали моим кошмаром.

Она судорожно вздохнула, с подвыванием, как умеют это делать неуспокоенные души. И продолжила.

— Но когда через шесть месяцев после свадьбы родилась вполне здоровая и доношенная ты, моя жизнь превратилась в кошмар. Он увез меня в свое герцогство и там не стеснялся давать волю кулакам, даже наплевав на кровь, что текла в моих жилах. Он избивал меня до полу живого состояния. И я уже начинала молить о смерти. Три года, Шианна, я молила богов избавить меня от него. И они услышали меня. Не знаю, что в тот день случилось на охоте, но в замок привезли изуродованное тело, которое меньше всего напоминало человека. Мне не было его жаль и когда душа его покинула тело, я не смогла испытать ничего, кроме облегчения.

Она закусила губу и я не удержалась, взяла ее за руку. Та, что была моей матерью, пожала мои пальцы.

— Король прислал приказ, чтобы я возвращалась уже через несколько дней после окончания траура. Четыре года, как мы оставили дворец и уехали в то захолустье среди лесов и рек. И я радовалась возможности вернуться. Но больше всего я мечтала снова встретиться с Редхардом, показать ему тебя. Я так спешила, что даже не озаботилась надлежащей охраной. За это и поплатилась. Леса Вернарии не самое спокойное место. Тем более для женщины с небольшим отрядом стражи. Я не уверена, что разбойники попались нам на пути случайно. Стражу перебили в считанные минуты, а нас с тобой продали в рабство. А потом...

— Дальше можешь не рассказывать. — остановила я ее на полуслове. — Я и так все помню.

Сейчас я не понимала, злиться мне, негодовать или плакать. Как все сложно. Как тяжела правда.

— Как мастер... то есть отец узнал где меня искать?

— Я умерла, Шианна. Вот тогда и узнала, что он вышедший из тьмы. Он призвал меня сразу же, словно почувствовал момент, когда душа покинула тело. Тогда я и рассказала о тебе и просила о спасении.

Скрипнули зубы. Я не сразу даже поняла, что мои. Знал. Знал, что я его дочь.

Истерический чуть надтреснутый смех вырвался сам и тут же стих.

— Спасибо... мама.

— Что ты будешь теперь делать? — спросила она, устало и не глядя на меня.

— Еще не знаю. Но поверь, что-то да придумаю. Будет преступлением не воспользоваться наукой, на которую отец потратил столько сил и лет.

Леди Эдвинга всегда говорила: «То, что вечером вам кажется слишком важным, поутру может оказаться сущим пустяком. Не принимайте никаких решений сгоряча. Порой одна ночь может изменить если не все, то многое».

Не скажу, что эта ночь многое изменила. Скорее уж притупила чувства. Они стали похожи на остывающие угли, подернутые серым пеплом. И этот пепел позволил хоть немного успокоиться. Отрешиться от всего того, что свалилось на меня. Не захлебнуться во всем том, что как сель, сошедшая с гор, сбило с ног. Лишило равновесия.

Утро — это не только начало нового дня, а еще возможность посмотреть на мир по-другому.

Вот я и старалась оценить и обдумать все, что услышала, увидела, узнала. Все, что со мной произошло. И все равно ничего не получалось.

Отражение в зеркале, неестественно бледное, непривычно безжизненное, смотрело мне в глаза со страхом.

О да! Я сделала все, что хотел от меня отец. Стала не просто любовницей Темного принца, а невестой, женой. И что теперь? Конечно, официально — невестка короля. А на самом деле? Ринемар знает. Он все обо мне знает. Я слишком дорого заплачу за это. Нет я не боялась боли, которой пропахли подвалы казематов. Не боялась смерти. Демоны, я даже мастера не боялась сейчас.

Мне страшно было снова посмотреть в черные, как сам мрак, глаза и увидеть то, что накануне. Боялась, что он больше никогда не посмотрит на меня с восхищением, теплом. Любовью?

Я бессильно застонала, закрыв лицо руками. И тут же, растерев лицо ладонями, взяла себя в руки.

«Миели, эмоции никогда не были и не будут помощниками, они только мешают. А порой стоят нам жизни». — прозвучали в голове слова мастера. Отца? Смогу ли я когда-нибудь принять, что в моих венах течет его кровь? Где-то внутри зрело понимание, что он так и останется для меня просто мастером, наставником, человеком, который научил меня выживать.

«Жизнь изменчива, как весенний ветер, моя девочка. Она, то ласкает тебя, то сбивает с ног. Но помни, ни одна буря не может длиться вечно. И в то же время не бывает только солнечных дней.» — говорил он мне когда-то. Хотелось верить в это.

— Сандра, не знаю, что с тобой. И боюсь, что и знать не хочу. А это, между прочим, со мной впервые. Но ты меня пугаешь. — ворвался в мои тяжелые мысли голос Тилайны.

— Хорошо, что не хочешь. И то, что пугаю, тоже хорошо. Было бы хуже если бы я вызывала жалость. — ровно ответила я.

Лайна задумчиво побарабанила по столику пальцами. Звук был раздражающим настолько, что я передернула плечами. Она только открыла рот, чтобы что-то сказать еще, да так и застыла. В комнате собралось облако серого тумана, постепенно обрело очертания женщины.

— Леди Нора? — спокойно обратилась я, снова отворачиваясь к туалетному столику, за которым уже битый час собиралась к завтраку.

Благо король в последнее время не был ранней пташкой, иначе мне пришлось бы его и вовсе пропустить.

— Повелительница, — присел призрак в реверансе. — у меня послание от Вашего мужа. Я хмыкнула, еле удержав нервный смешок.

— Говори.

— Он просил Вас учесть, что со вчерашнего дня Ваш статус изменился. И просил соответствовать ему.

Все же смешок вырвался. Рваный, надтреснутый.

— Предайте, Его Высочеству, что я учту его пожелания.

Призрак пошел рябью. Рассыпался серым туманом и исчез.

— Новый статус? — отмерла, наконец, Лайна.

Я проигнорировала ее вопрос и отложила нежно розовую краску для губ.

— Приготовь мне платье, Тилайна.

— Какое? — ошарашено спросила она, не получив ответа.

— Черное.

Соответствовать значит? Хорошо. Я буду соответствовать. И улыбнулась собственному отражению, глядя, как блеснули два огонька на дне зрачков.

К завтраку я все же опоздала.

Но тем сильнее был эффект от моего появления. Незабываемое зрелище, когда такая толпа людей замирает, словно каменные статуи. Как округляются их глаза. Кто-то закашлялся, подавившись. Кто-то помянул богов. Кто-то даже выругался. И я улыбнулась, точно копируя кривую ухмылку моего наставника.

Может это было и лишним, но не удержалась. Никто и никогда не заподозрит меня в малодушии. Никто и никогда не узнает, чего мне стоит стоять вот здесь с гордо поднятой головой и проклятой кривоватой улыбочкой на губах. И тем более не узнает, как мне страшно сейчас. Как остро ощущение разверзшейся бездны отчаянья, под ногами. Чего стоит ступить по ее краю, даже не опуская глаз...

Для появления среди этого питомника змей и пауков, я выбрала платье, которое мастер подарил мне перед самым отъездом в Смелендер. Черное. Длинной в пол. Его можно было бы назвать простым. Корсет и струящаяся юбка, если бы не черное тонкое кружево, оплетающее свободные от ткани руки, декольте и шею, и спадающее поверх черного шелка юбки. И вдобавок ко всему я не стала красить губы нежно розовым, как делала обычно, а выбрала темно красный. И довершал мой мрачный вид массивный брачный браслет с черными же камнями.

Первым пришел в себя король. Его не интересовала моя персона. А вот брачный браслет очень даже.

— Доброе утро, дорогая невестка! — сказал он, когда я присела в приветственном реверансе, и делая знак подняться.

— И Вам доброго утра, Ваше Величество. — ответила я занимая почти всегда пустовавшее место моего мужа. Первое от короля, в ряду придворных, сидевших по правую руку, и улыбнулась.

— Я так понимаю, вас можно поздравить? Вы все же захомутали, самого завидного

холостяка Смелендера? — улыбнулся он в ответ. — Где же мой дорогой брат? Почему Вы одни, леди Миелисандра?

Самой бы знать... Но ответила все так же не переставая улыбаться.

— Благодарю, за поздравления, Ваше Величество. — ответила я венценосному родственнику. — Уверенна, мой муж очень сожалеет о том, что не смог получить их от Вас прямо сейчас. Но думаю, в скором времени еще представится случай исправить столь прискорбное обстоятельство. Что до его отсутствия... Увы, дела государства не терпят. Кому как не Вам об этом знать?

Вся доброжелательность с короля слетела. О, да, Ваше Величество, я прекрасно знаю, кто на самом деле правит страной. На чьих плечах лежит груз управления Смелендером.

— Я так понимаю, вы обвенчались в источнике. — сказал он, запив повисшее недолгое молчание хмельным медом.

— Вы правы. — кивнула я, протягивая руку к бокалу с красным вином.

— В таком случае, дорогая невестка, Вам лучше побережь здоровье моего племянника. — кивнул он на мою замершую руку.

На миг нервы все же сдали и пальцы, зависшие в воздухе, дрогнули. Значит, я действительно ношу ребенка. Эта мысль неожиданно выбила из колеи. Стало страшно. Одно дело выживать одной, совсем другое — с ребенком на руках. Но растерянность длилась всего миг. Через который я вполне радостно улыбнулась и взяла стоящий рядом бокал с яблочным соком.

— Благодарю за заботу, Ваше Величество. Кстати, с чего такая уверенность, что будет именно мальчик?

— А Рин не сказал? Как это на него похоже. — ухмыльнулся король. И понизив голос так, чтобы слышала только я, продолжил. — Возможно это только семейная легенда. Но. — Тегдард замялся, подбирая слова. — Все это источник. Души тех, кого зачали на его алтаре, выходят из первородной тьмы. И это всегда мальчики. И...

Король умолк на полуслове и между его светлыми бровями залегла глубокая складка. В глазах мелькнуло сначала что-то, что я могла расценить, как осознание чего-то важного. А после страха. Мне даже почудилось, что я почувствовала запах его страха

— Хотя это только сказка, которую нам рассказывала бабушка Редвеллаа. Жизнь непредсказуема. — туманно закончил он и я решила не развивать эту тему.

Больше никто не проронил и слова за столом. Я наслаждалась завтраком, лицами придворных, которые выражали такую гамму чувств, от недоумения до банального непонимания происходящего. Слишком стремительны были перемены при дворе Смелендера. И они не знали, что от них ожидать. Да что там они, я и сама не знала. И потому готовилась ко всему. Тем более, что теперь я отвечала не только за себя.

Рука невольно накрыла живот, словно уже сейчас стараясь защитить того, кто там рос.

Как бы там нибыло, его я точно в обиду не дам.

Узкая лестница с каменными ступенями закручиваясь спускалась вниз. По стенам, давно не видевшим света, ползли сполохи от дрожащего, словно от страха огня. Факел шипел и плевался искрами, будто защищался от теней, скользким по поросшему паутиной потолку. Коридор казался заброшенным. Им уже давно никто не пользовался. Тегдард просто не спускался сюда много лет, а Ринемару не требовались ступеньки. Увы, но нынешний король Смелендера не любил перемещаться во тьме. Она была слишком чуждой ему. Что странно для того, кому досталась ее сила.

Тегдард никогда не любил это свое наследие. Он предпочитал магии, силу физическую. По правде сказать, легенды, которые рассказывала бабушка Редвелла, всегда воспринимались им именно, как сказки. Сказания об источнике. И сейчас, спускаясь в подземелья, он судорожно вспоминал те проклятые легенды.

О! Теперь он готов был поверить во что угодно.

Темный источник из которого вышли древние, как сам этот мир, сущности. Откуда брал начало этот мир.

«Мы все выходим из тьмы и туда же возвращаемся. Тьма наше начало и наш конец. Каждый ребенок, растет и развивается в лоне матери. Тьма защищает каждого, пока он не будет готов прийти в этот мир. А после дает вечный приют. И духи ее слуги.» — так, кажется, она говорила.

Тегдард споткнулся на одной из осыпавшихся ступенек. Остановился и перевел дыхание. Сердце предательски дрогнуло от страха и в ушах зашумело, но назад пути не было. И он продолжил спуск.

«Никто не помнит уже, кем они были. Книги, в которых можно было бы прочесть о начале, истлели, изъеденные временем. Люди, которые могли бы рассказать о них, ушли за грань, расплескав в поколениях эти знания. Они уже и сами не помнят, кем были. Но это и не важно. Они призваны хранить вверенный им мир. Приводить души из тьмы и забирать обратно. Проращивать зерно, упавшее в землю, растить все, что рождается с кровью в венах. Наполнять недра гор рудой...»

С каждым шагом слова бабушки было вспоминать все легче и легче. И даже порой королю казалось, что он слышит ее голос, тихий, как скрежет мыши, и такой же противный.

«Но и им требуются силы. Короли и королевы, которые поколение за поколением рождаются, чтобы править, Смелендером и Вернарией. Их кровь, их сила веками поддерживает истинных правителей мира. Это их вечная ноша. Их наследие».

Тегдард снова споткнулся и чуть кубарем не слетел вниз. Проклятье.

Не потому ли, на него свалилось все это? Жена, которая мучится беременностью, мать, слегшая с болезнью, причину которой не может определить ни один лекарь. Даже его друг...

Слишком много всего, чтобы не поверить в старую сказку.

Наконец, лестница закончилась, упираясь в тупик. Тегдард вытащил большой охотничий нож, подарок отца, с которым не расставался почти никогда, и полоснув им по ладони, приложил к поросшей пылью стене.

Кладка дрогнула и рассыпалась. Король Смелендера глубоко вдохнул. Он должен был получить ответы.

Тысячи маленьких сердец билось вокруг. Мерцали красноватым светом.

«Это души, тех кто ушел во тьму и еще не получил возможности вернуться обратно. Они прошли долгий путь, который начинался с шага за грань. После суд богов. И очищение в нижнем мире, наполненном демонами. И теперь они снова ждут когда им позволят вернуться назад». - говорила Редвелла, приводя их с Ринемаром сюда.

Тегдард готов был поклясться чем угодно, что раньше они были другими. Бледными и не светились так ярко. Сейчас же, казалось, что в каждом горит огонь. Пульсирует в такт биению сердца.

Видят боги, он готов был теперь поверить в проклятую сказку.

Тогда, когда отец завещал ему трон, он не думал о том, сможет ли на нем усидеть. Тешился в своем тщеславии. Как глупо.

— Зачем ты пришел, Тегдард сын Тигивара? — раздался голос чуть раньше, чем сгусток тьмы стал человеком.

И король Смелендера, который не страшился даже на веоря идти с одним охотничьим ножом, испугался. До пересохшего горла. Которое не желало выпускать из легких воздух. До задрожавших похолодевших пальцев. Черные глаза с чуть мерцающими огнями наводили животный ужас и справиться с ним он не мог.

— За ответами. — все же выдавил Тегдард, отступая на шаг к стене.

— Спрашивай. — разрешила сущность.

Но он не мог подобрать слов, с которых следовало начать.

— Ты боишься, Тегдард. Потому никогда и не станешь королем этого края. — не выдержал тот, к кому он пришел. — Мало одеть венец на голову. Мало занять трон. Нужно быть его достойным. И ты не достоин.

— А кто тогда? — спросил король и так зная ответ.

— Темный король уже давно коронован. Хочет он того или нет.

— Почему же тогда не сидит на троне?

Дух приблизился, словно перетек из одного места в другое и по спине Тегдарда потекла струйка пота, а с лица слетели последние краски.

— Он еще мальчишка. — заговорил дух. — Молодой и глупый. Он ценит жизнь. Твою жизнь, в первую очередь. Но время исправит это и он поймет, что ему не уйти от своей судьбы. Он купил тебе право оставаться среди живых, кровью и силой своей королевы.

— То есть? — спросил Тегдард, сглотнув вязкую слюну.

— Он поклялся найти и привести к нам королеву, а взамен мы оставим тебе жизнь и, как следствие, Смелендерский трон. — по лицу мужчины скользнула улыбка. — Но он забыл упомянуть твоих родных и близких. Она все уйдут за грань и я лично сопровожу их.

И король сломался. Его мать, жена и, главное, нерожденный ребенок. Он словно воочию увидел серые тени приблизившиеся к грани этого мира.

— Что я должен сделать? — спросил король Смелендера, оперевшись спиной о холодный камень.

— Король и королева должны сидеть на троне. Таков закон. Такова воля богов. И ты не король, Тегдард. Подумай, что тебе дороже. Жена? Дочь? Мать? Или власть, которую ты так и не оценил по достоинству?

Тегдард сглотнул, не в силах собрать разбегающиеся мысли.

— Меня не поймут...

— Выбор за тобой. Нам не нужны оправдания. — оборвал его дух, снова ставший сгустком тьмы.

«Хороший вир и умелая шляха — лучшее средство от хандры» — говорил когда-то Тигивар.

Ложь.

Ни выпитые литры вира, ни ласковые руки шлях, не разгоняли хандру наследного принца.

Видит тьма, он собирался уйти в горы. Остаться среди холода и ветров. Но они больше не приняли его. Им чужд был полыхающий в его груди огонь. А Ринемар ничего не мог с ним поделать.

Как же так получилось, что он попался в столь искусно расставленные лордом Редхардом де Наахаром, сети?

Как случилось так, что он, сын гор и долин, гордившийся тем, что никогда не поддавался чувствам, сейчас запивает горькое разочарование и ноющую боль в груди в компании продажных женщин? А ведь он всегда знал, что королевский двор не то место где может прорасти хоть что-то настоящее, искреннее, чистое. При дворе нет места ни любви, ни доверию. Интриги, заговоры, шепотки в нишах. Это да. Но точно не любовь.

Тем болезненней было осознание своей глупости.

Дочь первого советника вернарского короля. Темный принц многое о нем слышал. Самые невероятные слухи, сплетни. Мелкопоместный барон, что взлетел к самому трону. Говорили, что именно в его руках власть в Вернарии. Что он тщеславен и властолюбив. Плел изощренные интриги. Убирал с пути любого, кто посмел на нем встать или даже просто не успел убратся. Говорили, что он необычайно жесток. Что темный. Демон. Какие только слухи не ходили о нем даже в вотчине Темного принца. А ведь можно было предугадать, что он не упустит возможности управлять и Смелендером.

И Наахар не мелочился. Хотя с другой стороны, дочь — это не просто очередная девчонка, от которой неизвестно чего ожидать. Родная кровь, как никак. Она не предаст...

Принц горько усмехнулся, смахнув с колена очередную, прильнувшую к нему девку. Все они не были ему интересны. Ему нужна была его женщина. И в то же время, как доверять, выращенной Редхардом, ядовитой змее?

Миелисандра.

Сейчас он чувствовал себя глупцом. Одно ее имя говорило само за себя. Так на юге Вернарии называли цветок олинаруии, прекрасный, нежный и... смертельный.

Ринемар не знал, чего хотел добиться первый советник Ледмарта, но был уверен, что ничего хорошего.

— Решил перетащить казну Смелендера в бордель? — спросила Тартея, садясь рядом на мягкий диван. — Нет, девочки здесь конечно ничего, но с какой кислой физиономией ты их разглядываешь... Ты пей-пей. — поднесла она к губам Ринемара стакан с виром. — Оно ж всяко лучше, чем головой подумать, выводы сделать, разобраться в ситуации. Пей, говорю. И жалея себя дальше.

Ринемар скрипнул зубами и вырвал стакан из ее рук. Поставил на низкий стол и склонился над ним глядя в янтарную жидкость, словно она могла показать ему легкий путь. А есть ли он?

— Зачем ты здесь? — прорычал он, стиснув зубы от злости.

— Пить буду, — и подтвердила свое заявление осушив наполовину наполненный стакан, вырванный из рук рыжеволосой девчонки, прильнувшей к Темному принцу.

— С чего бы?

— А что? Это очень удобно, когда не хочешь принимать никаких решений. — и тут же зашипела, словно потревоженная гадюка. — Ты думаешь, я все рассказала тебе, чтобы ты расклеился и страдал? Нет, мой мальчик. Я растоптала надежду забрать у Наахара внучку, чтобы ты, идиот, сделал выводы и оценил по-достоинству то, что он преподнес тебе.

Губы Темного принца искривила невеселая улыбка.

— Кто знает, для чего ты это сделала? Ведь столько лет я доверял тебя. Ты называла меня сыном и в то же время таскалась к этому старому интригану.

— У меня небыло выбора. — устало сказала на это Тартея наливая новую порцию вира и выпивая ее залпом

— И что изменилось.

Тартея молча налила себе еще пол стакана ядерного напитка, но в этот раз просто вертела в руках.

— Он не отдаст мне Адеширу. — сказала она с грустью. — Я это только сейчас поняла. Хотя вру. Понимать то понимала, а вот принять... Надежды странная вещь. Они не дают нам возможности видеть то, что есть на самом деле. И позволяют упиваться иллюзиями. Но невозможно обманывать себя вечно.

— Это да! — кивнул тот, кого она называла сыном.

— Что да? — взвилась ведьма, расплескав налитый вир. — Ты знаешь что такое, для темной осознавать свою беспомощность? Невозможность защитить самое дорогое? САМОЕ дорогое, Рин. Ты еще даже не представляешь, как много для таких, как мы, значат наши потомки. Но поймешь, когда возьмешь на руки сына. Тегдард уже понял, хотя всегда прятался от собственной тьмы. Даже Наахар, какой бы тварью не был, заботился о дочери. Да-да. Ты не представляешь, что такое забота потомков демонов. Не знал ты мою мать. И ты не поверишь, мне даже жаль немножко твою Миели.

Темный принц поджал губы.

— А теперь, едва выветрится хмель из твое пустой головы, подумай, как можно взять за жабры первого советника короля Вернарии, имея в женах его дочь? — сказала Тартейя, отставляя пустой стакан на столик.

Темный принц устало закрыл раздраженные дымом глаза.

— У меня другой вопрос: «Зачем?»

Со смотровой башни королевского дворца, открывался вид на весь Седмелен. Укутанный снегом. Чадящий серым дымом из печных труб. Врезающийся в величественные силуэты гор. Под натянутым пологом синего чистого неба с золотым глазом солнца.

Он был не такой, каким мне доводилось видеть его доселе. Беспоконный, словно потревоженный муравейник.

Все от мала до велика обсуждали сейчас одну новость — отказ короля Тегдарда Смелендерского от трона.

Видят боги, я не могла ни понять, ни осознать столь внезапного его решения.

Как и Сельми, которую сейчас провожали да кареты, запряженной четверкой лошадей.

Едва держащуюся на ногах бывшую королеву Смелендера подпирали две фрейлины-вернарки. Одна из них Мариила, вторая — Бенерисса. О! Как она негодовала. Откуда и силы взялись? Кажется, вот только лежала чуть живая, а через миг уже была все, что под руку попадется. В том числе и своего венценосного мужа.

Сейчас она шла, гордо вскинув голову. Словно это все было не с ней. И только один единственный, полный злобы, ненависти, взгляд, брошенный на серые стены замка, выдал все ее чувства.

— Что теперь будет? — задал вопрос Тим, на который никто не мог дать однозначного ответа.

Что будет? Я не знала. Не понимала.

Тонкие нити неведомого кукловода обрывались, складывая куклы, бесформенной грудой. Или поднимали их выше над остальными. Кем он был? Мастер Наахар? Духи, вышедшие из темного источника? Или может кто-то еще? Боги? От этих мыслей ломило виски. Хотелось к ним прижать пальцы, чтобы они перестали метаться, выбивая барабанную дробь. Но так и оставалась, неподвижно стоять.

— Коронация, Тим. — наконец проронила я. — Моего мужа и моя.

— Не слышу радости в твоём голосе.

А чему радоваться. Вот уже две недели я не видела того, чьей женой стала. И с каждым днем, каждой минутой, все больше понимала, что боюсь его встретить. Посмотреть в глаза.

— Лорд де Нарен, я боюсь, что Вам не пойдет на пользу суровая погода Смелендера. — раздался позади голос, который я и хотела и в то же время боялась услышать.

Тимилу не нужно было повторять дважды. Он коротко поклонился тому, кто стоял за моей спиной, потом мне, и быстрым шагом удалился. И по мере того, как стихали его удаляющиеся шаги на меня накатывала паника.

— Увижу его еще раз рядом с тобой — разорву на месте. — сказал мой муж неслышно приблизившись и коснувшись дыханием моих, растрепанных ветром волос.

Я молчала. Или даже не дышала, закусив губу.

Он не прикасался ко мне. Но я чувствовала его тепло, согревающее спину. Наслаждалась его запахом мороза и гор. Мне хорошо было вот так молчать рядом с ним. И все же:

— Что теперь будет, Рин? — задала я вопрос, на который еще минуту назад сама не смогла найти ответа, и малодушно закрыла глаза, страшась ответа.

Он мучительно долго молчал. Настолько долго, что сердце пропустило несколько ударов.

— Весна, Миели. — сказал он наконец, склоняясь к моему уху. — Ты чувствуешь ее запах? Он уже разливается в воздухе, щипает в носу. Он дарит нам веру в то, что все можно снова начать сначала. С чистого листа, молодого ростка...

Я проглотила густой ком в горле.

— Думаешь получится?

— Думаю, что нет. Но кто мешает нам на это надеяться?

Кабинет лорда Наахара утопал в полумраке. Он сидел за столом, уложив голову на сцепленные пальцы, и смотрел на облизывающееся пламя в камине. Все случилось так, как он того хотел.

Его девочка. Его Миелисандра. Или как назвала ее мать Шианна. Он никогда не любил это имя. Принцесса Аделия была слишком светла и сентиментальна. Даже имя дочери дала, памятуя о покойной королеве матери. За свою наивность и поплатилась.

Мастер Наахар скрипнул зубами и в такт выплеснувшейся злости, взмыло пламя в камине. Плюнуло искрами в гудящий дымоход.

Ренеайя.

Она знала куда бить, так чтобы свалить его с ног. Бить именно туда, что еще тогда молодой, но уже знающий чего хочет, Редхард старался искоренить в себе. Он раз за разом повторял себе, что не существует любви. Убеждал себя в этом. И порой даже получалось. Но один взгляд на юную Дель и все его труды рассыпались, тлели от одной чуть смущенной улыбки.

Королева Вернарии видела то, чего он сам старался не замечать. И не стесняясь воспользовалась его слабостью.

Любовь — это слабость. Порок для того, кто играл в дворцовые игры. Она делает уязвимым, того кто ставит жизнь на кон в этой игре. И он начинает бояться. А любовь становится его гибелью.

И когда Дель. Его светлая маленькая Дель, ушла из жизни, он запретил себе проявлять хоть малейшую слабость. Но не смог отказать себе в такой сладкой, пьянящей и дурманящей мести.

Лорд отомстил Ренеайе за свою женщину. Одного за другим забирал ее детей. И после и жизнь собственно королевы Вернарии. Сейчас он жалел, что она не видит во что превратилась ее дочь. И все же успокоения это не принесло. Столько лет прошло, а его сердце до сих пор разрывается, когда он, закрывая глаза, вспоминал свою принцессу.

Его дочь так на нее похожа. Такие же зеленые глаза, те же рыжие волосы... Год за годом он смотрел, как она, взрослея становится точной копией матери.

Что ж, в чем то он понимал ведьму, столько лет к ряду служившую ему. Оберегавшую и наставлявшую Темного короля Смелендера. Наступающей раз за разом на горло собственной гордости. Для таких, как они, нет ничего ценней собственного потомства. И ради него они готовы на все. Когда-то он расскажет своей девочке об этом.

Он хорошо помнил тот день, когда увидел в клетке девочку с такими же зелеными глазами, как у его Дель. И ту злость, ярость, ненависть, которая выжигала его изнутри.

В тот день он клялся отомстить. Клялся, что его дочь никогда больше не попадет в клетку. На нее никогда больше не оденут рабский ошейник. И для этого он сделает все.

Что ж. он исполнил свою клятву.

Уже тогда лорд Наахар знал, что предназначено его Миелисандре. Об этом трещал огонь в камине, шептали тени на стенах. Но путь к трону не бывает легок, даже если твой по праву... И он сделал все, чтобы она смогла его пройти.

И пусть его собственная дочь трясется, как осиновый лист подле него, лорд Редхард де

Наахар был как никогда рад тому, что воспитал ее именно такой.

— Мастер, — присела в реверансе Тилайна и он наконец вернулся к реальности.

— Как дела? — откинулся он на спинку кресла и прикрыл уставшие и пересохшие от долгого созерцания огня, глаза.

— Все согласно Вашим планам. — ответила она коротко.

Наахар кивнул.

— Едва она взойдет на трон ты получишь то, что я тебе обещал.

«А я верного человека, в воровской мире.» — но этого он ей не сказал.

А в том, что в воровской иерархии она займет не последнее место мастер де Наахар не сомневался. Он вообще не сомневался в своих воспитанницах.

— Спасибо, мастер. — сказала Тилла.

— Можешь быть свободна. Встретимся завтра, Тилайна. И позови Адеши, будь так добра.

Она изобразила реверанс и исчезла за дверью.

«Пора заняться и троном Вернарии.» — подумал мастер Наахар, глядя на расставленные, на расчерченной белыми и черными квадратами доску, фигурки. В этот момент как раз маленькая черная пешка скользнула, делая последний ход в этой игре и столкнула с доски белую королеву, заняв ее место, и лорд Наахар довольно улыбнулся. Смотрел, как рассыпается в белый прах фигура поверженной королевы. Как расправляет плечи, растет, вскидывает голову новая, черная. И ликовал. Но никто и никогда бы не сумел увидеть этого по его холодно-отрешенному лицу.

— Мастер. — обозначила свое присутствие Адешира.

И он щелкнул пальцами снова расставляя фигурки для начала новой партии.

— Адешира де Лаотон, мне кажется, пора показать вернарскому двору, что такое настоящая южная красота. Как думаете?

— Я благодарю Вас, мастер. — склонила она голову, пряча предвкушающую улыбку.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net